

Луиза Олкотт Маленькие женщины

*Теперь же, Книга, плод моих трудов, иди
И покажи всем, что хранишь в своей груди.
Ты развлекай и поучай друзей моих,
Пусть верный путь к добру им мой укажет стих.
Надеждой льщу себя, что сбудутся мечты,
Что жизни смысл понять им всем pomoжешь ты.
Ты познакомь их с Милосердием; оно
На жизненном пути быть правилом должно.
Пусть голос звучный твой дев юных призовет
Ценить тот мир, что есть, и тот, что всех нас ждет.
В душе имея Господа, пусть с Ним
Пойдет надежнейшей тропой пилигрим.*
Джон Бенъян

Глава 1 Игра в пилигримов

– Без подарков и Рождество не Рождество, – недовольно-но проворчала Джо, растягиваясь на коврик перед камином.

– Как это отвратительно – быть бедным! – вздохнула Мег и опустила взгляд на свое старое платье.

– Это просто несправедливо, что у одних девочек полно красивых вещей, а у других совсем ничего нет, – обиженно засопев, добавила маленькая Эми.

– Зато у нас есть папа и мама, и все мы есть друг у друга, – с удовлетворением отозвалась из своего угла Бесс.

При этих ободряющих словах четыре юных лица, освещенных огнем камина, на мгновение оживились, но тут же омрачились снова, так как Джо сказала печально:

– Нет у нас папы и долго не будет.

Она не произнесла: «Быть может, никогда», но каждая из них добавила эти слова про себя, задумавшись об отце, который так далеко от них – там, где сражаются.

С минуту все молчали; затем Мег заговорила другим тоном:

– Вы же знаете, почему мама предложила не делать друг другу подарков на Рождество. Зима предстоит тяжелая, и мама считает, что нам не следует тратить деньги на удовольствия, в то время как мужчины несут все тяготы фронтовой жизни. Мы мало чем можем помочь им, но все же способны принести свои маленькие жертвы и должны делать это с радостью. Но, боюсь, в моей душе этой радости нет. – И Мег покачала головой, с грустью подумав о всех тех красивых вещах, которые ей хотелось иметь.

– А по-моему, те небольшие карманные деньги, какие у нас есть, не могут принести заметную пользу. У каждой из нас всего лишь доллар, и вряд ли мы так уж поможем армии, если пожертвуем ей эти деньги. Я согласна не ожидать никаких подарков от мамы и от вас, но очень хочу купить себе «Ундину и Синтрама»¹. Я так долго об этом мечтала! – сказала Джо, которая была известной пожирательницей книг.

– Я собиралась потратить свой доллар на новые но-ты, – проронила Бесс с таким легким вздохом, что его услышали лишь стоявшие поблизости подставка для чайника и щетка для выметания очага.

¹ Ундина и Синтрам (1811) – произведение немецкого писателя-романтика Фридриха де ла Мотт Фуке.

– А я куплю себе коробку цветных карандашей. Мне они совершенно необходимы, – заявила Эми решительно.

– Мама ничего не говорила о наших карманных деньгах, и она, конечно, не станет требовать, чтобы мы полностью отказались от всяких удовольствий. Пусть каждая из нас купит что хочет, и мы хоть немного порадуемся. По-моему, мы заслужили это тем, что так усердно трудились! – во-скликнула Джо, по-мужски оглядывая каблуки своих стоп-таннх туфель.

– Уж мне-то действительно пришлось нелегко – учить этих надоедливых детей чуть ли не целыми днями, когда так хочется домой, – снова начала Мег жалобным тоном.

– Тебе было далеко не так тяжело, как мне, – заявила Джо. – Как бы тебе понравилось часами сидеть взаперти с суматошной и капризной старухой, которая не дает тебе ни минуты покоя, вечно недовольна и надоедает до такой степени, что ты готова выброситься из окна или зары-дать?

– Нехорошо, конечно, жаловаться, но я считаю, что мыть посуду и поддерживать порядок в доме – самая неприятная работа на свете. От нее я становлюсь раздра-жительной, а руки делаются как деревянные, так что я даже не могу как следует играть гаммы. – И Бесс взглянула на свои загрубевшие руки со вздохом, который на этот раз услышали все.

– А я думаю, что ни одна из вас не страдает так сильно, как я! – воскликнула Эми. – Ведь вам не прихо-дится ходить в школу и сидеть там с наглыми девчонками, которые ябедничают на тебя, если ты не знаешь урока, смеются над твоими платьями, оскорбляют тебя из-за того, что у тебя не очень красивый нос, и чистят твоего отца, так как он небогат.

– Если ты хочешь сказать честят, то так и скажи, а не говори об отце так, как будто он закопченный чайник, – посоветовала Джо со смехом.

– Я прекрасно знаю, что я хочу сказать, и ни к чему обращаться ко мне с таким *старказмом*. Это очень похваль-но – употреблять хорошие слова и пополнять свой *лисикон*, – с достоинством парировала Эми.

– Не клуйте друг друга, детки. Разве тебе, Джо, не хотелось бы, чтобы у нас сейчас были те деньги, которых папа лишился, когда мы были маленькими? – сказала Мег, которая была старшей и могла припомнить лучшие времена. – Боже мой! Какими счастливыми и доброжела-тельными были бы мы, если бы у нас не было забот!

– А на днях ты говорила, что, по твоему мнению, мы гораздо счастливее, чем дети Кингов, несмотря на все их богатство, потому что они только и делают, что ссорятся да дерутся.

– Конечно, Бесс, я это говорила и действительно думаю, что мы счастливее их, пусть даже нам и приходится работать. Ведь зато мы умеем повеселиться, и вообще мы «теплая компания», как сказала бы Джо.

– Джо всегда употребляет такие вульгарные выраже-ния! – заметила Эми, укоризненно взглянув на длинную фигуру, растянувшуюся на коврик.

Джо немедленно села, засунула руки в карманы и за-свистела.

– Перестань, Джо, это так по-мальчишески!

– Именно поэтому и свищу.

– Терпеть не могу грубых, невоспитанных девочек!

– Ненавижу жеманных и манерных недотрог!

– «Птички в гнездышке своем все щебечут в лад», – запела Бесс с таким забавным выражением лица, что раздраженные голоса сменились смехом и «птички» на время перестали клевать друг друга.

– Право же, девочки, обе вы заслуживаете порицания, – рассудительно сказала Мег, принимаясь за поучения на правах старшей сестры. – Ты, Джозефина, уже достаточно взрослая, чтобы отказаться от этих мальчишеских выходок и вести себя как подобает девушке. Твои манеры не имели большого значения, пока ты была маленькой. Однако теперь, когда ты такая высокая и делаешь себе «взрослую» прическу, тебе следует помнить, что ты уже барышня, а не мальчишка-сорванец.

– Никакая я не барышня! А если я делаюсь барышней оттого, что укладываю волосы, то уж лучше я буду носить две косы, пока мне не исполнится двадцать! – воскликнула Джо, стянув с волос сетку и стряхивая вниз свою густую каштановую гриву. – Противно даже подумать, что мне придется стать взрослой, называться мисс Марч, носить длинные платья и быть чопорной, как какая-нибудь китайская астра! И так уж скверно быть девчонкой, когда я люблю все мальчишеское: и работу, и игры, и манеры! Мне никак не привыкнуть с тем, что я не мальчик, а теперь даже еще тяжелее, потому что я до смерти хочу пойти в армию и сражаться плечом к плечу с папой, а вместо этого приходится сидеть дома и вязать, словно какая-нибудь сонная старуха! – И Джо так свирепо встряхнула синим солдатским носком, что спицы застучали друг о друга, как кастаньеты, а клубок запрыгал по комнате.

– Бедная Джо! Это ужасно, но ничего тут не поделаешь. Придется тебе довольствоваться тем, что ты превратила свое имя в мужское и играешь роль брата по отношению к нам, девочкам, – сказала Бесс, глядя всклокоченную голову Джо своей маленькой рукой, прикосновение которой никакая самая тяжелая работа на свете никогда не смогла бы сделать грубым.

– А что касается тебя, Эми, – продолжила Мег, – то ты чересчур привередлива и церемонна. Пока это просто смешно, но если ты не остережешься вовремя, то, когда вырастешь, превратишься в глупую жеманную гусыню. Мне нравится и твоя благовоспитанность, и приятная манера выражаться, но лишь до тех пор, пока ты не начинаешь изощряться. Все эти твои нелепые слова ничуть не лучше, чем жаргон Джо.

– Если Джо – мальчишка-сорванец, а Эми – жеманная гусыня, то, будь добра, скажи, кто же я, – попросила Бесс, готовая выслушать упреки и в свой адрес. – Ты просто прелесть, вот и все, – ответила Мег с теплотой, и никто не возразил ей, потому что Мышка, как называли Бесс, была любимицей всей семьи.

Юные читатели всегда интересуются тем, «как люди выглядят», и потому мы воспользуемся этим моментом, чтобы дать им краткое описание внешности четырех сестер, которые сидели с вязаньем в руках в декабрьские сумерки, когда за окнами тихо падал пушистый снег, а в гостиной весело потрескивал огонь. Это была уютная старая комната; правда, ковер был выцветшим, а мебель очень простой, но зато на стенах висело несколько хороших картин, стенной шкаф заполнен книгами, на подоконниках цвели хризантемы и маленькие розочки, и все кругом дышало домашним уютом и покоем.

Маргарет, старшей из сестер, было шестнадцать, и она была очень хороша собой: полненькая и беленькая, с большими глазами, мягкими темными волосами, прелестным ртом и белыми ручками, которыми она особенно гордилась. Пятнадцатилетняя Джо, очень высокая, худая, смуглая, напоминала жеребенка, так как, казалось, совершенно не знала, что делать со своими длинными руками и ногами, которые всегда ей мешали. У нее был четко очерченный рот, забавный нос и колючие серые глаза, которые, похоже, видели все» сразу и смотрели то свирепо, то насмешливо, то задумчиво. Длинные густые волосы были ее единственной красотой, однако обычно она сворачивала их в узел и укладывала в сетку, чтобы не мешали. Джо была сутулой, с большими кистями рук и стопами, к одежде своей относилась равнодушно и беззаботно. В целом она производила впечатление девочки, которая стремительно превращается в женщину и очень этим недовольна. Элизабет – или Бесс, как все ее называли, – была румяная тринадцатилетняя девочка с гладкими волосами и яркими глазами, застенчивая, робкая, с неизменно кротким выражением лица. Отец называл ее «Маленькая Безмятежность», и это имя отлично ей подходило, ибо она, казалось, жила в своем собственном счастливом мире, решаясь покинуть его лишь для встречи с теми немногими, кому доверяла и кого любила. Эми, хоть и младшая, была самой важной особой в семействе – по крайней мере, в ее собственных глазах. Настоящая снегурочка с голубыми глазами, вьющимися золотистыми волосами, спускающимися на плечи, бледная и стройная, она всегда следила за своими манерами, стараясь вести себя, как юная леди. Что же касается характеров четырех сестер – выяснение этого вопроса мы оставим на будущее.

Часы пробили шесть, и, выметая золу из камина, Бесс положила перед ним домашние

туфли матери, чтобы согреть их. Вид этих старых туфель вызвал у девочек приятные чувства, потому что скоро должна была вернуться мама, и все с радостью готовились встретить ее: Мег перестала отчитывать сестер и зажгла лампу, Эми вылезла из самого удобного кресла, хотя ее даже не просили об этом, Джо забыла о своей усталости и села, чтобы подержать мамины туфли поближе к огню.

– Маме нужна новая пара, эти совсем сношенные.

– Я куплю ей на мой доллар, – сказала Бесс.

– Нет, я это сделаю! – закричала Эми.

– Я старшая, – начала Мег, но тут решительно вмешалась Джо:

– Пока папы нет, я в семье за мужчину, и я куплю ей туфли, потому что он, уезжая, велел мне заботиться о ней.

– Слушайте, что я придумала, – сказала Бесс. – Пусть каждая из нас сделает ей какой-нибудь подарок на Рождество, а для себя покупать ничего не будем.

– Отлично, дорогая! Как это на тебя похоже! Что же мы купим? – радостно воскликнула Джо.

На минуту все глубоко задумались, затем Мег объявила, так, словно идея была подсказана ей видом ее собственных хорошеньких ручек:

– Я подарю ей пару красивых перчаток.

– Армейские туфли, лучше быть не может! – закричала Джо.

– Несколько носовых платочков, подрубленных и с меткой, – сказала Бесс.

– Я куплю маленькую бутылочку одеколона. Он ей нравится, и к тому же это будет недорого, так что у меня останутся деньги и на карандаши, – добавила Эми.

– А как мы вручим ей подарки? – спросила Мег.

– Положим все на стол, приведем ее и будем смотреть, как она разворачивает свертки, – ответила Джо. – Помните, как это бывало раньше в наши дни рождения?

– Мне всегда было страшно, когда приходил мой черед сидеть в большом кресле с короной на голове и смотреть, как вы все маршируете кругом и вручаете мне подарки с поцелуями. Меня радовали и подарки и поцелуи, но было просто ужасно, что вы сидите и глядите на меня, пока я разворачиваю подарки, – сказала Бесс, поддразнивая на огне одновременно и свое лицо, и ломтики хлеба к чаю.

– Пусть мама думает, что мы хотим купить подарки для себя, а потом мы устроим ей сюрприз. За покупками придется пойти завтра после обеда. До Рождества остается совсем немного, а нам еще столько всего нужно подготовить для постановки, – сказала Джо, поглядывая на всех свысока и расхаживая взад и вперед по комнате с заложенными за спину руками.

– Я, наверное, в последний раз принимаю участие в постановке. Я становлюсь слишком взрослой для подобных развлечений, – заметила Мег, которая оставалась сущим ребенком, когда дело доходило до всяких шалостей с переодеванием.

– Ну, я уверена, что, пока есть возможность разгуливать в белом платье с распущенными волосами и носить драгоценности из золотой бумаги, ты от этого не откажешься. Ты лучшая актриса среди нас, и, если ты бросишь сцену, нашему театру придет конец, – сказала Джо. – Давайте прямо сейчас проведем репетицию. Эми, иди сюда, разыграем еще раз сцену, где ты падаешь в обморок, а то у тебя в ней такой вид, словно ты аршин проглотила.

– Что ж я могу поделать? Я никогда не видела, как падают в обморок, а грохаться плашмя, как ты, и делаться от этого сплошь в синяках я не собираюсь. Если я не могу опуститься плавно, то уж лучше мне упасть в кресло, и все будет очень изящно. И пусть даже Гуго подходит ко мне с пистолетом, меня это мало волнует, – возразила Эми, которая не обладала драматическим талантом, но получила роль главной героини потому, что была достаточно маленькой, чтобы злодей в пьесе мог утащить ее за кулисы.

– Сделай так: сцепи руки – вот так – и, шатаясь, отступай и отчаянно кричи: «Родриго! Спаси меня! Спа-си!» – И Джо продемонстрировала этот маневр с мело-драматическим

воплем, от которого дрожь пробирала до костей.

Эми последовала ее примеру, но при этом выставила вперед совершенно прямые руки и двигалась резкими толчками, словно заведенная, а ее «О-о!» наводило на мысль скорее об уколе булавкой, чем о страхе и душевных муках. У Джо вырвался стон отчаяния, Мег открыто засмеялась, а Бесс, с интересом заглядевшись на происходящее, дала хлебу подгореть.

– Бесполезно! Ладно, сделай что сможешь, когда придет время, но, если публика будет смеяться, меня не вини. Теперь ты, Мег.

Дальше все пошло гладко: дон Педро, отец героини, бросил вызов миру в речи длиной в две страницы, произнесенной не переводя дыхания; волшебница Хейгар пропела ужасные заклинания над кипящим на медленном огне котелком, полным ядовитых жаб, добиваясь тем самым сверхъестественного результата; Родриго, главный положительный герой, решительно разорвал в куски свои цепи, а Гуго, главный злодей, умер в мучениях, вызванных мышьяком и угрызениями совести, с леденящим кровью «ха, ха, ха!».

– Это лучшая из всех наших постановок, – сказала Мег, когда мертвый злодей поднялся и сел, потирая ушибленные локти.

– И как это тебе удастся сочинять и ставить такие замечательные пьесы, Джо? Ты настоящий Шекспир! – воскликнула Бесс, которая твердо верила, что все ее сестры обладают чудесными талантами во всех сферах.

– Ну, не совсем, – отвечала Джо скромно. – Я считаю, что моя опера «Проклятие волшебницы» – неплохая вещь, но я охотно попыталась бы поставить «Макбета», если бы только мы могли устроить на сцене люк для духа Банко. Мне всегда хотелось исполнить роль убийцы. «Кинжал ли вижу перед собою?» – пробормотала Джо, дико вращая глазами и судорожно хватая руками воздух, как это делал какой-то знаменитый трагик, которого она видела однажды в театре.

– Нет, это всего лишь вилка для поджаривания хлеба, а вместо хлеба на ней мамина туфля! – воскликнула Мег, и репетиция закончилась общим взрывом хохота.

– Как это приятно, что я застала вас такими веселыми, девочки мои, – раздался у дверей радостный голос; и актеры и зрители обернулись, чтобы приветствовать высокую женщину с ласковым материнским взглядом и приятным выражением лица, которое, казалось, всегда говорило: «Не могу ли я помочь вам?» – и было поистине восхитительным. Несмотря на скромную одежду, вид у нее был очень благородный, и девочки считали, что под простым серым плащом и немодной шляпкой скрывается самая замечательная мама на свете.

– Ну, дорогие мои, как вы поживали без меня сегодня? У меня было много работы – мы готовили рождественские посылки, так что я не смогла прийти домой на обед. Кто-нибудь заходил, Бесс? Как твой насморк, Мег? Джо, у тебя такой усталый вид. Поцелуй меня, Эми, крошка.

И с этими материнскими расспросами миссис Марч сняла мокрый плащ и шляпку, надела теплые туфли, села в удобное кресло и привлекла к себе Эми, готовясь провести самые счастливые часы своего полного трудов и забот дня. Девочки засуетились, стараясь – каждая по-своему – сделать все для ее удобства. Мег накрывала на стол, Джо принесла поленья для камина и теперь расставляла стулья, с грохотом роняя и переворачивая все, к чему прикасалась, Бесс тихо и деловито сновала между кухней и гостиной, в то время как Эми сидела сложа руки и давала всем указания.

Когда все уже сидели за столом, миссис Марч сказала с особенно счастливым выражением лица:

– У меня есть чем угостить вас после ужина.

Быстрые, живые улыбки словно солнечный луч пробежали по лицам. Бесс сложила руки, забыв о печенье, которое держала, а Джо подбросила вверх свою салфетку с криком:

– Письмо, письмо! Да здравствует папа!

– Да, чудесное длинное письмо. Он здоров и считает, что перенесет холодное время года гораздо лучше, чем мы думали. Он шлет всем нам самые добрые пожелания к

Рождеству и отдельно обращается к вам, девочки, – сказала миссис Марч, прикасаясь к своему карману так, словно там лежало сокровище.

– Быстро доедаем – и все! Хватит тебе, Эми, сгибать мизинчик и жеманиться над тарелкой! – закричала Джо, в спешке заглатывая чай и роняя хлеб маслом вниз на ковер.

Бесс больше не могла есть; она снова скользнула в свой темный уголок и, сидя там, размышляла о предстоящем удовольствии.

Наконец все были готовы.

– Это просто замечательно, что папа отправился на войну капелланом, хотя он уже старше призывного возраста и здоровье у него не такое хорошее, чтобы быть солдатом, – сказала Мег с теплотой.

– Как я хотела бы отправиться на войну барабанщиком или *vivan*²... Как они там называются?.. Или медсестрой, чтобы я могла быть рядом с папой и помогать ему, – простонала Джо.

– Мы все будем стараться! – воскликнула Мег. – Я знаю, что слишком много думаю о моей внешности и не люблю работать, но больше этого не будет, насколько это в моих силах.

– Я постараюсь стать той «маленькой женщиной», ка-кой он хочет меня видеть, не буду грубой и необузданной и исполню мой долг здесь, дома, вместо того чтобы мечтать оказаться где-нибудь в другом месте, – сказала Джо, думая при этом, что владеть собой, оставаясь дома, окажется для нее куда более трудной задачей, чем встретиться лицом к лицу с одним или двумя мятежниками-южанами.

Бесс не сказала ничего, она просто утерла слезы синим солдатским носком и принялась вязать изо всех сил, чтобы, не теряя времени, начать исполнять свой непосредственный долг. В глубине своей кроткой души она давала себе обещание стать такой, какой надеялся встретить ее отец, когда следующий год принесет ему счастливое возвращение домой.

Миссис Марч нарушила молчание, которое последовало за словами Джо, сказав бодрым голосом:

– Помните, как мы играли в пилигримов, когда вы были маленькими? Как вы радовались, когда я привязывала вам на спину мои мешочки с лоскутками вместо котомок, давала вам шляпы, палки и бумажные свитки с напутствиями и отправляла вас в путешествие по дому из погреба, который был Городом Разрушения, на самую крышу, где из разных красивых вещей мы создавали Небесный Город³?

– О, как это было замечательно, особенно пробираться мимо львов, сражаться с Аполлионом, проходить через долину злых эльфов! – воскликнула Джо.

– Я очень любила тот момент, когда мы наконец сбрасывали наши котомки и они катились вниз по лестнице, – сказала Мег.

– Мне было приятнее всего, когда все мы выходили на плоскую крышу, где были наши горшки с цветами и прочие красивые вещи, и стояли там и пели от радости в лучах солнца, – сказала Бесс с улыбкой, словно вновь переживая эти прекрасные мгновения.

– А я помню только, что боялась погреба и темной передней, но зато любила молоко и пирожки, которые мы ели на крыше. Если бы я не была теперь слишком взрослой для таких развлечений, то, пожалуй, снова поиграла бы, – сказала Эми, которая заговорила об отказе от детских забав в зрелом двенадцатилетнем возрасте.

– Дорогая моя, мы никогда не становимся слишком взрослыми для этой игры, потому что так или иначе играем в нее всю свою жизнь. Наши котомки всегда за спиной, наша дорога перед нами, а стремление к добру и счастью – тот проводник, что ведет нас через

² *vivandiere* – маркитанка (франц.)

³ в основу этой игры лег сюжет поэмы английского писателя-проповедника Джона Беньяна «Путешествие пилигрима» (1678). Я читал ее в детстве – вроде ничего так книжечка...

множество огорчений и ошибок к душевному покою, который и есть настоящий Небесный Город. А теперь, мои маленькие пилигримы, почему бы вам не начать сначала, только не понарошку, а на самом деле, и посмотрим, как далеко вы доберетесь, прежде чем папа вернется домой.

– Ты это серьезно, мама? А где наши котомки? – спросила Эми, которая была очень прозаичной юной особой.

– Каждая из вас уже сказала, какую ношу ей предстоит нести. И только Бесс промолчала. Я умаю, что у нее такой ноши нет, – заметила миссис Марч.

– У меня она тоже есть. Моя ноша – мытье посуды и вытирание пыли, а еще я завидую девочкам, которые могут играть на хорошем фортепьяно, и боюсь людей.

Ноша Бесс оказалась такой забавной, что всем захотелось рассмеяться, но никто не сделал этого, не желая ее обидеть.

– Так двинемся в путь, – сказала Мег задумчиво. – Игра в пилигримов – это просто другое название стремления стать лучше. Может быть, игра поможет нам; ведь хотя мы и хотим быть хорошими, это тяжелый труд для нас и часто мы забываем о намеченных целях и делаем для их достижения меньше, чем могли бы.

– Сегодня вечером мы сидели в Болоте Уныния, а мама пришла и вытащила нас, словно Надежда в книжке. Но нам тоже нужны свитки с напутствиями. Где мы их возьмем? – спросила Джо, в восторге от того, что эта игра внесет хоть немного романтики в такую скучную задачу, как исполнение долга.

– Загляните под подушку в рождественское утро, и вы найдете там свой путеводитель, – отвечала миссис Марч.

Они обсудили этот новый план, пока старая Ханна убирала со стола. Затем были извлечены четыре маленькие рабочие корзинки, и замелькали иголки – девочки подшивали простыни для тети Марч. Это было совсем не интересное занятие, но в тот вечер никто не роптал. Работа спорилась, так как они приняли предложение Джо: разделить каждый из длинных швов на четыре части, назвать их Европа, Азия, Африка и Америка и, делая стежки на каждой из этих частей, беседовать о разных странах этих континентов.

В девять все прекратили работу и, прежде чем отправиться в постель, пропели хором несколько песен. Никто, кроме Бесс, не мог извлечь мелодичные звуки из старого фортепьяно; лишь она одна знала, как нежно коснуться пожелтевших клавиш, чтобы звучали под музыку те простые песни, которые они пели. Голос Мег напоминал звуки флейты; она и мать вели маленький хор. Эми стрекотала, как сверчок, а Джо была на седьмом небе от счастья и блуждала там как ей заблагорассудится, вечно умудряясь испортить самую задумчивую мелодию неожиданной трелью или хриплыми низкими звуками. Девочки пели с тех самых пор, как научились говорить, и это вечернее пение стало семейной традицией, ибо мать была прирожденной певицей. Первыми звуками, раздававшимися в доме по утрам, были звуки ее голоса, когда она шла по комнатам, распевая словно жаворонок, и последнее, что слышалось вечером, были те же радующие душу звуки, ибо девочки так и не стали слишком взрослыми, чтобы отказаться от привычной материнской колыбельной.

Глава 2

Счастливое Рождество

Джо была первой, кто проснулся, когда забрезжил седой рассвет рождественского утра. Ни одного чулка с подарками не висело у камина, и на мгновение она ощутила такое же глубокое разочарование, какое испытала однажды в раннем детстве, когда ее чулок упал, так как был битком набит подарками. Потом она вспомнила об обещании матери, сунула руку под подушку и достала небольшую книжечку в малиновой обложке. Она очень хорошо знала эту книжку, ибо это была прекрасная старая история о замечательной жизни, лучшей из всех когда-либо прожитых на земле, и Джо всей душой почувствовала, что это настоящий путеводитель для каждого пилигрима, отправляющегося в дальний путь. Она разбудила

сестру радостным восклицанием: «Сча-стливого Рождества, Мег!» – и предложила ей тоже заглянуть под подушку. Оттуда появилась такая же книжка, только в зеленой обложке, с той же самой картинкой внутри и теми же напутственными словами, написанными матерью. Надпись эта делала подарки по-настоящему драгоценными в глазах девочек. Проснувшиеся Бесс и Эми тоже заглянули под подушки и нашли там свои маленькие книжечки – серебристую и голубую, – и теперь все сидели, разглядывая подарки и беседуя, а восток все сильнее разгорался розовым светом приближающегося дня.

Несмотря на некоторую суетность и тщеславие, Маргарет отличалась кротостью и набожностью, чем невольно влияла на сестер, особенно на Джо, которая нежно ее любила и следовала ее советам, так как давались они мягко и с любовью.

– Девочки, – сказала Мег серьезно, переводя взгляд с растрепанной головы рядом с собой на две головки в ночных чепчиках на постели в смежной комнате, – мама хочет, чтобы мы с любовью и вниманием читали эту книгу, и мы должны начать прямо сейчас. Прежде мы добросовестно относились к подобным вещам, но с тех пор, как папа ушел в армию и трудности, связанные с войной, выбили нас из колеи, мы многое стали упускать из виду. Вы, конечно, как хотите, но я буду держать мою книжку здесь, на ночном столике, и читать понемногу каждое утро, как только проснусь. Я уверена, что это принесет мне пользу и будет поддерживать меня в течение всего дня.

Затем она открыла свою новую книжку и начала читать. Джо обняла ее и, прижавшись щекой к ее щеке, тоже погрузилась в чтение со спокойным выражением, которое так редко можно было увидеть на ее подвижном лице.

– Какая умница Мег! Давай, Эми, и мы поступим так же. Я помогу тебе, если встретятся трудные слова, а они объяснят нам, если что-то окажется непонятным, – шепнула Бесс, под глубоким впечатлением от красивых книжек и примера старших сестер.

– Я рада, что моя – в голубой обложке, – пробормотала Эми. Затем в комнатах воцарилась тишина, которую нарушал лишь шелест переворачиваемых страниц, а зимнее солнце заглядывало в окна, чтобы в ласковом рождественском приветствии коснуться блестящих волос и серьезных лиц.

– А где же мама? – спросила Мег у Ханны, когда полчаса спустя они с Джо сбежали вниз, чтобы поблаго-дарить мать за подарки. Ханна жила в семье со времени рождения Мег и считалась скорее другом, чем служан-кой.

– Да кто ж ее знает! Приходил тут мальчуган какой-то милостыню просить, вот ваша мамаша и пошла прямо к нему домой, чтоб поглядеть, чем там помочь можно. Не было на свете другой такой женщины, что так раздаривала бы еду да питье, одежду да дрова, – отвечала Ханна.

– Я думаю, она скоро вернется, Ханна, так что все равно грейте булочки и накрывайте на стол, – сказала Мег, выдвигая из-под дивана корзинку, где были спрятаны и ожидали своего часа подарки, предназначенные для мамы. – А где же подарок Эми? – спросила она, обнаружив, что флакончика с одеколоном в корзинке нет.

– Она только что вытащила свою бутылочку и унесла, чтобы перевязать ленточкой или что-то в этом роде, – от-ветила Джо, пританцовывая в новеньких туфлях, чтобы немного размять их, прежде чем вручить маме.

– Красивые у меня получились платочки, правда? Хан-на выстирала и выгладила их для меня, а я сама вышила на них метки, – сказала Бесс, с гордостью глядя на не очень ровные буквы, которые стоили ей немалых трудов.

– Вот это да! Она взяла и вышила на них «Мама» вместо «Миссис Марч». Ну и смех! – воскликнула Джо, взяв в руки один из платочков.

– Разве это плохо? Я подумала, что так будет лучше, ведь у Мег те же инициалы – «М. М.», а я хотела, чтобы никто, кроме мамы, не пользовался этими платками, – отозвалась Бесс с обеспокоенным видом.

– Все замечательно, дорогая. Очень хорошая идея, вполне разумная; теперь никто не ошибется. И ей очень понравится, я знаю, – сказала Мег, с неодобрением взглянув на Джо и

с улыбкой на Бесс.

– Мама идет! Прячь корзинку, живо! – приказала Джо, когда в передней хлопнула дверь и послышались шаги.

В комнату торопливо вошла Эми; она смутилась, увидев, что все сестры ждут ее.

– Где ты была? И что ты прячешь за спиной? – спросила Мег, удивленная тем, что, судя по капору и плащу, ленивая Эми выходила из дома так рано.

– Только не смейся надо мной, Джо! Я хотела, чтобы никто не узнал раньше времени. Я сбегала и поменяла маленькую бутылочку на большую и отдала за нее *все* мои деньги. И честное слово, я постараюсь больше не быть такой эгоисткой.

С этими словами Эми показала красивый большой флакон, который заменил прежний, дешевый, и выглядела она такой искренней и смиренной в этом маленьком усилии самоотречения, что Мег тут же обняла ее, а Джо объявила «молодцом», в то время как Бесс подбежала к окну и выбрала самую красивую из своих розочек, чтобы украсить ею внушительный флакон.

– Понимаете, мне стало стыдно за мой подарок, после того как сегодня утром мы говорили и читали о том, как быть хорошими. И как только я встала, сразу побежала в магазин. Я так рада, потому что мой подарок теперь самый красивый!

Снова послышался стук парадной двери – и корзинка исчезла под диваном, а девочки поспешили к столу, который уже был накрыт к завтраку.

– Счастливого Рождества, мама! Спасибо за книжки! Мы уже читали их сегодня и будем делать это каждое утро! – закричали они хором.

– Счастливого Рождества, доченьки! Я очень рада, что вы сразу начали читать, и надеюсь, что будете возвращаться к этой книге снова и снова. Но прежде чем мы сядем за стол, я хочу кое-что сказать вам. В одном из домов непо-далеку отсюда лежит бедная женщина с новорожденным младенцем. Шесть ее детишек, съевшись, прижались друг к другу в одной постели, чтобы не замерзнуть, потому что у них нет дров. В доме нет никакой еды, и старший мальчик пришел сказать мне, что они страдают от голода и холода. Девочки мои, вы согласны подарить им на Рождество свой завтрак?

Девочки были голодны более обычного, после того как прождали завтрак целый час, и с минуту все молчали – только минуту, а потом Джо воскликнула с жаром:

– Как хорошо, что ты пришла прежде, чем мы начали есть!

– Можно я пойду с тобой и помогу отнести еду этим бедным детям? – спросила Бесс горячо.

– Я понесу сливки и булочки, – добавила Эми, геро-ически отказываясь от того, что больше всего любила.

Мег уже накрывала горшочек с гречневой кашей и складывала ломтики хлеба в одну большую тарелку.

– Я знала, что вы поступите именно так, – сказала миссис Марч с улыбкой удовлетворения. – Мы пойдем все вместе, и вы поможете мне, а когда вернемся, то позавтракаем хлебом и молоком.

Вскоре все были готовы и двинулись в путь. К сча-стью, время было раннее и шли они по маленьким улоч-кам, так что лишь немногие видели их и никто не посме-ялся над этой странной процессией.

И вот – жалкая, голая комната с выбитыми стекла-ми, без огня, лохмотья на постели, больная мать, плачу-щий младенец и несколько бледных, голодных детей, скорчившихся от холода под одним старым одеялом. Как засияли большие глаза и заулыбались посиневшие губы этих детей, когда девочки вошли в комнату!

– Mein Gott! Добрые ангелы пришли к нам! – воскликнула бедная женщина, заплакав от радости.

– Ну и ангелы! В капорах и в перчатках! – сказала Джо, и все рассмеялись.

Через несколько минут и в самом деле могло пока-заться, что за дело взялись добрые духи. Ханна, которая принесла с собой полено, развела огонь, заткнула разби-тые стекла

старыми шляпами и занавесила собственным плащом. Миссис Марч дала больной чаю и жидкой ов-сянки и теперь, сидя рядом с ней, утешала ее обещаниями помощи и пеленала младенца с такой нежностью, как если бы он был ее собственным. Тем временем девочки распаковали провизию, усадили детей у огня и кормили их словно голодных птенцов, смеясь, болтая и пытаясь понять забавно исковерканный английский.

– Das ist gut! Die Engel-Kinder! – восклицали бедняжки, пока ели и грели свои красные руки у уютно потрескивавшего пламени.

Девочек никогда еще не называли ангелами, и они нашли это очень приятным, особенно Джо, которую считали Санчо с самого ее рождения. И хотя они ничего не ели, это был их самый счастливый завтрак, а когда они ушли, то оставили за собой тепло и уют. И я думаю, что не было в тот день во всем городе четырех более веселых людей, чем эти четыре голодные девочки, которые отказались от завтрака и поели в то рождественское утро лишь хлеба с молоком.

– Вот это и значит любить ближнего больше, чем себя самого, и мне это нравится, – сказала Мег, когда они снова достали из-под дивана корзинку с подарками, пока мать наверху собирала одежду для бедного семейства Хаммелей.

Конечно, подарки не являли собой великолепного зрелища, но сколько любви было вложено в эти четыре ма-леньких свертка и какой праздничный вид придавала столу, на котором они лежали, высокая ваза с красными розами, белыми хризантемами и зелеными веточками петунии!

– Идет! Начинай, Бесс! Открывай дверь, Эми! Да здравствует мама! – вскричала Джо, пританцовывая и под-бегая следом за Мег к двери.

Бесс заиграла самый веселый марш, Эми распахнула дверь, а Мег торжественно провела мать к почетному месту. Миссис Марч была удивлена и тронута. Глаза ее наполнились слезами радости, и она, улыбаясь, рассматривала подарки и читала приложенные к ним записочки. Туфли были немедленно надеты, новый носовой платочек надушен одеколоном Эми и положен в карман, а о красивых перчатках сказано, что они «ну совсем как раз». Немало было здесь смеха, поцелуев, веселых объяснений – и все это в той простой, уютной, исполненной любви домашней атмосфере, которая делает семейные праздники такими приятными и заставляет с нежностью вспоминать о них долгие годы.

А потом все принялись за работу. Посещение Хаммелей и церемония вручения подарков заняли так много времени, что весь остаток дня пришлось посвятить приготовлениям к вечернему спектаклю. Все еще слишком юные, чтобы часто посещать театр, и не такие богатые, чтобы позволить себе большие расходы, девочки пускали в ход всю свою изобре-тательность и – нужда всему научит – сами делали все, что было необходимо для домашних представлений. Неко-торые из их изобретений были весьма удачными: гитары из досок для разделки теста; старинные лампы из старо-модных масленок, обернутых серебряной бумагой; велико-лепные платья из старых ситцевых, с пришитыми к ним сверкающими кусочками жестяных консервных банок; до-спехи, покрытые вырезанными в форме ромбов кусочками тех же очень полезных жестянок. Мебель обычно исполь-зовали не по прямому назначению, а переворачивая ее вверх дном, и большая гостиная оказывалась сценой множества невинных развлечений.

Никакие мальчики к участию в представлениях не до-пускались, так что Джо могла исполнять мужские роли сколько душе угодно и всегда с огромным удовлетворением надевала пару сапог из некрашеной кожи, подаренных ей одним из друзей, который был знаком с одной дамой, близко знавшей настоящего актера. Эти сапоги, старая ра-пира и камзол с разрезами, однажды использованный ка-ким-то художником, писавшим историческую картину, были главными сокровищами Джо и неизменно появлялись на сцене в каждом спектакле.

Ограниченность численного состава труппы делала не-обходимым для двух главных актеров играть по несколько ролей в каждой постановке, и они, конечно же, заслуживали похвал за тяжкий труд, который принимали на себя, разу-чивая по три или четыре роли,

молниеносно меняя костюмы во время представления и успевая вдобавок управляться с переменной декораций. Это являлось как великолепной тренировкой памяти, так и безобидным развлечением, занимавшим немало часов, которые иначе оказались бы скучными, ничем не заполненными или проведенными в менее благотворных занятиях.

В рождественский вечер около десятка девочек набилось в кровать, изображавшую бельэтаж, и сидело там перед желто-голубым занавесом из мебельного ситца в самом легком для актеров состоянии нетерпеливого ожидания. За занавесом было немало шорохов и шепота, несколько раз доносилось хихиканье возбужденной Эми, зрители чувствовали запах дыма от керосиновой лампы. Наконец прозвенел звонок, занавес раздвинулся, и спектакль начался.

«Мрачный лес», обещанный театральной программкой, был изображен несколькими комнатными растениями в горшках, куском зеленого сукна на полу и пещерой на заднем плане. Пещера была сделана из двух письменных столов вместо стен и рамы для сушки белья вместо крыши. В ней виднелась маленькая печь с черным котелком на фоне ярко пылающего огня, над которым склонялась старая волшебница. На сцене было темно, и жар печи произвел великодушное впечатление, особенно потому, что, когда волшебница приподняла крышку, из котелка повалил настоящий пар. Выдержав минутную паузу, чтобы улеглось первое волнение среди публики, вошел Гуго, злодей с черной бородой, пошвыкивающим мечом на боку, в фетровой шляпе с большими опущенными полями, в широком плаще и сапогах из некрашеной кожи. Походив взад и вперед по сцене в большом волнении, он ударил себя по лбу и, не в силах сдержать неистовую страсть, запел о своей ненависти к Родриго, любви к Заре и решимости убить первого и добиться любви от второй. Грубоватые звуки голоса Гуго, переходящие иногда от избытка чувств в крик, произвели глубокое впечатление, и в тот момент, когда он остановился, чтобы перевести дух, зрители бурно зааплодировали. Поклонившись с видом человека, привыкшего к сценическому успеху, Гуго приблизился к пещере и обратился к волшебнице Хейгар с приказом: «Эй, ты, старуха! Выходи! Ты мне нужна!»

Появилась Мег, с длинными седыми волосами из конского хвоста, в красно-черном платье, с посохом в руке и кабалистическими знаками на плаще. Гуго потребовал у нее одного зелья, чтобы заставить Зару полюбить его, и другого, чтобы извести Родриго. Хейгар в прекрасной, исполненной драматизма арии пообещала ему то и другое и приступила к вызову духа, способного доставить любовный напиток:

Дух любви, из роз рожденный,
Сладкой вскормленный росой,
Чудной властью наделенный
Над любой людской судьбою.
Я к тебе, о дух, взываю:
Где волшебная вода?
Я тебя с ней ожидаю.
Дух любви, сюда, сюда!

Нежная мелодия отзвучала, и в задней части пещеры появилась маленькая фигура в чем-то белом, со сверкающими крыльями и золотыми волосами, украшенными венком из роз. Взмахнув золотым жезлом, это видение запело:

Из страны сладких грез
Я напиток принес.
Но навек ты запомнить должна:
Для добра одного
Служит сила его,
А иначе иссякнет она.

И, уронив маленькую позолоченную бутылочку к ногам волшебницы, дух исчез. Новая песнь Хейгар вызвала по-явление другого призрака – на этот раз совсем не при-влекательного, ибо из пещеры с шумом появился противный черный чертенок и, прокричав свой ответ, швырнул в Гуго черную бутылочку и исчез с издевательским смехом. Ме-лодично излив свою благодарность и засунув обе бутылочки за голенища сапог, Гуго удалился, а Хейгар сообщила пуб-лике, что в прошлом он убил нескольких ее друзей и поэтому она прокляла его и намерена отомстить, разрушив все его планы. Вслед за этим занавес закрылся, и в перерыве публика отдыхала, ела печенье и обсуждала достоинства оперы.

Довольно долго со сцены доносился стук молотка, но, когда занавес вновь раздвинулся и стало очевидным, какой шедевр плотницкого искусства был возведен за время ан-тракта, никто не посмел жаловаться на задержку. Зрелище было поистине великолепным! До самого потолка подни-малась башня, а посередине ее располагалось освещенное лампой окно, в котором из-за белой занавески появилась в прелестном голубовато-серебристом платье Зара, ожидаю-щая Родриго. И он появился – в великолепном наряде, в шляпе с перьями, в красном плаще, с выпущенным на лоб каштановым локоном, с гитарой и, разумеется, в тех же самых сапогах из некрашеной кожи, в которых в первом действии появлялся Гуго. Преклонив колено у подножия башни, он запел чувствительнейшую серенаду. Зара отве-чала и, после музыкального диалога, согласилась на побег. И тут произошла самая эффектная сцена спектакля. Родриго извлек из кармана веревочную лестницу, забросил наверх один конец и предложил Заре спуститься. Она робко вы-скользнула из-за решетки окна, положила руку на плечо Родриго и уже собиралась грациозно прыгнуть вниз, ког-да – увы, бедняжка Зара забыла о своем шлейфе, и он зацепился за окно – башня зашаталась, наклонилась впе-ред и, упав с грохотом, погребла несчастных влюбленных в развалинах! Раздался всеобщий вопль, над руинами от-чаянно задергались ноги в сапогах из некрашеной кожи, а рядом с ними появилась золотистая головка, восклицающая: «Я тебе говорила! Я тебе говорила!» В этот момент в дело с удивительным присутствием духа вмешался дон Педро, жестокосердный родитель Зары. Он извлек свою дочь из-под развалин, коротко заметив: «Не смейся! Играй как ни в чем не бывало!», а затем приказал Родриго встать и с гневом и презрением изгнал его из своего королевства. Хотя и явно потрясенный падением башни, Родриго не повино-вался величественному старцу и отказался двинуться с ме-ста. Своим примером неустрашимый возлюбленный зажег Зару: она также бросила вызов своему суровому родителю, и в результате он отправил обоих в глубочайшее подземелье замка. Явился маленький, толстенький и румяный стражник с цепями и увел влюбленных, имея при этом очень испу-ганный вид и, очевидно, забыв речь, которую ему надлежало произнести.

Третье действие разворачивалось в одном из залов зам-ка, куда явилась Хейгар, чтобы освободить влюбленных и разделаться с Гуго. Услышав его шаги, она прячется и наблюдает, как он выливает содержимое волшебных буты-лочек в два кубка вина и приказывает маленькому робкому слуге: «Снеси то пленникам в темницу и передай, что скоро я приду». Слуга отводит Гуго в сторону, чтобы что-то сказать ему, а тем временем Хейгар заменяет отравленные кубки на другие, безвредные. Фердинандо, слуга, уносит их, а Хейгар выставляет обратно на стол кубок, в котором находился предназначенный для Родриго яд. Гуго, возжаж-давший после долгих трелей, выпивает его, теряет рассудок и, после продолжительного сжимания кулаков и топанья ногами, падает плашмя и умирает, в то время как Хейгар в арии, исполненной исключительной силы и мелодичности, сообщает ему о том, что она сделала.

Это была по-настоящему захватывающая сцена, хотя некоторые, возможно, сочли, что неожиданно выбившиеся из-под шляпы в огромном количестве густые длинные во-лосы изрядно испортили впечатление от смерти злодея. Публика громко вызывала Гуго, и он с большим достоин-ством выходил кланяться, ведя за руку Хейгар, чье пение рассматривалось как самое замечательное в спектакле, более замечательное, чем все остальное, вместе взятое.

Четвертое действие представляло отчаявшегося Родриго на грани самоубийства, после сообщения о том, что Зара изменила ему. Но в последний момент, уже приставив кин-жал к сердцу, он слышит под окном прелестную песню, из которой узнает, что Зара верна ему, но находится в опасности и что он может спасти ее, если пожелает. В окно брошен ключ, который откроет дверь, и в порыве восторга Родриго рвет свои цепи и бросается вон из темницы, чтобы найти и спасти возлюбленную.

Пятое действие открывалось бурной сценой между Зарой и доном Педро. Он требует, чтобы она удалилась в монастырь, но она не желает и слышать об этом и, излив трогательные мольбы, готова лишиться чувств, когда вры-вается Родриго и требует ее руки. Но он беден, и Дон Педро отказывает ему. Герои отчаянно кричат и жестикулируют, но никак не могут прийти к согласию, и Родриго уже собирается унести измученную Зару, когда входит робкий слуга с письмом и мешком от Хейгар, которая таинственно исчезла. В письме она объявляет присутствующим, что завещает юной паре несметные богатства, и угрожает обречь на ужасную кончину дону Педро, если он будет противиться их счастью. Мешок развязан, и жестяные деньги сыплются на сцену, пока вся она не начинает блеснуть, поражая великолепием. Это окончательно обезоруживает «сурового родителя». Он уступает без звука, все сливаются в радостном хоре, и занавес закрывает влюбленных, опустившихся на колени, чтобы получить благословение дона Педро, в позах, исполненных самой романтической грации.

Последовавшие бурные аплодисменты натолкнулись на неожиданное препятствие, ибо складная кровать, на которой был возведен «бельэтаж», неожиданно закрылась и тем подавила энтузиазм публики. Родриго и дон Педро бросились на помощь, и все были извлечены целыми и невредимыми, хотя многие не могли говорить от хохота. Едва волнение улеглось, как появилась Ханна с поздравлениями от миссис Марч и приглашением к ужину.

Приглашение явилось приятным сюрпризом даже для актеров, а когда они увидели стол, то переглянулись в изумлении и восторге. Конечно, мама часто старалась устроить для них маленькое угощение, но столь великолепное пиршество, как это, было неслыханным с давно ушедших в прошлое дней достатка. Здесь было мороженое, и даже двух видов – розовое и белое, торт, фрукты и совершенно умопомрачительные французские конфеты, а в центре стояли четыре больших букета оранжерейных цветов!

Все были поражены и, затаив дыхание, усадились сначала на стол, а затем на миссис Марч, которая, судя по ее виду, необычайно наслаждалась происходящим.

– Кто это сделал? Феи? – спросила Эми.

– Это Санта-Клаус, – сказала Бесс.

– Это мама! – И Мег улыбнулась самой нежной улыбкой, несмотря на свою седую бороду и лохматые белые брови.

– У тети Марч было хорошее настроение, и она прислала нам этот ужин! – воскликнула неожиданно осененная этой мыслью Джо.

– Не угадали. Это прислал старый мистер Лоренс, – улыбнулась в ответ миссис Марч.

– Мистер Лоренс! Да как это ему такое в голову пришло! Ведь мы его совсем не знаем! – воскликнула Мег.

– Ханна рассказала одному из его слуг о нашем сегодняшнем завтраке. Мистер Лоренс немного странный старик, но то, что он услышал от слуги, ему понравилось. Много лет назад он был знаком с моим отцом и сегодня прислал мне любезную записку, в которой выразил надежду, что я позволю ему проявить дружеские чувства к моим детям и передать им небольшое угощение в честь праздника. Я не могла отказать, и поэтому сегодня у вас будет небольшой вечерний пир, чтобы возместить скудный завтрак.

– Это его внук подал ему такую идею, я точно знаю! Он отличный парень, и я очень хотела бы познакомиться с ним поближе. Похоже, он и сам не прочь с нами подружиться. Только он очень застенчивый, а Мег такая церемонная, что не позволяет мне заговорить с ним, когда мы проходим мимо, – сказала Джо, когда блюда пошли по кругу и мороженое

начало исчезать на глазах под охи и ахи восторга.

– Вы говорите о ваших соседях, которые живут в боль-шом каменном доме, да? – спросила одна из приглашен-ных. – Моя мама знает старого мистера Лоренса. Она го-ворит, что он очень гордый и не желает общаться с соседями. И внука своего он держит взаперти и заставляет целыми днями учиться. Мальчик только иногда ездит верхом или гуляет со своим наставником. Мы, однажды пригласили его на вечеринку, но он не пришел. Мама говорит, что он очень милый, но он никогда не разговаривает с нами, девочками.

– Когда наша кошка как-то раз убежала в их сад, он принес ее назад, и мы с ним поговорили у забора – про крикет и все такое – и отлично поладили, но как только он увидел, что Мег идет, так сразу ушел. Но я все равно собираюсь познакомиться с ним поближе, потому что ему одиноко и грустно, я в этом уверена, – сказала Джо решитель-но.

– Мне нравятся его манеры, он выглядит как настоя-щий юный джентльмен; так что я не возражаю, чтобы вы познакомились с ним, если представится подходящий слу-чай. Он сам принес эти цветы, и я охотно пригласила бы его зайти, если бы точно знала, что происходит тут у вас наверху. У него был такой печальный вид, когда он уходил, слыша звуки веселья, которого явно лишен сам.

– Какое счастье, что ты не пригласила его зайти, ма-ма! – засмеялась Джо, глядя на свои сапоги. – Но ничего, потом мы поставим другую пьесу, такую, что и он сможет увидеть или даже принять участие в спектакле. Весело будет, правда?

– Я никогда не видела таких цветов! Какие краси-вые! – Мег разглядывала букеты с большим интересом.

– Просто прелесть! Но все же мне милее розы Бесс, – сказала миссис Марч, нюхая уже начинающий вянуть бу-кетик, приколотый к ее платью.

Бесс прижалась к ней и шепнула нежно:

– Как я хотела бы, чтобы можно было послать мой букет папе. Боюсь, у него не такое веселое Рождество, как у нас.

Глава 3 Внук мистера Лоренса

– Джо! Джо! Где ты? – кричала Мег с нижней сту-пеньки чердачной лестницы.

– Здесь! – отозвался сверху хриплый голос, и, взбе-жав на чердак, Мег нашла там сестру, которая лежала, закутавшись в шерстяной платок, на старом трехногом ди-ване возле освещенного солнцем окна, грызла яблоко и заливалась слезами над «Наследником Редклифа». Чердак был излюбленным убежищем Джо, и сюда она обычно удалялась с полудюжиной яблок и хорошей книжкой, чтобы насладиться тишиной и обществом ручной крысы по про-звищу Скрэбл, которая жила поблизости и ничуть не возражала против присутствия Джо. Когда появилась Мег, Скрэбл юркнула в свою норку, а Джо смахнула слезы со щек и приготовилась выслушать новости.

– Такая радость! Только взгляни! Настоящий пригла-сительный билет! От миссис Гардинер, на завтрашний ве-чер! – восклицала Мег, размахивая драгоценной бумажкой, а затем с восторгом прочла ее вслух: – «Миссис Гардинер будет рада видеть мисс Маргарет Марч и мисс Джозефину Марч в своем доме на небольшом ужине с танцами по случаю Нового года». Мама согласна нас отпустить, но что мы наденем?

– Что ты спрашиваешь, когда и так знаешь, что мы наденем наши поплиновые платья, потому что других у нас нет, – отвечала Джо с набитым ртом.

– Жаль, что у меня нет шелкового, – вздохнула Мег. – Мама говорит, что, может быть, получу шелковое, когда мне исполнится восемнадцать. Но ждать два года... Это целая вечность!

– Я уверена, что наши поплиновые выглядят ничуть не хуже шелковых и для нас они вполне сойдут. Твое совсем как новое, только вот я забыла, что проггла свое сзади. Хоть дырка и залатана, здорово заметно. Что же мне де-лать?

– Тебе придется сидеть смирно и не поворачиваться спиной, а спереди все в порядке. У меня будет новая лента для волос, мама даст мне надеть свою булавку с жемчугом, а мои новые туфли – просто прелесть, и перчатки сойдут, хотя они и не такие красивые, как мне хотелось бы.

– Мои испорчены лимонадом, а новых взять негде, так что придется пойти без перчаток, – сказала Джо, которую никогда особенно не волновали ее туалеты.

– Ты должна быть в перчатках, иначе я не пойду, – решительно заявила Мег. – Перчатки даже важнее, чем все остальное. Без перчаток не ходят на танцы, и, если бы ты пошла без перчаток, это было бы таким унижением для меня!

– Но я же все равно не буду танцевать. И вообще, не люблю я бальные танцы. Что за удовольствие семенить под ручку по комнате! Я люблю скакать и выкидывать коленца.

– Ты не можешь просить у мамы новые перчатки; они такие дорогие, а ты такая неаккуратная. Когда ты испортила вторую пару, она сказала, что больше не купит тебе перчаток в эту зиму. Нельзя ли все-таки как-нибудь обойтись этой парой? – спросила Мег с тревогой.

– Я могу зажать их в руке, и никто не увидит, что на них пятна. Это все, что я могу сделать... Нет! Слушай, как мы можем устроиться: каждая наденет одну хорошую, а в руке будет нести одну плохую. Понимаешь?

– У тебя руки больше моих, и ты ужасно растянешь мою перчатку, – начала Мег, для которой перчатки всегда были большим вопросом.

– Тогда я пойду без перчаток. И наплевать мне, что скажут люди! – воскликнула Джо, снова взявшись за книгу.

– Хорошо, хорошо, я дам тебе мою! Только не сажай на нее пятен и води себя прилично. Не закладывай руки за спину, не вытаращивайся ни на кого и воздержись от этой своей любимой присказки «Христофор Колумб!», хорошо?

– Не волнуйся за меня. Я постараюсь держаться как можно чопорнее и не попаду ни в какие переделки, если, конечно, смогу. Теперь иди и ответь на приглашение, а мне дай дочитать эту замечательную историю.

И Мег отправилась, чтобы «принять с благодарностью» приглашение, оглядеть свое платье и, счастливо распевая, пришить к нему свою единственную рюшечку из настоящих кружев, пока Джо кончала свою книжку, четыре яблока и возню со Скрэбл.

Накануне Нового года в гостиной не было ни души, потому что обе младшие девочки присутствовали в качестве камеристок в комнате старших, поглощенных крайне важным делом – приготовлениями к вечеринке. При всей простоте их туалетов было немало беготни вверх и вниз по лестнице, смеха, болтовни, а на некоторое время дом даже наполнился сильным запахом паленых волос. Мег пожелала иметь несколько кудряшек надо лбом, и Джо зажала за-вернутые в бумажки пряди волос горячими щипцами.

– Разве должно так пахнуть? – спросила Бесс, усев-шаяся на спинку кровати.

– Это влага высыхает, – пояснила Джо.

– Какой странный запах! Похоже на паленую курицу, – заметила Эми, с видом превосходства поглаживая свои собственные красивые локоны.

– Ну вот, а теперь я сниму бумажки – и вы увидите пушистое облако мелких колечек, – объявила Джо, отложив щипцы.

Она сняла бумажки, но обещанного «облака колечек» не оказалось – обожженные волосы остались в бумажках, и перепуганная парикмахерша положила целый ряд маленьких обгоревших комочков на туалетный столик перед своей жертвой.

– О-о-о! Что ты наделала! Все испортила! Как я теперь пойду? О, мои волосы! – причитала Мег, с отчаянием глядя на неровные завитки надо лбом.

– Не везет мне, как всегда! Зря ты меня попросила это сделать. Вечно-то я все испорчу. Ох, как мне жаль! Но щипцы оказались слишком горячими, и вот – я такое устроила! – стонала бедная Джо, взирая со слезами раскаяния на лежащие на столе черные блинчики.

– Ничего не испорчено, просто подкрути их и завяжи лентой так, чтобы концы чуть-

чуть свисали на лоб, и будет выглядеть как по последней моде. Я видела, так многие девочки носят, – сказала Эми в утешение.

– Так мне и надо за то, что хочу быть элегантной. Лучше бы я оставила свои волосы в покое! – воскликнула Мег с досадой.

– Я тоже так думаю; они были такие гладкие и красивые. Но они скоро снова отрастут, – сказала Бесс, подбегая, чтобы поцеловать и утешить бедную стриженую овечку.

После разнообразных, не столь значительных неудач Мег была наконец готова, и объединенными усилиями всего семейства Джо была облачена в платье, а ее волосы уложены в высокую прическу. Обе выглядели очень хорошо в своих простых платьях – Мег в серебристо-сером, с кружевной рюшечкой и жемчужной булавкой, с синей бархатной лентой на голове, а Джо – в темно-бордовом, с жестким, почти мужским льняным воротничком и белой хризантемой в качестве единственного украшения. Каждая надела одну хорошую чистую перчатку и держала в руке другую, испачканную, и все сошлись на том, что вид у них был «вполне изящный и непринужденный». Туфли Мег на высоких каблуках были очень тесными и жали, хотя она и не признавалась в этом, а все девятнадцать шпилек в волосах Джо, казалось, впивались ей прямо в голову, что было не совсем приятно – но, Боже мой, будем элегантны или умрем!

– Желаю вам весело провести время, дорогие мои! – сказала миссис Марч, когда сестры легкой походкой двинулись по дорожке. – Не ешьте много за ужином и возвращайтесь в одиннадцать, когда я пришлю за вами Ханну. – Ворота уже захлопнулись за ними, но из окна снова донесся голос: – Девочки, девочки! А носовые платки вы не забыли?

– Все в порядке, платки чистые, а у Мег даже надушен одеколоном! – крикнула Джо, добавив со смехом, когда они зашагали дальше: – Мама наверняка спросила бы нас об этом, даже если бы мы выскакивали из дома во время землетрясения.

– Это одна из ее аристократических склонностей. И такая забота вполне обоснованна, так как настоящую леди всегда узнаешь по чистым ботинкам, перчаткам и носовому платку, – отозвалась Мег, у которой было немало собственных маленьких «аристократических склонностей».

– Так не забудь, Джо: постарайся, чтобы никто не видел твое платье сзади. Как мой пояс, в порядке? А волосы *очень* плохо выглядят? – спросила Мег, когда наконец отвернулась от зеркала в гардеробной дома миссис Гардинер после продолжительного охорашивания.

– Я непременно о чем-нибудь забуду. Как увидишь, что я делаю что-то не то, подмигни мне, ладно? – отозвалась Джо, резко дернув свой воротничок и торопливо поправляя волосы.

– Нет, подмигивать – это неженственно. Я приподниму брови, если что-то не так, или кивну, если все в порядке. А теперь держи спину прямо и делай маленькие шаги. И если тебе кого-нибудь представят, не пожимай ему руку – дамам это не подходит.

– И как ты все это запомнила? Я вот никак не могу. Какая веселая музыка, а?

Они спустились вниз, чувствуя себя несколько неуверенно, так как редко бывали в обществе и даже такая скромная вечеринка, как эта, была для них большим событием. Миссис Гардинер, величавая пожилая дама, любезно приветствовала их и подвела к старшей из своих шести дочерей. Мег была знакома с Салли и очень скоро почувствовала себя непринужденно, но Джо, которую мало интересовали девочки и девичья болтовня, стояла в стороне, предусмотрительно повернувшись спиной к стене, и чувствовала себя так же не на месте, как жеребенок в оранжерее. Несколько мальчиков оживленно беседовали о коньках в другом конце зала, и ей очень захотелось подойти и присоединиться к ним, так как коньки были для нее одной из утех жизни. Она телеграфировала о своем желании сестре, но брови Мег взлетели вверх в такой тревоге, что Джо не осмелилась двинуться с места. Никто не заговорил с ней; стоявшие поблизости девочки отходили одна за другой, пока Джо не осталась в одиночестве. Она не могла побродить по залу и развлечься, так как при этом взорам всех открывалось бы испорченное полотнище юбки, так что она стояла и довольно

печально глядела на окружающих.

Начались танцы. Мег сразу была приглашена, и тес-ные туфли замелькали так проворно, что никто даже не догадывался о боли, которую их обладательница переносила с улыбкой. Джо увидела, что высокий рыжий юноша приближается к ее уголку, и, испугавшись, как бы он не вздумал пригласить ее, быстро скользнула в задернутую штору нишу, в надежде, что сможет подглядывать оттуда и спокойно и приятно провести вечер. К несчастью, некто застенчивый уже избрал для себя убежищем эту нишу, и когда штора упала за спиной Джо, она обнаружила, что очутилась лицом к лицу с внуком мистера Лоренса.

– Боже мой, я не знала, что здесь кто-то есть! – пробормотала Джо, запнувшись и собираясь вылететь так же быстро, как влетела.

Но мальчик засмеялся и сказал любезно, хотя и выглядел при этом несколько встревоженным:

– Ничего страшного, оставайтесь, если хотите.

– Я вам не помешаю?

– Ничуть. Я зашел сюда просто потому, что почти никого здесь не знаю и, понимаете, почувствовал себя как-то неловко сначала.

– Со мной то же самое. Не уходите, пожалуйста, если, конечно, я вам не мешаю.

Мальчик снова сел, молча уставившись на свои лакированные балетные туфли. Наконец Джо сказала, стараясь быть вежливой и побороть смущение:

– Кажется, я имела удовольствие встречать вас прежде. Вы наш сосед, не правда ли?

– Сосед. – Он поднял глаза и засмеялся, ибо церемонные манеры Джо показались ему довольно забавными, когда он вспомнил, как они болтали о крикете у забора в тот день, когда он принес убежавшую кошку.

Джо сразу почувствовала себя непринужденно. Она тоже засмеялась и сказала самым дружеским тоном:

– Мы чудесно провели время за ужином, который вы прислали нам на Рождество.

– Это дедушка прислал.

– Но вы подали ему эту идею, правда?

– А как поживает ваша кошка, мисс Марч? – спросил мальчик, стараясь смотреть серьезно, хотя его черные глаза светились озорством.

– Отлично, спасибо, мистер Лоренс, но я не мисс Марч, а всего лишь Джо, – отвечала юная леди.

– А я не мистер Лоренс, а просто Лори.

– Лори Лоренс – какое странное имя!

– Мое настоящее имя Теодор, но я его не люблю, потому что приятели зовут меня Дорой. Поэтому я заставил их называть меня Лори.

– Я тоже терпеть не могу свое имя – такая сентиментальщина! Я хотела бы, чтобы все говорили Джо вместо Джозефина. А как вам удалось добиться, что мальчишки перестали называть вас Дорой?

– Я их лупил.

– Я не могу отлупить тетю Марч, так что мне, наверное, придется терпеть и дальше. – И Джо со вздохом покорилась судьбе.

– Вы не любите танцевать, мисс Джо? – спросил Лори; судя по его виду, он считал, что это имя ей отлично подходит.

– Очень люблю, но только если много места и все просто веселятся. А в таком зале, как этот, я непременно что-нибудь опрокину, наступлю кому-нибудь на ногу или сделаю еще что-нибудь ужасное, так что я стараюсь держаться подальше от греха и предоставляю Мег одной порхать по залу. А вы танцуете?

– Иногда. Понимаете, я несколько лет прожил за границей, а здесь еще мало бывал в обществе и не знаю, как у вас танцуют.

– За границей! – воскликнула Джо. – О, расскажите! Я так люблю, когда рассказывают

о путешествиях.

Лори, казалось, не знал, с чего начать, но заинтересованные вопросы Джо вскоре помогли ему, и он рассказал ей о том, как жил при школе в Веве⁴, где мальчики никогда не носили шляп и катались на лодках по озеру, а каникулы проводили, путешествуя пешком по Швейцарии со своими учителями.

- Как бы я хотела там пожить! – воскликнула Джо. – А в Париже вы были?
- Мы провели там всю прошлую зиму.
- И вы умеете говорить по-французски?
- В школе нам не разрешали говорить ни на каком другом языке.
- Скажите что-нибудь! Я могу читать по-французски, но произносить не умею.
- *Quel nom a cette jeune demoiselle en les pantoufles jolis?* – сказал Лори добродушно.
- Как это у вас здорово выходит! Дайте подумать... Вы сказали: «Кто эта молодая девушка в красивых туфлях», да?
- *Oui, mademoiselle.*
- Это моя сестра Маргарет. Вы знали, что это она? Вы думаете, что она красивая?
- Да, она напомнила мне немецких девушек. Она такая приятная, спокойная и прекрасно танцует.

Джо даже зарумянилась от удовольствия, услышав эту похвалу сестре, и постаралась запомнить, чтобы потом по-вторить Мег. Оба выглядели из-за шторы, критиковали и просто болтали, пока не почувствовали себя как старые добрые знакомые. Застенчивость Лори скоро прошла, так как мальчишеские манеры Джо забавляли его и позволяли ему держаться свободно, а Джо была опять такой же веселой, как всегда, ибо платье ее было забыто и никто не поднимал бровей в знак недовольствия. Внук мистера Лоренса нравился ей все больше, и она несколько раз внимательно взглянула на него, чтобы суметь потом подробно описать его сестрам. У них не было братьев и было очень мало кузенов, и потому мальчики являлись для них почти неведомыми существами.

«Выющиеся черные волосы, смуглое лицо, большие черные глаза, правильный нос, ровные зубы, маленькие кисти рук и ступни, выше меня, очень вежливый и, вообще, славный малый. Интересно, сколько ему лет?»

Вопрос уже вертелся у нее на кончике языка, но она вовремя спохватилась и с необычным для себя тактом попыталась выяснить это окольным путем.

– Вы, вероятно, готовитесь в университет? Я видела, что вы корпите над книжками... о, то есть я хотела сказать, прилежно занимаетесь. – И Джо покраснела из-за этого ужасного «корпите», которое вырвалось так неожиданно.

Лори усмехнулся, но, казалось, не был обижен и ответил, пожав плечами:

- Через год или два, во всяком случае, не раньше, чем мне исполнится, семнадцать.
 - Вам только пятнадцать? – спросила Джо, которая была уверена, что этому высокому юноше никак не может быть меньше семнадцати.
 - Шестнадцать, в следующем месяце.
 - Как я хотела бы пойти в университет! А вы, похоже, этому не рады.
 - Терпеть не могу этих университетов! Или зубрежка, или глупые развлечения. Мне вообще не нравится, как юноши живут в этой стране.
 - А как бы вы хотели жить?
 - Я хотел бы жить в Италии и заниматься тем, чем мне нравится.
- Джо очень хотелось спросить, чем именно ему нравится заниматься, но его черные брови сдвинулись так сурово, что она предпочла переменить тему и сказала, постукивая ногой в такт:
- Отличная полька! Почему бы вам не пойти потанцевать?
 - Только с вами, – ответил он с галантным полупоклоном.

⁴ Веве – городок в Швейцарии, расположенный на берегу Женевского озера

– Не могу. Я обещала Мег, что не буду танцевать, потому что... – Здесь Джо запнулась и взглянула на него в нерешительности, не зная, рассмеяться ей или продолжить.

– Почему? – спросил Лори с любопытством.

– Вы никому не скажете?

– Никогда!

– Понимаете, у меня скверная привычка стоять близко к огню, и поэтому я вечно подпаливаю платья, а это даже прожгла, и хотя оно аккуратно зачинено, все равно очень заметно, и Мег велела мне сидеть смирно, чтобы никто не увидел. Можете смеяться, если хотите. Это смешно, я знаю.

Но Лори не засмеялся; он на мгновение опустил взгляд, и выражение его лица озадачило Джо, когда он сказал очень мягко:

– Не беда, я скажу вам, как мы поступим: здесь рядом длинный зал, и мы можем великолепно потанцевать в конце его, и никто нас не увидит. Пожалуйста, пойдемте.

Джо поблагодарила и охотно пошла, хотя, увидев красивые жемчужно-серые перчатки своего партнера, пожалела, что не обе ее перчатки чистые. Длинный зал был пустым, а полка – великолепной. Лори танцевал очень хорошо и научил Джо новым немецким па, которые привели ее в восторг, – столько в них было свободы и живости. Когда музыка умолкла, они сели на ступенях лестницы, чтобы отдышаться. Лори увлеченно рассказывал ей о студенческих фестивалях в Гейдельберге⁵, когда в зал в поисках сестры вошла Мег. Она кивнула, и Джо неохотно последовала за ней в боковую комнату, где обнаружила ее на диване, бледную и держащуюся за щиколотку.

– Я вывихнула ногу. Этот глупейший каблук подвернулся, и теперь мне так больно, я едва могу стоять. Не знаю, как я вообще доберусь до дома, – сказала она, раскачиваясь взад и вперед от боли.

– Я была уверена, что ты повредишь себе ноги в этих дурацких туфлях. Вот несчастье! Но я не знаю, что тут можно сделать, разве только нанять экипаж Или остаться здесь на всю ночь, – отвечала Джо, нежно растирая ногу сестры.

– Нанять экипаж стоит огромных денег. К тому же, боюсь, нам не найти наемный экипаж, потому что большинство гостей приехало в собственных, а до ближайшей конюшни далеко и послать некого.

– Я сбегаю.

– Нет, ни в коем случае! Уже десятый час, и на улице – тьма египетская. Но и здесь я остаться не могу: в доме полно гостей. К Салли приехало несколько подруг. Я отдохну, пока придет Ханна, а потом постараюсь встать.

– Я попрошу Лори, и он сбегаем за экипажем, – сказала Джо с чувством облегчения, как только эта отличная идея пришла ей в голову.

– Помилуй, ни в коем случае! И не проси никого, и не говори никому. Дай мне мои галоши, а эти туфли положи к остальным нашим вещам. Я не могу больше танцевать, но, как только ужин кончится, поищи Ханну и, когда она появится, тотчас дай мне знать.

– Все уже идут ужинать. Я лучше останусь с тобой.

– Нет, дорогая, сбегай и принеси мне кофе. Я так устала, мне с места не сдвинуться.

И Мег откинулась на спинку дивана, старательно закрыв галоши складками платья, а Джо неуверенно направилась на поиски столовой, в которой очутилась лишь после того, как сначала забрела в стенной шкаф с фарфором, а затем распахнула дверь комнаты, где подкреплялся в одиночестве мистер Гардинер. Войдя в столовую, она бросилась к столу и завладела чашкой кофе, которую немедленно расплескала, сделав тем самым переднюю часть своего платья ничуть не лучше задней.

– О Боже, что я за растяпа! – воскликнула Джо, оттирая платье перчаткой Мег.

⁵ Гейдельберг – город в Германии, где расположен знаменитый университет; в 19 веке среди студентов этого университета было немало американцев

– Не могу ли я помочь вам? – раздался дружеский голос. Это был Лори с полной чашкой кофе в одной руке и тарелкой мороженого в другой.

– Я хотела отнести что-нибудь Мег, она очень уста-ла... но кто-то толкнул меня... и теперь я в таком отлич-ном виде, – отвечала Джо, в ужасе переводя взгляд с пятна на юбке на перчатку цвета кофе.

– Сочувствую! А я искал кого-нибудь, чтобы пред-ложить вот это. Можно я отнесу это вашей сестре?

– О, спасибо! Я покажу вам, где она сидит. Я не предлагаю отнести сама, потому что боюсь влипнуть в новые неприятности.

Джо указала путь, и Лори так, словно он давно привык обслуживать дам, принес маленький столик, вто-рую порцию кофе и мороженого для Джо и был так любезен, что даже привередливая Мег объявила его «ми-лым мальчиком». Они приятно провели время за конфе-тами с девизами⁶, и игра в «звонок»⁷, которой они занялись вместе с двумя-тремя молодыми людьми, слу-чайно зашедшими в комнату, была в самом разгаре, когда появилась Ханна. Мег забыла о своей ноге и проворно вскочила, но тут же схватилась за руку Джо, вскрикнув от боли.

– Тише! Ничего не говори, – шепнула она, добавив вслух: – Ничего страшного. Просто я слегка подвернула ногу, – и захромала вверх по лестнице, чтобы одеться.

Ханна ворчала, Мег плакала, а Джо была в полной растерянности, пока не решила взять дело в свои руки. Выскользнув из гардеробной, она сбежала вниз, отыскиала слугу и попросила его найти экипаж. Но, к несчастью, это оказался нанятый на один вечер официант, который не знал, где находились ближайшие конюшни. Джо рас-терянно озиралась кругом, ища помощи, когда Лори, услышавший ее слова, подошел и предложил экипаж своего дедушки, который, по его словам, был только что прислан за ним.

– Но ведь еще так рано! Вы, наверное, не собирались уезжать, – начала Джо с чувством облегчения, но все же не решаясь принять предложение.

– Я всегда уезжаю рано... всегда, правда! Пожалуйста, позвольте мне отвезти вас домой. Это по пути, вы же знаете... и, говорят, идет дождь.

Это обстоятельство оказалось решающим, и, рассказав ему о несчастье, постигшем Мег, Джо с благодарностью приняла предложение и бросилась наверх, чтобы доставить вниз остальную компанию. Ханна, которая боялась дождя, как кошка, не стала возражать, и они покатали в роскошном закрытом экипаже, с ощущением праздничности и комфорта. Чтобы Мег могла расположиться свободно и поднять ногу повыше, Лори сел на козлы, и по пути девочки без стеснения могли обсуждать события этого вечера.

– Я отлично провела время. А ты? – спросила Джо, взъерошивая волосы и устраиваясь поудобнее.

– Да, пока не подвернула ногу. Я понравилась Энни Моффат – это подруга Салли, – и она пригласила меня приехать к ней на недельку, когда у нее будет гостить Салли. Салли собирается к ней весной, когда придет оперная труппа. Это будет великолепно, если только мама позволит мне поехать, – отвечала Мег, оживившись при этой мысли.

– Я видела, как ты танцевала с этим рыжим, от которого я убежала. Он тебе понравился?

– О, очень! И волосы у него совсем не рыжие, а каш-тановые. Он очень любезный, и я с большим удовольствием танцевала с ним рейдовак⁸.

⁶ конфеты с «девизами» – распространенные в 19 веке конфеты, заворачиваемые в фантик, на внутренней стороне которого был написан стишок, девиз или пословица

⁷ игра в звонок – игра, участники которой быстро считают вслух по очереди; игрок, чья очередь пришлась на счет 7, 14, 21, 38 и т.д. должен издать звук, похожий на звонок.

⁸ рейдовак – чешский танец

– Он выглядел как сумасшедший кузнецик, когда вы-делывал эти новые па. Мы с Лори просто умирали от смеха. Слышно было?

– Нет, но все равно это очень некрасиво. Что вы делали все это время там, за шторой?

Джо принялась рассказывать о своих приключениях, и к тому времени, когда она кончила, экипаж подкатил к дому. Рассыпавшись в благодарностях, они попрощались и тихонько вошли в дом, надеясь никого не побеспокоить, но, как только дверь их комнаты скрипнула, тут же появились два маленьких ночных чепчика и два сонных, но нетерпеливых голоса воскликнули:

– Расскажите о танцах! Расскажите!

Проявив то, что Мег назвала «ужасной невоспитанно-стью», Джо ухитрилась припрятать несколько конфет для младших сестер; скоро, выслушав описание самых волнующих событий вечера, они были удовлетворены.

– У меня такое чувство, словно я элегантная юная леди, которая вернулась домой с танцев в своем экипаже и сидит в пеньюаре у зеркала, а вокруг хлопочет горничная, – сказала Мег, обращаясь к Джо, которая только что привязала ей на ногу компресс с арникой и теперь расчесывала ей волосы.

– Я уверена, что мы получаем от танцев ничуть не меньше удовольствия, чем элегантные юные леди несмотря на наши подпаленные волосы, старые платья, испачканные перчатки и тесные туфли, в которых мы вывихиваем ноги, если у нас хватает глупости их надеть.

И я думаю, что Джо была совершенно права.

Глава 4 Ноши пилигримов

– Ах, как трудно снова поднять свою котомку и зашагать дальше, – вздохнула Мег на следующее утро после танцев. Праздники кончились, но неделя отдыха и веселья не прибавила ей желания взяться за работу, которую она никогда не любила.

– Хорошо бы все время было Рождество или Новый год! Вот было бы весело, а? – отвечала Джо, свирепо зевая.

– Тогда мы не радовались бы праздникам так, как радуемся сейчас. Но это так приятно – есть мороженое и получать букеты, ходить на танцы и возвращаться домой в экипаже, и читать, и отдыхать, и не работать. Ведь жи-вут так другие девочки. Я всегда им завидую. Я так люб-лю роскошь, – сказала Мег, одновременно пытаясь решить, какое из двух поношенных платьев менее поношенное.

– Ну, нам она недоступна, так что не будем роптать, а просто взвалим на плечи свои ноши и двинемся в утомительный путь так же радостно, как это делает мама. Я думаю, что тетя Марч для меня – настоящий шейх моря из сказок «Тысяча и одна ночь», но, может быть, когда я научусь таскать ее на себе, не жалуясь, она свалится или сделается такой легкой, что я перестану ее замечать.

Эта мысль пришлась по вкусу Джо и привела ее в хорошее настроение, но Мег не развеселилась, ибо ее ноша, представлявшая собой четырех избалованных детей, казалась тяжелее, чем когда-либо. У нее даже не достало духу, чтобы, как обычно, надеть на шею голубую ленточку и уложить волосы в свою самую любимую прическу.

– Какой смысл выглядеть привлекательно, когда никто меня не видит, кроме этих злых карликов, и никому и дела нет, красива я или некрасива? – пробормотала она, резким движением закрывая ящик комода. – Так я и буду убиваться на этой работе до конца моих дней, только изредка позволяя себе развлечься, и сделаюсь старой, некрасивой, угрюмой из-за того, что я бедна и не могу наслаждаться жизнью, как это делают другие девушки. Как это обидно!

И Мег сошла вниз с оскорбленным видом и была со-всем не приветливой за завтраком. Да и все остальные, казалось, были не в духе и не прочь поворчать. У Бесс болела голова, и она лежала на диване, пытаясь утешиться обществом кошки и трех котят; Эми злилась, потому что не сделала уроки и не могла найти свои галоши; Джо свистела и роняла все подряд, поднимая невероятный шум; миссис Марч была очень занята: она пыталась закончить письмо, которое необходимо было срочно отправить; а Ханна ходила мрачнее тучи, так как поздно ложиться спать было не в ее привычках.

– Второй такой злющей семейки не найдешь! – воскликнула Джо, потеряв терпение, после того как опрокинула чернильный прибор, разорвала оба шнурка в ботинках и уселась на свою шляпу.

– А ты в ней самая злющая! – отвечала Эми, смывая совершенно неправильный ответ арифметической задачи слезами, которые капали на ее грифельную дощечку.

– Бесс, если ты не будешь держать своих гадких кошек в подвале, мне придется их утопить! – с гневом воскликнула Мег, безуспешно пытаясь освободиться от котенка, который вскарабкался ей на спину и пристал там как смола, повиснув вне пределов досягаемости.

Джо смеялась, Мег негодовала, Бесс умоляла, Эми под-вывала, так как не могла сообразить, сколько будет девятью двенадцать.

– Девочки, прошу вас, замолчите хоть на минуту! Мне надо отправить это письмо с утренней почтой, а вы отвлекаете меня своей возней! – воскликнула миссис Марч, зачеркивая уже третье испорченное предложение в своем письме.

Наступило затишье, прерванное лишь Ханной, которая торжественно вошла, поставила на стол два свежее испеченных полукруглых пирожка и так же торжественно удали-лась. Для Джо и Мег стало традицией, отправляясь на работу, брать с собой эти пирожки, которые они называли «муфтами», так как настоящих муфт у них не было, а выходить из дома в холодную погоду с горячим свертком в руке было очень приятно. Ханна, как бы занята или сердита она ни была, никогда не забывала испечь эти пи-рожки, ведь погода была холодной и ветреной, путь не-близким, а бедняжки не получали второго завтрака там, где работали, и редко возвращались домой раньше двух.

– Обнимайся со своими кошками, Бесс, и лечи головную боль. До свидания, мама. Мы были шайкой мерзавок в это утро, но вечером вернемся домой сущими ангелочками. По-шли, Мег! – И Джо зашагала по дорожке, чувствуя, что пилигримы отправляются в путь отнюдь не так, как следо-вало бы.

Прежде чем свернуть за угол, они всегда оглядывались на родной дом, потому что мама обычно стояла у окна, кивая и улыбаясь, и махала им рукой. Им казалось, что они не смогут прожить предстоящий день без этого про-щания, и, в каком бы настроении они ни покидали дом, последнее мимолетное видение ласкового лица матери не-изменно действовало на них словно луч солнца.

– Если бы мама потрясла нам вслед кулаком, вместо того чтобы посылать воздушные поцелуи, то и поделом бы нам было, потому что более неблагодарных негодниц, чем мы, свет не видывал! – воскликнула Джо, испытывая мрач-ное, полное раскаяния удовлетворение от прогулки по снегу на пронизывающем ветру.

– Не употребляй таких ужасных выражений, – отозва-лась Мег из глубин своей шали, в которую она закуталась, словно монахиня, смертельно уставшая от мира.

– Я люблю хорошие, сильные слова, которые что-то значат, – возразила Джо, судорожно хватаясь за шляпу, которая подпрыгнула у нее на голове, пытаясь улететь совсем.

– Себя ты можешь называть как хочешь, но я не «мер-завка» и не «негодница» и не желаю, чтобы меня так называли.

– Ты – разочарованное существо, а сегодня явно сер-дита из-за того, что не можешь окружить себя роскошью. Но ничего! Подожди, бедняжка моя, вот сделаю карьеру, и тогда ты будешь наслаждаться экипажами, мороженым, туфлями на высоких каблуках, букетами и рыжими кава-лерами для танцев.

– Какая ты смешная, Джо! – Но, посмеявшись над этой нелепой идеей, Мег почувствовала себя лучше.

– И хорошо, что смешная, а то, если бы я напускала на себя хандру и старалась быть такой же угрюмой, как ты, были бы мы сейчас в премилем виде. К счастью, я всегда могу найти что-нибудь смешное, чтобы не падать духом. И ты тоже не ворчи больше, а возвращайся домой веселой и будешь умница.

Джо ободряюще похлопала сестру по плечу, и они рас-стались; каждая зашагала своей дорогой, каждая несла свой теплый пирожок, каждая старалась быть бодрой, несмотря на холодную ветреную погоду, предстоящую неприятную работу и неудовлетворенные желания жаждущей удовольствий юности.

Когда мистер Марч в попытке помочь неудачливому другу лишился своего состояния, старшие дочери попросили, чтобы им было позволено взяться за какую-нибудь работу, которая по меньшей мере обеспечивала бы их содержание. Твердо веря, что никогда не рано развивать в детях энергию, трудолюбие и независимость, родители согласились, и обе девочки взялись за работу, преисполненные рвения, которое, какие бы ни встретились на пути препятствия, непременно ведет к успеху. Маргарет нашла место гувернантки и теперь чувствовала себя богатой, получая скромное жалованье. Как мы уже слышали, она «любила роскошь», и поэтому самым большим несчастьем для нее была бедность, переносить которую ей было труднее, чем остальным, ибо она хорошо помнила то время, когда дом был красивым, жизнь легкой и полной удовольствий, а нехватки и лишения – чем-то совершенно неизвестным. Она старалась не завидовать и оставаться довольной, однако было вполне естественным, что она, как и любая молоденькая девушка, стремилась к красивым вещам, веселым друзьям, развитию собственных талантов и счастью. В доме Кингов она каждый день видела то, о чем мечтала, ибо старшие сестры ее воспитанников часто выезжали в свет и Мег не раз мельком видела пре-лестные бальные платья и букеты, слышала оживленные разговоры о театрах, концертах, катаниях на санях и всевозможных развлечениях, видела, как деньги бездумно тра-тятся на пустяки, которые были бы для нее настоящими драгоценностями. Бедная Мег редко жаловалась, но созна-ние несправедливости порой вызывало в ее душе ожесто-чение против всех и каждого, так как она еще не научилась ценить те сокровища, которыми обладала, не сознавая, что им одним под силу сделать жизнь счастливой.

Что же касается Джо, то ей случилось приглянуться тете Марч, которая хромала и нуждалась в присутствии и помощи какого-нибудь энергичного человека. Эта бездетная леди, сразу после того как на семью Марч обрушились несчастья, предлагала удочерить одну из девочек и была очень обижена тем, что ее предложение было отклонено. Друзья предупреждали Марчей, что они потеряют всякую возможность получить что-либо в наследство от своей бо-гатой пожилой родственницы, но эти «не от мира сего» Марчи только сказали в ответ: «Мы не откажемся от наших девочек ни за какие сокровища в мире. В богатстве или в бедности, но мы останемся вместе и найдем свое счастье друг в друге».

Старая леди некоторое время не желала даже разгова-ривать со своими строптивыми родственниками. Но однаж-ды она случайно встретила Джо у знакомых, и что-то в забавном лице и простодушных манерах девочки пришлось ей по душе. В результате она предложила взять Джо в компаньонки. Такая работа была совсем не по. вкусу Джо, но она согласилась, так как ничего лучшего не подвернулось и, ко всеобщему удивлению, замечательно поладила со своей обидчивой и раздражительной родственницей. Правда, по-рой бывали и бури, а однажды Джо отправилась домой, заявив, что больше терпеть она не в силах, но тетя Марч была отходчива и послала за ней снова с такой настойчивой просьбой вернуться, что Джо, которой в глубине души нравилась вспыльчивая старая леди, не смогла ей отказать.

Впрочем, я подозреваю, что подлинной приманкой для Джо оказалась отличная большая библиотека, которая после смерти дяди Марча была предоставлена в распоряжение пыли и пауков. Джо хорошо помнила доброго старика, который позволял ей строить дороги и мосты из своих огромных словарей, рассказывал удивительные истории о том, что было

изображено на картинках в его латинских книгах, а каждый раз, встречая ее на улице, покупал ей в ближайшей лавке имбирную коврижку. Темная пыльная комната с бюстами, взирающими с высоких книжных шкафов, удобные кресла, глобусы и, самое главное, целые за-лежи книг, в которых можно было рыться сколько угодно, превращали библиотеку в настоящий рай в глазах Джо. Стоило тете Марч задремать или заняться очередным го-стем, как Джо спешила в это укромное место и, свернувшись калачиком в удобном кресле, пожирала поэзию, романы, исторические книги, описания путешествий и иллюстриро-ванные альбомы словно настоящий книжный червь. Но это счастье, как и всякое другое, длилось недолго, так как обычно в тот самый момент, когда она добиралась до самого захватывающего эпизода романа, самого прелестного стиха сонета или самого опасного приключения путешественников, до нее доносился пронзительный старческий голос, вызыва-ющий: «Джозе-фина! Джозе-фина!» – и ей приходилось покидать свой рай, чтобы разматывать пряжу, мыть пуделя или часами читать очерки Белшема⁹.

Мечтой Джо было совершить что-нибудь замечательное; что именно, она пока не имела понятия, но надеялась, что это подскажет ей время. А пока она считала величайшим несчастьем своей жизни то обстоятельство, что не может читать, бегать и скакать верхом столько, сколько ей хочется. Вспыльчивость, острый язык, беспокойный дух вечно на-влекали на нее неприятности, и вся ее жизнь представляла собой непрерывную череду взлетов и падений, которые были одновременно и комическими и трогательными. Но работа в доме тети Марч была именно той жизненной школой, в которой нуждалась Джо, а мысль о том, что она сама зарабатывает себе на жизнь, делала ее счастливой, несмотря на вечное «Джозе-фина!».

Бесс была слишком робкой, чтобы учиться вне дома; ее пытались посылать в школу, но она так страдала, что попытки пришлось оставить. Она занималась дома под руководством отца, и даже теперь, когда он ушел на войну, а мать посвятила всю свою энергию и умение деятельности Общества поддер-жки армии, Бесс продолжала добросовестно учить уроки и старалась изо всех сил. Она была очень хозяйственным маленьким существом и помогала Ханне поддерживать в доме чистоту и порядок и при этом никогда не думала ни о какой иной награде, кроме любви. Долгие спокойные дни проводила она без скуки и праздности, так как ее маленький мир был населен воображаемыми друзьями, а сама она по натуре была трудолюбива как пчелка. У нее было шесть кукол, которых каждое утро нужно было разбудить и одеть, так как Бесс все еще оставалась ребенком и по-прежнему горячо любила своих подопечных. Среди них не было ни одной целой или красивой; когда старшие сестры с возрастом переставали поклоняться этим идолам, Бесс принимала от-верженных на свое попечение, ибо Эми не желала иметь ничего старого или некрасивого. Но Бесс лелеяла их всех еще нежнее именно по этой причине и устроила настоящий приют для увечных кукол. Никакие булавки не впивались в их тряпичные тела, никакие резкие слова или удары никогда не обрушивались на них, никакое невнимание со стороны хозяйки никогда не печалило сердце самой урод-ливой из них – все были одеты и накормлены, окружены заботой и осыпаны ласками с нежностью и любовью, которым не было конца. Одна из таких отверженных представитель-ниц кукольного рода прежде принадлежала Джо и на исходе своей бурной жизни оказалась в плачевном виде в мешке с лоскутками. Из этой мрачной богадельни бедняжка была спасена Бесс и поступила в ее приют. У куклы не было верхней части головы, поэтому Бесс надела на нее аккурат-ную маленькую шапочку, а отсутствие рук и ног скрыла, завернув ее в одеяло, и предоставила этой неизлечимой больной лучшую из кукольных кроваток. Я думаю, что если бы кто-нибудь узнал о том, какой нежнейшей заботой была окружена эта кукла, это несомненно тронуло бы его сердце, пусть даже и вызвало бы улыбку. Она приносила кукле букетики, читала ей вслух, выносила ее подышать свежим воздухом, спрятав под пальто на груди, пела ей колыбельные и никогда не ложилась

⁹ Томас Белшем – английский богослов и проповедник

спать без того, чтобы не поцеловать ее замаранное личико и не шепнуть ласково: «Надеюсь, ты хорошо будешь спать в эту ночь, милая моя бедняжка».

У Бесс, так же как и у остальных, были свои огорчения, и будучи не ангелом, но обычной девочкой, она часто «поплакивала», как выражалась Джо, из-за того, что не могла брать уроки музыки и играть на хорошем фортепьяно. Она так глубоко любила музыку, так усердно училась, так терпеливо играла гаммы на позвякивающем старом инструменте, что казалось, кто-то (без всякого намека на тетю Марч) должен был обратить на это внимание и прийти ей на помощь. Никто, однако, не сделал этого, и никто не видел, как Бесс порой вытирала слезы с пожелтевших клавиш, когда из-под ее пальцев раздавались фальшивые звуки. За работой она всегда распевала как птичка, никогда не отказывалась поиграть для матери и сестер и изо дня в день с надеждой повторяла себе: «Я знаю, что получу хорошее фортепьяно, если буду хорошей».

Много есть таких Бесс на свете, робких, тихих, сидящих по своим уголкам и живущих для других так радостно, что никто не замечает их самопожертвования, пока маленький сверчок за печью не перестанет стрекотать и присутствие чего-то милого, солнечного не завершится, оставив за собой лишь тень и молчание.

Если бы кто-нибудь спросил Эми, что досаждал ей в жизни больше всего, она, ни минуты не раздумывая, ответила бы: «Мой нос». Когда она была младенцем, Джо случайно уронила ее в ведро с углем, и Эми упорствовала в том, что это падение навеки испортило ее нос. Он не был ни большим, ни красным, а просто немного приплюснутым, но никакое усердное пощипывание не могло придать ему аристократическую форму. Никто, кроме нее, не обращал на это внимания, и нос очень старался вырасти, но Эми глубоко переживала отсутствие греческого носа и покрывала целые листы бумаги изображениями прекрасных носов, что-бы утешиться.

«Маленький Рафаэль», как называли ее сестры, обладал явными способностями к рисованию. Больше всего она любила изображать цветы, придумывать и рисовать фей и иллюстрировать книжки необычными образчиками живописи. Учителя жаловались, что, вместо того чтобы решать задачи, она рисовала на своей грифельной доске живописных, на чистых страницах ее географического атласа появлялись копии карт, а карикатуры самого смешотворного свойства вылетали из ее учебников в самые неподходящие моменты. Она справлялась с учебой как могла и умудрялась избегать замечаний благодаря своему образцовому поведению. Одноклассницы любили ее за спокойный нрав и счастливый дар завоевывать симпатию без усилий, а присущая ей некоторая манерность даже вызывала большое восхищение, так же как и ее разнообразные таланты, включавшие кроме умения рисовать еще и умение играть двенадцать разных мелодий на фортепьяно, вышивать тамбуром и читать по-французски с неправильным произношением не более двух третей всех слов. Она имела обыкновение жалобно сообщать: «Когда папа был богат, мы делали то-то и то-то», что было очень трогательно, а ее «умные» слова, которые она так любила употреблять, были, по мнению прочих девочек, «совершенно изысканными».

Эми была на верном пути к тому, чтобы сделаться избалованной, так как все потакали ей и ее мелкое тщеславие и эгоизм росли как на дрожжах. Впрочем, одно обстоятельство все же несколько умеряло ее самомнение: ей приходилось донашивать одежду двоюродной сестры. А так как мама Флоренс не имела ни капли вкуса, то Эми глубоко страдала, надевая красную шляпку вместо синей, некрасивые платья и аляповатые переднички, которые к тому же были не впору. Вся одежда была добротной, хорошо сшитой, мало ношенной, но Эми, с ее художественным вкусом, была в отчаянии, особенно в эту зиму, когда ее школьное платье оказалось мрачного темно-фиолетового цвета в желтую крапинку и без какой бы то ни было отделки.

— Единственное мое утешение, — со слезами на глазах говорила она Мег, — это то, что мама не подгибает подол моего платья в наказание за плохое поведение, как это делает мама Мэри Парке. Боже мой, это просто ужасно, потому что иногда она так плохо ведет себя, что платье лишь прикрывает колени и она не может пойти в школу. Стоит мне подумать об этой

дискриминации, как я чувствую, что могу вынести даже мой приплюснутый нос и фиолетовое платье с желтым фейерверком на нем.

Мег была доверенным лицом и наставницей Эми, а Джо по какому-то странному взаимному влечению противоположностей играла ту же роль в отношении кроткой Бесс, которая с одной лишь Джо делилась своими мыслями и которая неосознанно оказывала на свою порывистую сестру гораздо большее влияние, чем кто-либо иной в семье. Старшие девочки были очень привязаны друг к другу, но каждая приняла на себя заботу об одной из младших и опекала ее на свой лад – это называлось у них «играть в мамочку». Тем самым они, повинаясь материнскому инстинкту маленьких женщин, поставили младших сестер на место забытых кукол.

– Расскажите что-нибудь интересное! День был такой ужасный, что теперь мне до смерти хочется отвлечься, – сказала Мег, когда все четверо уселись за шитье в тот вечер.

– У меня сегодня вышла такая забавная история с тетей, и так как в результате я здорово выиграла, то расскажу вам, как это случилось, – начала Джо, которая страстно любила рассказывать. – Я опять читала ей этого бесконечного Белшема и бубнила без всякого выражения. Я так всегда делаю, чтобы она поскорее задремала и можно было достать какую-нибудь хорошую книжку и пожирать страницу за страницей, пока она не проснется. Но в этот раз я саму себя чуть не вогнала в сон, и, прежде чем она начала клевать носом, я зевнула во весь рот, так что она спросила меня, не собираюсь ли уж я проглотить всю книгу целиком. «Жаль, что я не могу по-кончить с ней таким способом», – сказала я, стараясь не показаться дерзкой. Тут она прочитала мне нудную проповедь о моих прегрешениях и велела посидеть и подумать о них, пока она на минуточку «забудется». Но так как ей обычно нужно много времени, чтобы «вспомнить-ся», то, как только ее чепец начал клониться, словно тя-желая далия на тонком стебле, я выхватила из кармана «Векфильдского священника»¹⁰ и принялась читать, но одним глазом косила на тетю. Я дошла до того места, где все они свалились в воду, и тут не удержалась и расхохоталась. Тетя проснулась, и так как, подремав, сделалась более добродушной, то велела мне немного почи-тать вслух, чтобы она могла узнать, какое пустое чтиво я предпочитаю достойному и поучительному Белшему. Тут уж я постаралась, и тете явно понравилось, хотя она сказала только: «Не пойму, о чем тут речь. Начни сначала, детка». И я начала с первой главы и постаралась изобразить Примрозов как можно интереснее. А один раз я даже остановилась в каком-то захватывающем месте и спросила смиренно, но не без коварства: «Боюсь, это чтение утомляет вас, мэм; может быть, не стоит читать дальше?»

Она подхватила вязанье, которое выпало у нее из рук, взглянула на меня сердито через очки и сказала, как всегда, коротко: «Дочитывайте главу, мисс, и не дерзите».

– Она призналась, что ей понравилось? – спросила Мег.

– Ну что ты, конечно нет! Но она оставила в покое старика Белшема, а когда я собиралась домой и забежала назад за перчатками, она все сидела и так увлеклась «Векфильдским священником», что не слышала, как я смеялась и отплясывала джигу в передней от радости, что наступают хорошие времена. Какой приятной она могла бы сделать свою жизнь, если бы только захотела! Я не очень ей завидую, несмотря на все ее деньги, потому что, на мой взгляд, у богатых ничуть не меньше огорчений, чем у бедных, – заключила Джо.

– Твои слова напомнили мне, – сказала Мег, – что у меня тоже есть о чем рассказать. Правда, это событие совсем не смешное в отличие от истории Джо, но я думала о нем всю дорогу домой. Сегодня у Кингов все были в волнении, и одна из младших девочек сказала, что старший из их братьев сделал что-то ужасное и отец хочет прогнать его. Я слышала, как миссис Кинг плакала, а мистер Кинг кричал, а Грейс и Элен отвернулись, когда столкнулись со мной в коридоре, чтобы я не увидела, какие у них заплаканные лица. Я ни о чем,

¹⁰ Векфильдский священник (1766) – роман английского писателя Оливера Голдсмита

разумеется, не спрашивала, но мне было так жаль их, и я была рада, что у меня нет никаких распущенных братьев, которые позорили бы семью гадкими поступками.

– А я думаю, что оказаться опозоренной в школе го-раздо мучительнее, чем быть *скомпроментированной* самым гадким поступком распущенного брата, – сказала Эми, по-качив головой, как особа, умудренная жизненным опытом. – Сузи Перкинс пришла сегодня в школу с прелестным колечком из красного сердолика. Мне ужасно хотелось такое, и я всей душой жалела, что не могу оказаться на ее месте. А потом она нарисовала на своей дощечке мистера Дэвиса с чудовищным носом и горбом на спине, а изо рта у него выходили слова: «Я все вижу!» И мы все смеялись над этой картинкой, когда вдруг оказалось, что он действительно «все видит», и он велел Сузи принести ему ее дощечку. Она была *паррилизována* страхом, но подошла. И что, вы думаете, он сделал? Он взял ее за ухо – за ухо! только вообразите! какой ужас! – и вывел на помост у классной доски и велел полчаса стоять там с дощечкой в руках так, чтобы все могли видеть.

– И девочки не смеялись над картинкой? – спросила Джо, с удовольствием слушавшая эту историю.

– Смеялись? Ни одна! Все сидели тихо как мыши, а Сузи все глаза выплакала, я уверена, что выплакала. И я больше ей не завидовала, так как чувствовала, что и миллион сердоликовых колечек не мог бы сделать меня счастливой после такого драматического инцидента. – И Эми продол-жила свою работу с гордым сознанием как собственной Добродетели, так и успешного произнесения двух трудных слов подряд без запинки. – А я сегодня утром видела сценку, которая мне очень понравилась. Я собиралась рассказать вам о ней за обедом, но забыла, – сказала Бесс, не отрываясь от своего занятия, – она приводила в порядок рабочую корзинку Джо, где все было перевернуто вверх дном. – Ханна по-слала меня в рыбную лавку за устрицами, а там был в это время мистер Лоренс, но он не видел меня, потому что я стояла за бочкой. Он беседовал с мистером Каттером, хо-зяином лавки. Вдруг вошла какая-то бедная женщина с ведром и шваброй. Она спросила мистера Каттера, не по-зволит ли он ей вымыть полы за кусочек рыбы, потому что у нее нет обеда для детей и она не смогла найти сегодня никакой другой работы. Мистер Каттер был очень занят и ответил «нет» довольно сердито. Она уже собра-лась уходить, и вид у нее был голодный и печальный, когда мистер Лоренс подцепил загнутым концом своей трости большую рыбу и подал ей. Она так обрадовалась и удивилась, что схватила ее обеими руками и принялась без конца благодарить его. А он велел ей пойти и сварить рыбу, и она торопливо ушла, такая счастливая! Как он замечательно поступил! И как смешно она прижимала к себе большую скользкую рыбу и желала мистеру Лоренсу «покойной постели» в небесах.

Отсмеявшись, девочки попросили мать тоже рассказать что-нибудь, и после минутного раздумья она начала очень серьезно:

– Сегодня я кроила синие фланелевые куртки и, ра-ботая, все время думала о папе и о том, как одиноки и беспомощны окажемся мы, если с ним что-нибудь случится. Конечно, это было неразумно, но я продолжала думать и волноваться, пока не пришел старик с запиской, по которой он должен был получить одежду. Он сел рядом со мной, и я заговорила с ним, потому что он показался мне бедным, усталым, встревоженным. «У вас сын в армии?» – спросила я, потому что записка, которую он принес, была адресована не мне и я не знала, что там написано. «Да, мэм. Было четверо, но двое убиты, один – в плену, а я еду к четвер-тому, который тяжело ранен и лежит в госпитале в Вашин-гтоне», – ответил он спокойно. «Как много вы отдали стране, сэр», – сказала я, чувствуя уже не жалость, а уважение. «Ни крупицей больше, чем был должен, мэм. Я пошел бы и сам, если б от меня мог быть какой-то прок; а так как я не иду, я отдаю моих мальчиков, и отдаю их, ничего не требуя взамен».

Он говорил так страстно, смотрел так искренне и, ка-залось, был так рад отдать все самое дорогое для него, что мне стало стыдно за себя. Я отдала стране лишь одного человека и думала, что это много, а он отдал четверых и не жалел об этом. У меня дома четыре дочки, в которых я могу найти свое утешение, а его последний сын где-то за много миль отсюда ждет его, чтобы, быть может, только сказать последнее прости! И, думая о дарованных мне

бла-гах, я почувствовала себя такой богатой, такой счастливой, что вручила ему большую посылку, дала денег и сердечно поблагодарила за урок, который он преподавал мне.

– Расскажи еще что-нибудь, мама, и тоже с моралью. Я люблю потом размышлять о твоих историях, если они настоящие и не слишком нравоучительные, – сказала Джо после минутного молчания.

Миссис Марч много лет рассказывала разные истории этой маленькой компании слушателей и знала, как угодить им. Она улыбнулась и начала так:

– Жили-были четыре девочки, у которых было вполне достаточно еды, питья и одежды, немало удовольствий и развлечений, добрые друзья и любящие родители, и все же эти девочки не были довольны. – Здесь слушательницы украдкой обменялись лукавыми взглядами и начали шить прилежнее. – Эти девочки очень хотели быть хорошими и принимали немало похвальных решений, но не слишком твердо их придерживались. Они постоянно говорили: «Вот если бы у нас было это» или «Вот если бы у нас было то», совершенно забывая, как много всего уже имеют и как много удовольствий им доступно. Однажды они спросили одну добрую старушку, какое волшебство могло бы сделать их счастливыми, и та ответила им: «Когда вы чувствуете, что недовольны своей судьбой, вспоминайте о дарованных вам радостях и будьте благодарны». (Здесь Джо быстро подняла глаза, словно хотела заговорить, но раздумала, видя, что рассказ не окончен.) Девочки были разумными и решили последовать совету старушки. Вскоре они с удивлением увидели, что все пошло замечательно. Одна из них обнару-жила, что никакие деньги не могут уберечь дома богачей от позора и горя; другая узнала, что хотя она и бедна, но все же гораздо счастливее со своей юностью, здоровьем и бод-ростью, чем некая раздражительная и немощная старая леди, которая не может наслаждаться окружающими ее удобства-ми; третья поняла, что хоть и неприятно помогать готовить обед, но еще тяжелее, когда приходится выпрашивать его; а четвертая увидела, что даже сердоликовое кольцо не так ценно, как хорошее поведение. Так что все девочки согла-сились перестать жаловаться. Они решили радоваться тем сокровищам, какими уже обладали, и стараться быть достой-ными их, чтобы Провидение не отняло их, вместо того чтобы умножить. И я точно знаю: эти девочки ни разу не пожалели, что последовали совету доброй старушки.

– Но, мама, это нечестно! Обратить против нас наши же истории и прочитать поучение вместо сказки! – воск-ликнула Мег.

– Мне нравятся такие поучения. Такие мы и от папы слышали, – заметила Бесс задумчиво, ровно втыкая иголки в подушечку Джо.

– Я жалуюсь меньше других, и я буду еще более ос-мотрительной впредь, так как трагедия Сузи послужила мне предостережением, – сказала Эми с добродетельным видом.

– Нам был нужен этот урок, и мы его не забудем. Ну а если забудем, ты просто скажи нам, как старая Хлоя в «Хижине дяди Тома»: «Думайте о ваших благах, дети! Думайте о ваших благах!» – добавила Джо, которая, хоть убей, не могла удержаться и не обратить в шутку эту маленькую проповедь, хотя приняла ее смысл так же близко к сердцу, как и остальные.

Глава 5 По-соседски

– Джо, скажи на милость, куда это ты отправляешь-ся? – спросила Мег однажды холодным снежным днем, когда после обеда сестра в резиновых ботах, старом пальто и капоре, с метлой в одной руке и лопатой в другой, громко топая, прошла через переднюю.

– Иду на улицу размяться, – отвечала Джо, задорно сверкнув глазами.

– Мне кажется, что двух долгих прогулок, на работу и обратно, вполне достаточно для одного дня! Оставайся лучше, как я, дома у камина. Здесь тепло и сухо, а на дворе сыро, холодно, мрачно, – сказала Мег с содроганием.

– Выслушай совет и поступи по-своему! Не могу сидеть неподвижно целый день – я не

кошка, чтобы дремать у огня. Я люблю приключения и собираюсь их поискать.

Мег вернулась греть ноги у камина и читать «Айвенго», а Джо с огромной энергией принялась расчищать дорожки возле дома. Снег был легким, и, решительно орудуя метлой, она вскоре расчистила дорожку вокруг сада, чтобы Бесс могла прогуляться по ней, когда выйдет солнце, а увечным куклам будет необходимо подышать свежим воздухом. Сад отделял дом Марчей от дома мистера Лоренса. Стояли дома на окраине большого города, напоминавшей своими рощами и лужайками, большими садами и тихими улочками сельскую местность. Низкая живая изгородь разделяла владения соседей. С одной стороны от нее стоял старый, потемневший от времени дом Марчей, который в зимнюю пору, когда побеги плюща не закрывали его стен, а под окнами не было цветов, казался голым и запущенным. По другую сторону изгороди располагался величественный каменный особняк, где все – от большого каретного сарая и ухоженных газонов до оранжереи и видневшихся между богатыми занавесями в окнах красивых предметов обстановки – говорило о все-возможных удобствах и роскоши. И все же этот великолепный дом выглядел унылым и безжизненным: на лужайках не резвились дети, не улыбалось в окне материнское лицо и очень мало людей, кроме старого мистера Лоренса и его внука, входило в дом и выходило из него.

Для Джо, обладавшей живой фантазией, этот прекрасный особняк был чем-то вроде заколдованного дворца, полного сокровищ и источников наслаждения, которыми никто не пользовался. Она давно мечтала увидеть это скрытое от посторонних глаз великолепие и поближе познакомиться с «внуком мистера Лоренса», который, казалось, и сам был не прочь завести знакомство с соседками, но только не знал, с чего начать. После памятной вечеринки с танцами желание Джо стало еще сильнее, чем прежде, и она придумывала все новые способы подружиться с соседом; но в последние недели его совсем не было видно, и Джо уже начала бояться, что он уехал, когда однажды высмотрела в одном из окон второго этажа смуглое лицо со взглядом, печально устремленным в их сад, где Бесс и Эми играли в снежки.

«Этот мальчик страдает без друзей и развлечений, – сказала она себе. – Его дедушка просто не понимает, что полезно для внука, и держит его взаперти, а ему нужна компания веселых мальчишек, с которыми можно поиграть, или хотя бы присутствие кого-нибудь молодого и веселого. И я твердо намерена когда-нибудь пойти и высказать мое мнение этому старому господину!»

Идея захватила Джо, которая любила дерзкие, смелые поступки и своим необычным поведением неизменно приводила в ужас благоразумную Мег. Намерение «пойти и высказать» не было забыто, и в этот снежный день Джо решила предпринять первую попытку. Она увидела, как отъехал от дома в экипаже мистер Лоренс, и вышла в сад, чтобы расчистить себе путь к изгороди. Там она остановилась и окинула взглядом особняк. Все тихо – шторы в окнах нижнего этажа спущены, слуг не видно, и ни следа человеческого присутствия, кроме кудрявой черной головы, опущенной на худую руку, в окне второго этажа.

«Это он, – подумала Джо. – Бедняга! Совсем один и больной в такой мрачный день. Нехорошо! Брошу-ка я снежок, чтобы он выглянул, и скажу ему доброе слово».

Горсть мягкого снега взлетела к окну – кудрявая голова мгновенно обернулась, и показалось лицо, сразу утратившее равнодушное выражение: большие глаза оживились, а губы растянулись в улыбке. Джо кивнула, засмеялась и, помахав метлой, закричала:

– Как поживаешь? Болеешь?

Лори открыл окно и прокаркал хрипло, словно ворон:

– Уже лучше, спасибо. Сильно простудился, сидел дома целую неделю.

– Сочувствую. А как развлекаешься?

– Никак. Тоскливо тут, как в могиле.

– Читаешь?

– Немного. Мне не позволяют.

- И некому почитать тебе вслух?
- Дедушка читает иногда, но мои книжки ему неинтересны, а все время обращаться с просьбами к мистеру Бруку мне не хочется.
- Тогда позови кого-нибудь в гости.
- Здесь нет никого, кого мне хотелось бы видеть. Мальчишки вечно поднимают ужасный гвалт, а я все еще чувствую слабость.
- А разве нет какой-нибудь славной девчонки, которая могла бы прийти, чтобы почитать вслух и развлечь тебя? Девочки обычно тихие и милые. Они любят играть в сиделок.
- Да я ни одной не знаю.
- Ты знаешь нас, – начала было Джо, но тут же рассмеялась и умолкла.
- В самом деле! Приходи, пожалуйста! – крикнул Лори.
- Я, конечно, не тихая и не милая, но я приду, если мама позволит. Сейчас спрошу у нее. Будь умницей, закрой окно и жди, пока я приду.

С этими словами Джо забросила метлу на плечо и зашагала к своему дому, думая о том, что скажут мать и сестры.

Мысль о возможности обрести новое общество привела Лори в приятное возбуждение, и он носился по комнате в последних приготовлениях к ожидаемому визиту. Как справедливо отметила миссис Марч, он был настоящий юный джентльмен, и поэтому в знак уважения к гостю причесал свою взлохмаченную кудрявую голову, надел свежий воротничок и попытался прибрать в комнате, которая, несмотря на присутствие в доме полудюжины слуг, была отнюдь не опрятной.

Наконец послышался громкий звонок, а затем решительный голос, спросивший мистера Лори, и удивленный слуга бегом поднялся по лестнице, чтобы объявить о визите молодой леди.

– Отлично; проведите ее сюда, это мисс Джо, – сказал Лори, подходя к двери своей маленькой гостиной, чтобы встретить гостью, которая вскоре появилась, румяная, веселая, совершенно непринужденная; в одной руке она держала накрытое блюдо, а на другой висели трое котят Бесс.

– Вот и я, со всеми пожитками, – заговорила она оживленно. – Мама велела передать привет и сказала, что будет рада, если я чем-нибудь смогу помочь тебе. Мег захотела, чтобы я отнесла тебе ее бланманже, оно у нее неплохо получается; а Бесс решила, что ее котята принесут тебе облегчение. Я знала, что ты над этим посмеешься, но не смогла отказать – она так хотела что-нибудь сделать для тебя.

Забавная посылка Бесс оказалась наилучшим средством для завязывания знакомства: посмеявшись над котятами, Лори забыл свою застенчивость и сразу стал общительным.

– Пожалуй, это слишком красиво, чтобы есть, – сказал он, довольно улыбаясь, когда Джо открыла блюдо и показала ему бланманже, окруженное гирляндой зеленых лис-тиков и алых цветов любимой герани Эми.

– Ничего особенного, просто у всех были самые дружеские чувства и все хотели это показать. Скажи горничной, пусть унесет и оставит это тебе к чаю. Бланманже не тяжелое для желудка, так что и больным его есть можно, и к тому же оно мягкое – запросто проскочит и не повредит твоему больному горлу... Какая уютная комната!

– Была бы уютной, если бы здесь убирали как следует; но горничные ничего не хотят делать, а я не знаю, как заставить их следить за порядком. Хотя это меня не очень волнует.

– Я в две минуты все исправлю; нужно только вынести из камина... вот так... поставить все ровно на каминной полке... так... книжки положить сюда, а бутылочки с лекарствами сюда... твой диван отвернуть от света, а подушки немного взбить. Ну вот, все в порядке.

Так оно и было: не переставая говорить и смеяться, Джо быстро рассовала вещи по местам, чем придала комнате совершенно новый вид. Лори наблюдал за ее действиями в почтительном молчании, а когда она указала ему на диван, он сел со вздохом

удовлетворения и сказал с благодарностью в голосе:

– Ты очень добра! Спасибо. Это именно то, что было нужно сделать в этой комнате. А теперь, пожалуйста, садись в то большое кресло и позволь мне как хозяину чем-нибудь развлечь мою гостью.

– Ну нет, это я пришла развлечь тебя. Хочешь, почитаю вслух? – И Джо бросила нежный взгляд на несколько заманчивых книжек, лежавших поблизости.

– Спасибо! Я уже все их читал, и, если ты не против, давай лучше поболтаем, – ответил Лори.

– Я ничуть не против. Я могу болтать весь день, если только меня завести. Бесс говорит, что я не знаю, где остановиться.

– Бесс – это та румяная, которая все время дома и только иногда выходит с маленькой корзинкой? – с любопытством спросил Лори.

– Да, это Бесс. Она моя девочка, и очень славная к тому же.

– Красивая – это Мег, а кудрявая – Эми, кажется, так?

– Как ты узнал?

Лори покраснел, но ответил совершенно честно:

– Видишь ли, я часто сижу здесь наверху в одиночестве и слышу, как вы зовете друг друга, и не могу удержаться, чтобы не смотреть на ваш дом. Вы, кажется, всегда так весело проводите время. Я должен попросить прощения за дерзость, но иногда вы забываете опустить шторы в окне, где растут цветы, и, когда лампы зажжены, словно смотришь на картину: камин и все вы вокруг стола с вашей мамой; ее лицо прямо напротив, и оно такое милое в окружении цветов, что я не могу не смотреть. Понимаешь, у меня нет мамы. – И Лори помешал кочергой в камине, чтобы скрыть невольную дрожь губ, с которой не мог справиться.

Унылый, страдальческий взгляд его черных глаз проник прямо в отзывчивое сердце Джо. Ее так просто воспитывали, что в пятнадцать лет она была бесхитростной и простодушной как дитя. Лори был болен и одинок, и, чувствуя себя богатой домашней любовью и счастьем, она с готовностью попыталась поделиться с ним этими сокровищами. Выражение ее лица было самым дружеским, а резкий голос приобрел необычную мягкость, когда она сказала:

– Мы больше не будем занавешивать это окно, и можешь смотреть сколько хочешь. Только лучше бы ты пришел к нам в гости, вместо того чтобы подглядывать. Мама – просто прелесть, и тебе было бы очень полезно познакомиться с ней. А Бесс спела бы для тебя, если бы я ее попросила, а Эми станцевала бы. А мы с Мег показали бы тебе наш забавный театральный реквизит и декорации, и все вместе отлично провели бы время. Как ты думаешь, твой дедушка отпустит тебя?

– Думаю, что да, если твоя мама попросит его об этом. Он очень добрый, хоть и суровый на вид; он часто позволяет мне делать то, что я хочу, но только он боится, что я могу причинить много хлопот чужим людям, – начал Лори, все больше оживляясь.

– Мы не чужие, а соседи, и даже не думай, будто причинишь нам какие-то хлопоты. Мы сами очень хотим подружиться с тобой, и я давно пыталась завязать знакомство. Мы живем здесь не так уж давно, но уже знаем всех соседей, кроме вас.

– Понимаешь, дедушка живет среди своих книг, его не очень волнует, что происходит вокруг. Мистер Брук, мой учитель, не живет в нашем доме постоянно, так что мне часто не с кем погулять и я остаюсь дома и развлекаюсь как могу.

– Очень плохо. Тебе надо бы сделать усилие над собой и начать ходить всюду, куда тебя приглашают. Тогда у тебя будет много друзей и в их домах ты сможешь приятно провести время. Ничего, что ты застенчивый. Это скоро пройдет, когда ты начнешь ходить в гости.

Лори снова покраснел, но не обиделся на это обвинение в застенчивости. В тоне Джо было столько доброжелательности, что было невозможно превратно истолковать ее откровенные речи.

– Тебе нравится школа, где ты учишься? – спросил мальчик, меняя тему разговора, после небольшой паузы, во время которой он неотрывно смотрел на огонь, а Джо с большим удовольствием разглядывала комнату.

– Я не хожу в школу – я работаю. Ухаживаю за моей двоюродной бабушкой и должна признаться, что старушка она пресердитая, – отвечала Джо.

Лори раскрыл было рот, чтобы задать новый вопрос, но, вовремя вспомнив, что неприлично слишком интересоваться чужими делами, снова закрыл его с неловким видом. Джо оценила его тактичность, но была не прочь посмеяться над тетей Марч и живо описала ему суетливую старую леди, ее жирного пуделя, попугая, говорящего по-испански, и библиотеку, где она, Джо, наслаждается отличными книгами. Все это необыкновенно позабавило Лори, а когда она рассказала о том, как однажды к тете Марч приходил свататься некий церемонный старый господин и как, к его великому ужасу, во время его изысканнейшей речи попугай сорвал с бедняги парик, мальчик упал на диван и хохотал до слез, так что горничная заглянула в дверь, чтобы по-смотреть, в чем дело.

– О! Мне невероятно полезно посмеяться. Пожалуйста, расскажи еще! – воскликнул он, отрывая лицо от диванной подушки, красный и сияющий улыбкой.

Окрыленная успехом, Джо «рассказала еще» – об их пьесах и планах, надеждах и опасениях за отца, о самых интересных событиях маленького мира, в котором жили четыре сестры. Потом разговор зашел о книгах, и, к своему восторгу, Джо обнаружила, что Лори тоже любит читать и прочел даже больше, чем она.

– Если ты так любишь книги, пойдем вниз, и ты увидишь нашу библиотеку. Дедушки нет, так что тебе нечего бояться, – сказал Лори, вставая.

– Я ничего не боюсь, – отвечала Джо, встряхнув головой.

– Да уж вижу! – воскликнул мальчик, глядя на нее с восхищением, хотя в глубине души был уверен, что у Джо несомненно появились бы веские основания немного побаиваться старого мистера Лоренса, если бы она встретила его, когда он был не в духе.

Во всем доме было тепло как летом; Лори вел Джо из комнаты в комнату, позволяя ей останавливаться и разглядывать все, что поражало ее воображение, и так наконец они добрались до библиотеки, где Джо сцепила руки и затанцевала, что она делала всегда, когда приходила в особенный восторг. Вдоль стен тянулись огромные книжные шкафы, здесь были и картины, и статуи, и вызывающие любопытство маленькие шкафчики с монетами и антикварными вещами, и удобные глубокие кресла, и забавные столики, и бронзовые канделябры, и – самое великолепное – открытый очаг, выложенный затейливыми изразцами.

– Какая роскошь! – вздохнула Джо, ныряя в глубины бархатного кресла и оглядываясь кругом с видом огромного удовлетворения. Потом она добавила: – Теодор Лоренс, вы, должно быть, самый счастливый мальчик на свете!

– Человек не может жить одними книгами, – сказал Лори, покачав головой, и взгромоздился на стол напротив Джо.

Это было все, что он успел сказать. Зазвонил колокольчик, и Джо вскочила, воскликнув с тревогой:

– Боже мой! Это твой дедушка!

– Ну так что же? Ведь ты ничего не боишься, – возразил мальчик, лукаво взглянув на нее.

– Похоже, что я все-таки немного боюсь его, хотя не знаю почему. Мама разрешила мне прийти, и я думаю, что тебе от этого не было вреда, – сказала Джо, овладев собой, хотя и продолжала с беспокойством поглядывать на дверь.

– Мне это даже очень полезно, и я тебе от души признателен. Боюсь только, ты устала от наших долгих разговоров, но мне было так приятно, что хотелось говорить и слушать без конца, – сказал Лори с благодарностью.

– К вам доктор, – сказала горничная, поманив Лори Рукой.

– Извини, но мне придется покинуть тебя на минутку, я думаю, что должен выйти к

нему, – сказал Лори.

– Не волнуйся за меня. В таком месте я скучать не буду, – отвечала Джо.

Лори вышел, а его гостья приятно провела время в обществе книг и картин. В тот момент, когда дверь снова открылась, Джо стояла перед великолепным портретом старого мистера Лоренса. Не оборачиваясь, она решительно заявила:

– Теперь я уверена, что мне нечего бояться твоего дедушки. У него добрые глаза, хотя рот очень суровый и, судя по его виду, воля у него громадная. Он не такой красивый, как *мой* дедушка, но очень мне нравится.

– Спасибо, мэм, – раздался у нее за спиной грубоватый голос. Она обернулась и, к своему великому ужасу, увидела стоящего в дверях старого мистера Лоренса.

Бедная Джо покраснела так, что покраснеть сильнее было уже невозможно, и сердце ее забилось неприятно быстро, когда она подумала о том, что сказала. На мгновение ее охватило отчаянное желание убежать, но это было бы трусостью, и сестры дома стали бы смеяться над ней; по-этому она решила остаться и постараться выбраться из этой неприятной ситуации. Взглянув внимательнее, она увидела, что живые глаза под лохматыми седыми бровями были еще более добрыми, чем на портрете; и был в них лукавый огонек, который значительно умерил ее страхи. Но грубый голос звучал еще грубее, чем прежде, когда после пугающей паузы старик сказал резко:

– Значит, вы не боитесь меня, мисс, так?

– Не очень, сэр.

– И думаете, что я не такой красивый, как ваш дедушка?

– Не совсем, сэр.

– И у меня громадная воля, так?

– *Я* только сказала, что я так думаю.

– Но я вам нравлюсь, несмотря на все это?

– Да, сэр.

Ответ доставил удовольствие старику; он коротко рас-смеялся, пожал ей руку, а потом, чуть приподняв пальцем ее подбородок, серьезно взглянул ей в лицо и опустил руку, сказав с легким кивком:

– У тебя характер твоего дедушки, хоть лицом ты на него не похожа. Он был замечательным человеком, дорогая моя, и что еще важнее – он был храбрым и честным, и я горжусь, что был его другом.

– Спасибо, сэр. – Теперь Джо чувствовала себя уве-ренно, так как сказанное стариком совпадало с ее собствен-ным мнением.

– А что ты делала здесь у моего мальчишки, а? – прозвучал следующий резко поставленный вопрос.

– Просто пыталась действовать по-соседски. – И Джо рассказала о том, что привело к ее визиту.

– Значит, ты считаешь, что его надо немного подбод-рить и развлечь?

– Да, сэр. Мне кажется, что ему одиноко и общество ровесников принесло бы ему пользу. Конечно, мы не маль-чики, а девочки, но были бы рады помочь, чем можем, потому что мы не забыли о вашем замечательном рожде-ственском подарке.

– Ну-ну, не будем об этом! Это все дело рук моего мальчишки. Кстати, как там эта бедная женщина с ребя-тишками?

– Неплохо, сэр. – И Джо продолжила, скороговоркой сообщив все, что знала о Хаммелях, судьбой которых ее мать сумела заинтересовать друзей, более богатых, чем они сами.

– Так всегда делал добро ее отец. На днях непременно схожу повидать твою мать. Скажи ей об этом. А вот и к чаю звонят. Мы сейчас пьем чай рано из-за болезни маль-чика. Пойдем, и продолжай «действовать по-соседски».

– Если вы этого хотите, сэр.

– Не просил бы, если б не хотел. – И мистер Лоренс со старомодной галантностью

предложил ей руку.

«Что скажет об этом Мег?» – подумала Джо, шагая рядом с ним, а в глазах ее заплясали веселые огоньки, когда она представила, как рассказывает об этом дома.

– Эге! Что за черт вселился в этого парня? – воскликнул старик, когда Лори сбегал вниз по лестнице и резко остановился, пораженный неожиданным зрелищем – Джо под руку с его грозным дедушкой.

– Я не знал, что вы вернулись, сэр, – начал он, когда Джо бросила на него торжествующий взгляд.

– Это очевидно, если судить по тому, с каким грохотом ты слетел вниз по лестнице. Идемте пить чай, сэр, и ведите себя, как подобает джентльмену. – И, ласково потрепав мальчика за волосы, мистер Лоренс проследовал в столовую, в то время как Лори за его спиной прошел через целую серию комических превращений, которые едва не вызвали у Джо взрыв смеха.

Старик мало говорил, пока пил свои четыре чашки чая. Но он внимательно наблюдал за молодыми людьми, которые вскоре уже болтали как старые друзья, и от его внимания не ускользнула перемена, происшедшая с внуком. В лице мальчика были теперь краски, свет, жизнь, в манерах – живость, а в смехе – непритворное веселье.

«Она права, мальчику одиноко. Посмотрим, чем могут помочь ему эти девочки», – думал мистер Лоренс, слушая и наблюдая. Ему понравилась Джо, так как ее немного странная прямота была ему близка и понятна; к тому же эта девочка, казалось, понимала Лори так хорошо, как если бы сама была мальчишкой.

Окажись Лоренсы из тех, кого Джо называла «тупые и чопорные», она не сумела бы завоевать их расположение, так как в обществе подобных людей всегда оказывалась робкой и неуклюжей, но, найдя их свободными и естественными, она стала такой сама и потому произвела хорошее впечатление. Когда все поднялись из-за стола, она собралась уходить, но Лори сказал, что хочет еще кое-что показать ей, и повел ее в оранжерею, где по такому случаю было включено освещение. Оранжерея показалась Джо сказочной страной: она прогуливалась туда и сюда по длинным проходам, восхищаясь цветущими зелеными стенами с обеих сторон, мягким светом, влажным сладким воздухом, удивительными ползучими растениями и высокими деревьями, склонявшимися над ее головой, а в это время ее новый друг срезал для нее красивейшие цветы, пока в руках его не оказалась целая душистая охапка; тогда он перевязал букет лентой и сказал, сияя счастливой улыбкой, которую так приятно было видеть Джо:

– Пожалуйста, передай это твоей маме и скажи ей, что мне очень понравилось лекарство, которое она мне прислала.

Вернувшись в дом, они застали мистера Лоренса в большой гостиной, где он стоял перед камином, но внимание Джо сразу привлек раскрытый рояль.

– Ты играешь? – с уважением спросила она, оборачиваясь к Лори.

– Немного, – ответил он скромно.

– Поиграй, пожалуйста. Я хочу послушать, чтобы потом рассказать Бесс.

– Не хочешь ли попробовать первая?

– Не умею. Слишком тупа, чтобы выучиться, но музыку люблю страстно.

Лори сел за рояль и заиграл, а Джо слушала, с наслаждением зарывшись носом в пахучие гелиотропы и розы. Ее уважение и дружеское расположение к внуку мистера Лоренса еще больше возросло, так как играл он замечательно и нисколько не задавался из-за этого. Она пожалела, что Бесс не слышит его игру, но не сказала об этом вслух, а только принялась так хвалить его, что он совершенно смутился и дедушка пришел ему на помощь.

– Хватит, хватит, моя юная леди. Слишком много лести. Это ему вредно. Играет он неплохо, но я надеюсь, что он сумеет добиться таких же успехов и в более важных делах. Уходишь? Ну, я весьма тебе обязан и надеюсь, что ты придешь к нам еще не раз. Мое почтение вашей матушке. Доброй ночи, доктор Джо.

Он ласково пожал ей руку, но все же ей показалось, будто он был чем-то недоволен, и,

выйдя в переднюю вдвоем с Лори, она спросила, не сказала ли, сама того не зная, что-нибудь некстати. Лори покачал головой:

– Нет, это я виноват; он не любит слушать, когда я играю.

– Почему?

– Я потом тебе расскажу. Мистер Брук проводит тебя домой – мне еще нельзя выходить.

– Это лишнее. Я не барышня, и потом здесь всего два шага. Поправляйся!

– Хорошо. Но ты придешь еще, я надеюсь?

– Если ты пообещаешь навестить нас, когда попра-вишься.

– Обещаю.

– Доброй ночи, Лори!

– Доброй ночи, Джо, доброй ночи!

Выслушав рассказ Джо о событиях этого вечера, все семейство Марч в полном составе пожелало посетить сосе-дей, так как и мать, и каждая из девочек нашли что-нибудь очень заманчивое для себя в большом доме по другую сторону изгороди. Миссис Марч хотела поговорить о своем отце со старым человеком, который хорошо помнил его, Мег желала прогуляться по оранжерее, Бесс вздыхала о рояле, а Эми мечтала увидеть картины и статуи.

– Мама, а почему мистеру Лоренсу не нравится, что Лори играет? – спросила Джо, которая была очень лю-бопытной по характеру.

– Точно не знаю, но думаю потому, что его сын, отец Лори, женился на итальянке, музыкантше, которая не нра-вилась гордому старику. Девушка была и доброй, и милой, и талантливой, но ему она не нравилась, и он перестал встречаться с сыном после его женитьбы. Лори был еще совсем маленьким, когда умерли его родители, и дедушка взял его к себе. Я полагаю, что мальчик, который родился в Италии, в мягком климате, не очень крепок здоровьем. Старик боится потерять внука и от этого так дрожит над ним. Лори очень похож на свою мать и, вероятно, унасле-довал от нее любовь к музыке. Как я полагаю, дедушка боится, что внук захочет стать музыкантом. Во всяком слу-чае, способности мальчика к музыке напоминают мистеру Лоренсу о женщине, которая ему не нравилась, поэтому-то он и «мрачнеет», как ты выражаешься, Джо.

– Ах, как это романтично! – воскликнула Мег.

– Как это глупо! – сказала Джо. – И пусть станет музыкантом, если хочет, и нечего мучить его учебой в университете, если он этих университетов терпеть не мо-жет.

– Теперь я понимаю, откуда у него такие красивые черные глаза и приятные манеры. Итальянцы вообще очень привлекательны, – заметила Мег, которая была немного сентиментальна.

– Что ты знаешь о его глазах и манерах? Ты с ним даже ни разу не говорила, – возразила Джо, которая ни чуточки не была сентиментальной.

– Я видела его на танцах, а из твоих слов можно заключить, что он умеет себя вести. Как это мило он сказал о лекарстве, которое ему послала мама!

– Он, наверное, имел в виду твое бланманже.

– О, как ты глупа! Он, конечно же, имел в виду тебя.

– Да что ты говоришь? – И Джо широко раскрыла глаза; такое никак не могло прийти ей в голову.

– В жизни не видела такой девушки! Не понимает, что ей сделали комплимент! – воскликнула Мег с видом многоопытной юной особы, которой известно все об этом предмете.

– Я считаю, что все эти комплименты – полнейшая чепуха, и буду тебе очень благодарна, если ты не станешь своими домыслами портить мне все удовольствие. Лори – отличный парень; мне он нравится, и я не хочу слышать никакой сентиментальной ахинеи насчет комплиментов и прочих глупостей. Мы все будем добры к нему, потому что у него нет мамы. Ведь он может прийти к нам в гости, правда, мама?

– Конечно, Джо, мы все будем рады видеть твоего нового друга, и надеюсь, Мег не

будет забывать, что дети должны оставаться детьми столько, сколько могут.

– Я не называю себя ребенком, хотя мне еще только двенадцать, – заметила Эми. – А что ты думаешь, Бесс?

– Я думаю о нашей игре в пилигримов, – ответила Бесс, не слышавшая ни слова из этого разговора. – Решив быть хорошими, мы выбрались из Пучины Отчаяния и с усердием поднимаемся вверх на крутой холм, а там нас, быть может, ожидает дом, полный радостей и чудес, и он станет нашим Прекрасным Дворцом.

– Но сначала нам придется пройти мимо грозных львов, – сказала Джо таким тоном, словно ее очень радовала эта перспектива.

Глава 6

Бесс находит Прекрасный Дворец

Особняк за изгородью и в самом деле оказался Пре-красным Дворцом, хотя попали они туда не сразу, а необходимость пройти мимо львов, самым грозным из которых был старый мистер Лоренс, явилась тяжелым испытанием для робкой Бесс. Впрочем, никто, кроме нее, уже не боялся строгого старика, после того как он посетил их и сказал что-нибудь доброе или забавное каждой из девочек и по-беседовал о прежних временах с их матерью. Другим сто-ящим на пути «львом» могло считаться то обстоятельство, что они бедны, а Лори богат, в силу чего сначала они не решались принимать любезности и одолжения, на которые не могли ответить тем же. Но через некоторое время стало ясно, что это он считает их своими благодетельницами и не знает, что еще можно сделать, чтобы выразить глубокую признательность за материнское гостеприимство миссис Марч, за приятное общество девочек, за утешение и под-держку, которые он находил в их скромном доме. Так что скоро они забыли о своей гордости и обменивались услугами, не задумываясь, кто у кого в долгу.

Немало приятного для всех случилось в это время, когда новая дружба росла не по дням, а по часам. Всем нравился Лори, а сам он по секрету сообщил своему наставнику, мистеру Бруку, что соседки «по-настоящему замечательные девочки». С восторженным энтузиазмом юности они при-няли одинокого мальчика в свой круг и уделяли ему много внимания, и он находил очаровательным общество этих наивных, простодушных девочек. Никогда не знавший матери или сестер, Лори быстро почувствовал влияние своих новых знакомых, а их неизменная занятость и деловитость заставили его устыдиться той праздной жизни, которую он вел. Он успел устать от книг и теперь находил общение с живыми людьми таким интересным, что мистер Брук был вынужден представить мистеру Лоренсу крайне неблаго-приятные отзывы о достижениях своего ученика, так как Лори все время прогуливал уроки и убежал к Марчам.

– Ничего, пусть отдохнет, потом все наверстает, – от-вечал старик. – Наша добрая соседка говорит, что он слиш-ком утомлен учебой и ему нужно общество юных, развле-чения, прогулки, и я подозреваю, что она права и я сыграл тут роль бабушки, занявчив мальчишку. Пусть делает что хочет, лишь бы был счастлив. С ним не случится ничего плохого в этом маленьком женском монастыре по соседству, а миссис Марч влияет на него гораздо сильнее, чем можем повлиять мы.

И будьте уверены, все они отлично проводили время! Какие игры и живые картины, какие прогулки на санях и катания на коньках, какие приятные вечера в старой гос-тиной дома Марчей, а порей еще и веселые праздники в особняке Лоренсов! Мег могла гулять в оранжерее когда ей вздумается и радовать себя прекрасными букетами, не-насытная Джо паслась в новой для себя библиотеке и потрясала старого мистера Лоренса своими критическими замечаниями в адрес различных писателей, Эми копировала картины и наслаждалась красотой обстановки сколько душе угодно, а Лори играл роль «владельца поместья» самым восхитительным образом.

Но Бесс, хотя и стремилась увидеть и услышать прекрасный рояль, никак не могла набраться храбрости, чтобы отправиться в «Обитель Блаженства», как называла сосед-ский

особняк Мег. Однажды она пошла туда вместе с Джо, но мистер Лоренс, не зная о ее необыкновенной робости, очень сурово взглянул на нее из-под нависших бровей и громко сказал «Хм!», чем так напугал бедняжку, что у нее, как призналась она потом матери, «задрожали колени», и она убежала, объявив дома, что никогда больше не пойдет к соседям, даже ради чудесного фортепьяно. Ни уговоры, ни заманчивые обещания не могли заставить ее преодолеть свой страх, пока весть об этом неким таинственным образом не дошла до ушей мистера Лоренса, который решил поправить дело. Во время одного из своих кратких визитов в дом Марчей он, незаметно переведя беседу на музыкальные темы, заговорил о великих певцах, которых видел на сцене, и замечательных органах, которые слышал, и рассказал такие увлекательные истории из жизни музыкантов, что даже для Бесс оказалось невозможным оставаться в своем дальнем уголке. Она как зачарованная подходила все ближе и ближе к рассказчику. За спинкой его кресла она остановилась и замерла, слушая с широко раскрытыми глазами и возбужденно пылающими щеками. Обратив на нее не больше внимания, чем если бы она была мухой, мистер Лоренс заговорил об учебе и учителях Лори и через минуту, так, словно эта мысль только что пришла ему в голову, сказал миссис Марч:

– Мальчик забросил сейчас свои занятия музыкой, и я даже рад этому; боюсь, он слишком увлекался ею. Но для рояля вредно стоять без употребления. Может быть, кто-нибудь из ваших девочек захочет иногда забежать к нам и поиграть, просто для того, чтобы рояль оставался настроенным, вы ведь понимаете, мэм?

Бесс шагнула вперед и крепко сжала руки, чтобы не захлопать в ладоши; это предложение оказалось непреодолимым искушением для нее, и при мысли о том, что можно будет играть на замечательном инструменте, у нее перехватило дыхание. Прежде чем миссис Марч ответила, мистер Лоренс, странно кивнув, продолжил с улыбкой:

– И нет необходимости спрашивать разрешения или говорить с кем-либо, пусть заходят в любое время. Я сижу в своем кабинете в другом конце дома, Лори почти все время отсутствует, а слуги после девяти часов не появляются в гостиной.

Лучшего нельзя было и желать, и Бесс решила заговорить. Старик поднялся, собираясь уходить, и сказал:

– Так что, пожалуйста, передайте вашим девочкам о том, что я сказал, но, конечно, если у них нет желания, то... что ж – ничего не поделаешь.

Здесь маленькая рука скользнула в его ладонь, и Бесс, подняв к его лицу глаза, полные благодарности, сказала как всегда серьезно, но робко:

– О, сэр, у них есть желание, очень, очень большое!

– Ты любишь музыку? – спросил он без всякого пугающего «Хм!» и посмотрел на нее очень ласково.

– Да. Я Бесс. Я горячо люблю музыку, и я приду, если вы уверены, что меня никто не услышит и я никому не помешаю, – добавила она, боясь показаться невежливой, и, говоря это, задрожала от собственной смелости.

– Ни единой душе ты не помешаешь, моя дорогая. Дом полдня пуст, так что приходи и барабань на рояле сколько хочешь. Я буду тебе только благодарен.

– Как вы добры, сэр!

Под его дружеским взглядом Бесс зарделась как роза, но теперь ей было совсем не страшно, и она с чувством пожала его большую руку, так как не могла найти слов, чтобы поблагодарить его за сделанный ей драгоценный подарок. Старик нежно отвел волосы с ее лба и, склонившись, поцеловал ее, сказав тоном, который немногим доводилось слышать от него:

– Прежде у меня тоже была маленькая девочка, с такими же глазами, как у тебя. Благослови тебя Господь, дорогая. До свидания, мадам. – И он торопливо вышел.

Бесс излила свой восторг матери, а затем бросилась к себе в комнату, чтобы поделиться восхитительной новостью с семьей кукол-калек, так как сестер дома не было. Как радостно распевала она в тот вечер и как все смеялись над ней, когда ночью она разбудила Эми, играя во сне пальцами на ее лице, словно на рояле. На следующий день, увидев, как оба соседа,

старый и молодой, вышли из дома, Бесс, после двух или трех отступлений, благополучно вошла в боковую дверь особняка и бесшумно, точно мышка, пробралась в гостиную, где стоял предмет ее мечтаний. На рояле – разумеется, совершенно случайно – лежали ноты несложных милых песен, и, дрожащими пальцами, часто останавливаясь, чтобы оглядеться и прислушаться, Бесс наконец коснулась клавиш огромного инструмента и сразу же забыла свои страхи, себя саму и все на свете, кроме невыразимого счастья, которое доставляла ей музыка, звучавшая словно голос дорогого друга.

Она оставалась там, пока не пришла Ханна, чтобы позвать ее к обеду, но у нее совсем не было аппетита, и она просто сидела за столом, улыбаясь всем, в состоянии полного блаженства.

После этого маленькая фигурка, увенчанная коричневым капором, почти каждый день проскальзывала через изгородь, а большую гостиную особняка посещал пленительный музыкальный дух, который и приходил, и уходил, никем не видимый. Она не знала, что мистер Лоренс часто приоткрывает дверь своего кабинета, чтобы послушать свои любимые старинные мелодии; она никогда не видела Лори, несущего стражу на подступах к гостиной и предупреждающего слуг, чтобы они не входили; она не подозревала, что фортепьянные упражнения и ноты новых песен, которые она находила на пюпитре, были положены там специально для нее, а когда Лори приходил в дом Марчей и говорил с ней о музыке, она думала только о том, как это чудесно, что он дает ей именно те советы, в которых она нуждается. Теперь она была совершенно счастлива и обнаружила – а случается это с нами не всегда, – что с удовлетворением своего желания она получила все, что ей было нужно. Возможно, именно потому, что она была так благодарна судьбе за этот подарок, ей был послан еще больший дар; во всяком случае, заслужила она их оба.

– Мама, я хочу вышить домашние туфли для мистера Лоренса. Он так добр ко мне, я должна поблагодарить его, а я не знаю другого способа. Ты позволишь? – спросила Бесс спустя несколько недель после памятного и принесшего столь важные последствия визита старика.

– Конечно, дорогая. Это доставит ему большую радость и окажется очень милым способом выражения благодарности. Девочки помогут тебе, а я заплачу за покупки, – ответила миссис Марч, которой было особенно приятно откликаться на просьбы Бесс, потому что та редко просила что-нибудь для себя.

После долгих и серьезных дискуссий с Мег и Джо был выбран образец для вышивки, куплен материал, и работа началась. Букетик скромных, но радостных анютиных глазок на фоне глубокого фиолетового цвета был признан очень красивым и вполне подходящим рисунком, и Бесс трудилась и утром и вечером, с воодушевлением преодолевая встречавшиеся порой трудности. Маленькая вышивальщица была усердной и проворной, и туфли были закончены, прежде чем кому-нибудь успели надоест разговоры о них. Тогда она написала простенькую короткую записку и с помощью Лори тайком пронесла однажды утром свой подарок в особняк и оставила его на столе в кабинете, прежде чем старик встал.

Когда все волнения и тревоги оказались позади, Бесс – стала ждать, что будет дальше. Прошел весь день и часть следующего, а ответа все не было, и она уже начала бояться, не обиделся ли на нее ее капризный друг. Вечером второго дня она вышла из дома с каким-то поручением и взяла с собой бедную Джоанну, куклу-калеку, чтобы обеспечить ей ежедневный моцион. Возвращаясь домой, она увидела с улицы три, даже четыре головы, появлявшиеся и исчезающие в окнах гостиной. Ее заметили, и несколько рук замахали, а несколько голосов закричали:

– Письмо от мистера Лоренса! Иди скорее читай!

– О, Бесс, он прислал тебе... – начала было Эми, жестикулируя с невиданной энергией, но продолжить она не смогла, так как Джо, захлопнув окно, заставила ее умолкнуть.

Бесс поспешила в дом с трепетом ожидания в душе. У дверей сестры подхватили ее под руки и торжественно ввели в гостиную; все одновременно указывали и говорили хором:

– Смотри, смотри!

Бесс посмотрела и побледнела от удивления и восторга – перед ней было маленькое изящное пианино, а на его блестящей крышке лежало письмо, адресованное «мисс Эли-забет Марч».

– Мне? – задыхаясь, вымолвила Бесс и схватилась за Джо, чувствуя, что сейчас упадет, – она была совершенно ошеломлена.

– Да, тебе, тебе, драгоценная моя! Разве не замечательно? Разве он не самый милый старик на свете? Вот, ключ в письме. Мы еще не распечатали, но умираем от желания узнать, что он пишет! – закричала Джо, обнимая сестру и протягивая ей письмо.

– Прочитай лучше ты! Я не могу, у меня голова кружится! Ах, это слишком прекрасно! – И Бесс спрянула лицо в передник Джо, окончательно потеряв самообладание.

Джо развернула письмо и рассмеялась, так как первыми словами, какие она увидела, были: «Мисс Марч, сударыня...»

– Как мило звучит! Вот бы мне кто-нибудь так написал! – воскликнула Эми, которая нашла это старомодное обращение чрезвычайно изысканным.

У меня было много пар домашних туфель на протяжении жизни, но я никогда не имел таких, что подходили бы мне лучше, чем Ваши, – продолжала Джо. – Анютины глазки – мои любимые цветы, и эта вышивка всегда будет напоминать мне о милой дарительнице. Я люблю платить свои долги и уверен, что Вы позволите старому мистеру Лоренсу, послать Вам то, что некогда принадлежало его маленькой внучке, которую он навсегда утратил.

С сердечной благодарностью и наилучшими пожеланиями остаюсь

Ваш верный друг и покорный слуга Джеймс Лоренс.

– О, Бесс, я уверена, что это честь, которой стоит гордиться! Лори говорил мне, как горячо мистер Лоренс любил свою покойную внучку и как он дорожил всеми ее вещами. Подумать только, он отдал тебе ее пианино! Вот что бывает, когда у тебя большие голубые глаза и любовь к музыке, – сказала Джо, пытаясь успокоить Бесс, которая дрожала и выглядела взволнованной, как никогда прежде.

– Смотри, какие прелестные подсвечники по бокам, и чудесный зеленый шелк, весь в складочках и с золотой розой посередине, и красивый пюпитр, и стульчик – все с одинаковой отделкой, – добавила Мег, открывая инструмент и демонстрируя его красоты.

– «Ваш покорный слуга Джеймс Лоренс». Подумать только! Он написал это тебе! Я расскажу девочкам в школе. Все будут восхищены, – сказала Эми, находившаяся под большим впечатлением от письма.

– Попробуй поиграть, милочка. Послушаем, что за звук у этого пианино-крошки, – предложила Ханна, которая всегда разделяла все семейные радости и горести.

Бесс заиграла, и все единодушно признали, что это было самое замечательное фортепьяно, какое они слышали. Оно явно было только что настроено и приведено в образцовый порядок, но, при всех его совершенствах, настоящее очарование этой минуты, как думаю, было в самых счастливых из всех счастливых лиц, которые склонились над Бесс, когда она любовно коснулась красивых белых и черных клавиш и нажала блестящие педали.

– Тебе придется пойти и поблагодарить его, – сказала Джо в виде шутки, так как мысль о том, что Бесс действительно решится на такое, даже не приходила ей в голову.

– Да, я собиралась. Пожалуй, я пойду прямо сейчас, прежде чем я успела подумать об этом и испугаться. – И к невыразимому удивлению всей семьи, Бесс неспешно прошла через сад, миновала изгородь и исчезла за дверью дома Лоренсов.

– Ох, помереть мне на этом месте, если я видала что-нибудь диковиннее этого! Да у нее, видно, в голове помутилось от подарка! Будь она в своем уме, так ни за что не решилась бы пойти туда! – воскликнула Ханна, изумленно уставившись ей вслед, в то время как девочки просто онемели перед лицом такого чуда.

Но они были бы изумлены еще больше, если бы могли видеть, что Бесс сделала потом. Если вы поверите мне, она пошла и постучала в дверь кабинета, не дав себе времени подумать, а когда грубый голос произнес: «Войдите!», она вошла, подошла прямо к мистеру Лоренсу, которого, казалось, совершенно застала врасплох, протянула руку и сказала лишь

с чуть заметной дрожью в голосе:

– Я пришла поблагодарить вас, сэр, за...

Но она не договорила: он смотрел на нее так дружески, что она забыла все, что хотела сказать, и, помня лишь, что он потерял свою маленькую девочку, которую любил, обняла его обеими руками за шею и поцеловала.

Даже если бы с дома внезапно сорвало крышу, мистер Лоренс не был бы более удивлен, но ему понравилась эта ласка – о да, это так поразительно, но она понравилась ему, – и он был так тронут и доволен этим доверчивым поцелуем, что вея его обычная сдержанность исчезла. Он посадил ее к себе на колени и прижался своей морщинистой щекой к ее румяной щеке с таким чувством, словно снова обрел свою маленькую внучку. С этой минуты Бесс перестала бояться его. Она сидела, беседуя с ним так свободно, как будто знала его всю жизнь, ибо любовь изгоняет страх, а благодарность способна победить гордость. Когда Бесс пошла домой, он проводил ее до дверей дома, сердечно пожал ей руку, почтительно коснулся шляпы и зашагал назад, очень величественный, прямой, красивый, с воинской выправкой.

Увидев эту сцену, Джо затанцевала джигу, чтобы выразить свое удовлетворение, Эми чуть не вывалилась из окна от удивления, а Мег, воздев руки к небу, воскликнула:

– Да это прямо конец света!

Глава 7 Эми в Долине Унижения

– Этот мальчик – настоящий циклоп! – сказала однажды Эми, когда Лори с топотом проскакал на лошади мимо их окна, помахав кнутиком в знак приветствия.

– Как ты смеешь говорить такое, когда у него целы оба глаза? И к тому же они очень даже красивые! – с негодованием воскликнула Джо, которую возмущали любые пренебрежительные замечания в адрес ее друга.

– Но я же ничего не говорила о его глазах! Не понимаю, почему ты вдруг вспыхнула. Я просто восхищаюсь его посадкой на лошади.

– Ах ты Господи! Эта маленькая гусыня хотела сказать «кентавр», а вместо этого назвала Лори «циклопом»! – воскликнула Джо, разразившись смехом.

– Ну зачем такие грубости! Ведь это просто «ляпсус лингвы», как говорит мистер Дэвис, – возразила Эми, окончательно убивая Джо своей латынью. – Как я хотела бы иметь хоть малую долю денег, какие Лори тратит на эту лошадь, – добавила она словно про себя, но надеясь, что сестры услышат.

– Зачем? – спросила Мег ласково, так как Джо уже выбежала из комнаты, хохоча над латынью Эми.

– Мне очень нужны деньги. Я по уши в долгах, а моя очередь получить на карманные расходы настанет только через месяц.

– В долгах? Что ты хочешь сказать? – Мег строго взглянула на сестру.

– Понимаешь, я должна вернуть девочкам в школе по меньшей мере десяток лимонных цукатов, но я не могу это сделать, так как у меня нет денег, а мама запретила мне брать что-либо в лавке на наш счет.

– Расскажи мне поподробнее. Что, эти цукаты – сей-час модное увлечение? В наше время было модно протыкать кусочки резины и делать шарики. – Мег постаралась удержаться от улыбки, так как вид у Эми был очень серьезный и важный.

– Видишь ли, их покупают сейчас все девочки, и если не хочешь прослыть скупой, то тоже должна это делать. Сейчас всех занимают только цукаты, все сосут их под партой во время уроков, а на переменах меняют их на карандаши, колечки из бусин, бумажных кукол или еще что-нибудь. Если одной девочке нравится другая, она дает ей цукат, а если сердита на нее, то ест цукат у нее на глазах и даже не дает пососать. Все угощают по очереди, и мне уже много раз давали, а я не могу отплатить тем же, хоть и должна. Ведь, ты понимаешь, это

долг чести.

– Сколько нужно, чтобы отплатить за угощение и вос-становить твой кредит? – спросила Мег, вынимая свой кошелечек.

– Двадцати пяти центов хватит с избытком, ну и еще несколько центов сверх того, чтобы угостить тебя. Ты лю-бишь цукаты?

– Не очень, можешь взять мою долю себе. Вот день-ги. Постарайся растянуть, это не так уж много, ты сама знаешь.

– О, спасибо! Как, должно быть, приятно самой зара-батывать и всегда иметь карманные деньги! Теперь я устрою себе настоящий пир, а то я не пробовала ни одного цуката на этой неделе. Я была в таком неловком положении и не могла даже принять угощение, так как знала, что не смогу вернуть долг, и вся прямо-таки исстрадалась.

На следующий день Эми явилась в школу довольно поздно, но не смогла отказать себе в удовольствии проде-монстрировать одноклассникам, с простительной гордостью, сверток во влажной коричневой бумаге, прежде чем пре-проводить его в глубочайший тайник своей парты. В сле-дующие несколько минут слух о том, что в парте у Эми Марч лежат двадцать четыре восхитительных цуката (один она съела по дороге в школу) и что она собирается угощать, разнесся в ее «кругу», и внимание всех ее подружек было совершенно поглощено этим фактом. Кейти Браун сразу же пригласила ее к себе на следующую вечеринку; Мэри Кингсли настояла на том, чтобы одолжить Эми свои часы – поносить во время перемены; а Дженни Сноу, язвительная юная особа, бесчестно попрекавшая Эми во время ее бед-ственного бесцукатного состояния, быстро решила заклю-чить перемирие и предложила поделиться ответами к не-которым наводящим ужас арифметическим задачам. Но Эми не забыла колких замечаний мисс Сноу насчет «некоторых, чьи носы не слишком приплюснутые, чтобы не чувствовать запах чужих цукатов», и «тех задавак, которые не слишком горды, чтобы попрошайничать», а потому немедленно раз-рушила все надежды «этой Сноу» телеграммой следующего уничтожающего содержания: «Ни к чему делаться вдруг такой любезной, потому что ты ничего от меня не получишь».

В то утро некий высокий гость неожиданно посетил школу, и красивые карты, нарисованные Эми, удостоились его похвалы; эта почесть, оказанная врагу, влила яд в душу мисс Сноу, а сама мисс Марч сразу же приобрела повадки спесивого молодого павлина. Но увы, увы! Гордыня не доводит до добра, и мстительная мисс Сноу успешно взяла реванш! Как только высокий гость произнес обычные за-тасканные комплименты и откланялся, Дженни под пред-логом необходимости задать важный вопрос подошла к ми-стеру Дэвису и сообщила ему, что в парте у Эми Марч лежат лимонные цукаты.

Мистер Дэвис еще прежде объявил, что цукаты будут рассматриваться в школе как контрабандный товар, и тор-жественно пообещал публично наказать линейкой первого, кто осмелится нарушить этот закон. Сей стойкий человек после долгой и ожесточенной борьбы успешно провел в жизнь запрет на жевательную резинку, не раз разводил костер из конфискованных романов и газет, подавил дея-тельность частной почты, запретил корчить рожи, давать прозвища и рисовать карикатуры – словом, сделал все, что может сделать один человек, чтобы поддерживать по-рядок среди полусотни мятежных девиц. Мальчики – тяж-кое испытание для человеческого терпения, но иметь дело с девочками, видит Бог, несравненно мучительнее, особенно для нервных джентльменов с деспотическим характером и талантом к преподаванию не большим, чем у доктора Блимбера¹¹. Мистер Дэвис обладал некоторыми познаниями в греческом, латыни, алгебре и всевозможных «логиях», так что его называли прекрасным учителем, а манеры, нравст-венный облик и подаваемый ученицам пример не рассмат-ривались при этом как сколько-нибудь важные.

Это был самый удобный момент для разоблачения Эми, и Дженни это знала. Мистер

¹¹ Доктор Блимбер – владелец и директор школы ждя мальчиков, персонаж романа «Домби и сын» английского писателя Диккенса

Дэвис явно выпил слишком крепкого кофе в то утро, ветер дул восточный, что всегда плохо отражалось на невралгиях учителя, а его ученицы не показали своих знаний с тем блеском, на какой, по его мнению, он вправе был рассчитывать, а потому, если употребить выразительный, пусть и не слишком изысканный язык школьниц, «зол он был как черт», и, произнеся слово «цукаты», Дженни лишь поднесла огонь к пороху. Желтое лицо учителя запылало, он стукнул кулаком по столу с такой силой, что Дженни помчалась на свое место с необычайной скоростью.

– Юные леди, внимание! Прошу внимания!

После этого сурового воззвания жужжание в классе прекратилось, и пятьдесят пар голубых, черных, серых и карих глаз послушно остановились на его свирепой физиономии.

– Мисс Марч, подойдите сюда.

Эми поднялась со своего места, сохраняя внешнее спокойствие, но тайный страх подействовал на нее угнетающе, ибо цукаты тяжким грузом лежали на ее совести.

– Захватите с собой цукаты, которые лежат у вас в парте! – Этот неожиданный приказ задержал ее, прежде чем она успела сделать первый шаг.

– Не бери все, – шепнула ей соседка по парте, юная особа, отличавшаяся завидным хладнокровием. – Эми поспешно вытряхнула из пакета полдюжины цукатов, а остальное положила перед мистером Дэвисом, чувствуя, что любой, кто обладает человеческим сердцем, должен смягчиться в ту же минуту, когда этот восхитительный аромат коснется его ноздрей. К несчастью, мистер Дэвис терпеть не мог этот запах, и чувство отвращения усилило его гнев.

– Это все?

– Не совсем, – с запинкой пробормотала Эми.

– Немедленно принесите остальное. Окинув свой «круг» взглядом, полным отчаяния, она повиновалась.

– Вы уверены, что там ничего не осталось?

– Я никогда не лгу, сэр.

– Хорошо, я вижу. Теперь берите эту гадость по две в каждую руку и бросайте в окно.

Последовал всеобщий вздох, вызвавший что-то вроде небольшого порыва ветра: исчезла последняя надежда, и угощение было отторгнуто от алчущих уст. Багровая от стыда и гнева, Эми шесть ужасных раз прошла туда и обратно, и каждый раз ей стоило огромных усилий выпустить из рук обреченные цукаты – о! какие пухлые и сочные! – и каждый раз доносившийся с улицы крик усиливал мучения девочек, ибо свидетельствовал, что угощение приводит в ликование ирландских ребятишек, которых были их заклятыми врагами. Это... это было уже слишком, все бросали негодующие или молящие взгляды на безжалостного мистера Дэвиса, а одна страстная любительница цукатов даже разразилась слезами.

Когда Эми возвратилась из своего последнего похода к окну, мистер Дэвис издал зловещее «Гм!» и сказал самым внушительным тоном:

– Юные леди, вы помните, что я сказал неделю назад. Мне жаль, что так случилось, но я никому не позволяю нарушать установленные мною правила, и я всегда держу слово. Мисс Марч, протяните руку.

Эми вздрогнула и спрятала обе руки за спину, устремив на него умоляющий взгляд, говоривший больше, чем слова, которых она была не в силах произнести. Она была до некоторой степени любимицей «старого Дэвиса», как его называли, и лично я убеждена, что он нарушил бы свое слово, если бы одна неукротимая юная особа не выразила свое глубокое возмущение свистом. Этот свист, каким бы он ни был слабым, еще пуще раздражил вспыльчивого мистера Дэвиса и решил судьбу преступницы.

– Вашу руку, мисс Марч! – было единственным ответом на ее безмолвный призыв, и, слишком гордая, чтобы плакать или умолять, Эми сжала губы, с вызовом откинула назад голову и, не дрогнув, приняла несколько обжигающих ударов на свою маленькую ладонь. Ударов было не много, и были они не очень сильными, но для нее это уже не имело

значения. Впервые в жизни ее ударили, и Эми считала этот позор ничуть не меньшим, чем если бы от его удара она свалилась с ног. – А теперь вы останетесь у доски и будете стоять здесь до перерыва, – сказал мистер Дэвис, решив довести дело до конца, раз уж начал.

Это было ужасно. Тяжело было бы даже просто отпра-виться на свое место и увидеть жалость на лицах друзей или удовлетворение в глазах немногочисленных врагов, но ока-заться после такого позора лицом к лицу со всей школой представлялось невыносимым, и на секунду у нее появилось чувство, что сейчас она упадет прямо там, где стоит, и зарыдает. Горькое чувство несправедливой обиды и мысль о Дженни Сноу помогли ей преодолеть себя, и, заняв позорное место, она устремила глаза на дымоход печи, поверх того, что теперь казалось морем лиц, и стояла там, такая неподвижная и бледная, что девочкам было очень трудно сосредоточиться на учебе, имея перед глазами эту трагическую фигуру.

В течение последовавших пятнадцати минут гордая и чувствительная девочка страдала от стыда и боли, которых никогда не смогла забыть. Другим все это могло показаться смешным или незначительным происшествием, но для нее это было тяжкое испытание, так как все двенадцать лет жизни ее воспитывали лишь любовью и удары такого рода никогда не обрушивались на нее прежде. Но и саднящая рука, и душевная боль были ничто в сравнении с мучитель-ной мыслью: «Мне придется рассказать об этом дома, и как все они разочаруются во мне!»

Пятнадцать минут показались ей часом, но и они наконец подошли к концу, а слово «Перерыв!» никогда не казалось ей таким желанным.

– Можете идти, мисс Марч, – сказал мистер Дэвис, чувствуя себя неловко.

Не скоро забыл он полный упрека взгляд, который бросила на него Эми, когда, не сказав никому ни слова, Я направились прямо в переднюю, где схватила свои вещи и покинула это место «навсегда», как пылко заявила она себе самой. Она была в ужасном состоянии, когда пришла домой, а по возвращении старших девочек немедленно было про – ведено бурное семейное собрание. Миссис Марч говорила мало, но выглядела обеспокоенной и утешала свою оскорбленную дочку самым нежным образом. Мег омыла пору-ганную ладонь глицерином и слезами, Бесс почувствовала, что даже ее любимые котята не могут послужить бальзамом ! в подобных горестях, Джо с гневом потребовала безотла-гательного ареста мистера Дэвиса, а Ханна потрясала ку-лаком, посылая проклятия в адрес «негодяя», и разминала картофель к обеду так, словно это он был под ее пестом, Бегство Эми не вызвало никаких вопросов или замечаний со стороны мистера Дэвиса, но наблюдательные девицы заметили, что после перерыва он сделался на редкость добрым, а также и необычайно встревоженным. Перед окон-чанием занятий в классе появилась Джо. Она с самым мрачным выражением лица величественно приблизилась к столу учителя и вручила ему письмо от своей матери, затем собрала вещи Эми и удалилась, тщательно вытерев ботинки о коврик перед дверью, словно желая отряхнуть от своих ног прах этого места.

– Да, ты можешь не ходить в школу, но я хочу, чтобы ты каждый день занималась дома вместе с Бесс, – сказала в тот вечер миссис Марч. – Я против телесных наказаний, особенно для девочек. Мне не нравятся методы обучения и воспитания, которые применяет мистер Дэвис, и я считаю, что общение с девочками, вместе с которыми ты учишься, не приносит тебе пользы, так что мы должны посоветоваться с папой, прежде чем отправить тебя в другую школу.

– Как хорошо! Вот бы все девочки ушли от него и его противная старая школа опустела! Я прямо-таки с ума схожу, как вспомню о моих прелестных цукатах, – вздохнула Эми с видом мученицы.

– Мне не жаль, что ты лишилась их, так как ты на-рушила школьные правила и заслуживала наказания за непослушание, – таков был суровый ответ, изрядно разоча-ровавший юную леди, которая ожидала одного лишь сочув-ствия.

– Неужели ты рада, что я оказалась опозоренной перед всей школой? – воскликнула Эми.

– Я не избрала бы такой способ для исправления твоих недостатков, – ответила мать, – но я не уверена, что наказание не принесло тебе большей пользы, чем более мягкий подход. Ты становишься слишком самодовольной, дорогая моя, и пора бы тебе подумать о том, как исправиться. У тебя немало способностей и достоинств, но нет нужды выставлять их напоказ, ибо тщеславие портит даже прекраснейшего из гениев. Опасность, что подлинный талант или добродетель долго останутся незамеченными, невелика, но даже если это и случается, сознание того, что человек обладает ими, вполне может его удовлетворить, а самое большое очарование любого одаренного человека в его скромности.

– Именно так! – воскликнул Лори, который играл в шахматы с Джо в углу гостиной. – Я знал одну девочку, у которой были замечательные способности к музыке, а она не знала об этом и даже не догадывалась, какие чудесные мелодии она сочиняет, когда играет в одиночестве, и не поверила бы, если бы кто-нибудь сказал ей об этом.

– Вот бы мне познакомиться с этой милой девочкой! Может быть, она помогла бы мне, а то я такая глупая, – сказала Бесс, стоявшая у него за спиной и слушавшая с живым интересом.

– Ты ее знаешь, и она помогает тебе больше, чем мог бы помочь кто-либо другой, – отвечал Лори, глядя на нее так многозначительно и с таким озорством в веселых черных глазах, что Бесс сделалась очень красной и спрятала лицо в диванную подушку, пораженная этим неожиданным откровением.

В награду за эту похвалу Бесс Джо позволила Лори выиграть у нее очередную партию, но им так и не удалось уговорить Бесс после прозвучавшего так неожиданно комплимента поиграть для них на рояле. Лори одержал победу и будучи в особенно радостном настроении по этому случаю, запел; в обществе Марчей он редко демонстрировал мрачную сторону своего характера.

Когда он ушел, Эми, которая весь вечер была очень задумчива, сказала вдруг, словно захваченная новой неожиданной мыслью:

– А Лори талантливый?

– Да, он получил отличное образование и у него большие способности. Он станет замечательным мужчиной, когда вырастет, если только его не избалуют, – отвечала мать.

– И он не тщеславный, нет? – спросила Эми.

– Ничуть. Именно поэтому он так очарователен и так нам нравится.

– Понимаю. Хорошо иметь достоинства и быть элегантным, но не похвалиться этим и не задирать нос, – сказала Эми глубокомысленно.

– Да, положительные качества человека всегда видны и чувствуются в манерах и разговоре, но нет необходимости назойливо выставлять их напоказ, – сказала миссис Марч.

– Точно так же, как и надевать на себя сразу все свои шляпки, платья и ленты, чтобы все знали, что они у тебя есть, – добавила Джо, и наставление завершилось общим смехом.

Глава 8 Джо встречает Аполлиона

– Девочки, куда вы идете? – спросила Эми, войдя в субботу после обеда в комнату сестер и обнаружив, что те куда-то собираются с очень таинственным видом, который подогрел ее любопытство.

– Не твое дело. Маленькие девочки не должны задавать много вопросов, – отвечала Джо резко.

Если есть что-либо унижительное в том, что мы молоды, так это то, что нам об этом напоминают, а уж получить приказ: «Беги к себе, детка!» – еще более мучительное испытание. Эми сдержалась и не ответила на оскорбление, но твердо решила, что узнает тайну, пусть даже придется домогаться ответа целый час. Обернувшись к Мег, которая никогда ни в чем не отказывала ей слишком долго, она заговорила вкрадчиво:

– Скажи мне, куда вы идете! Мне кажется, что вы могли бы взять с собой и меня,

потому что Бесс теперь вечно торчит за своим пианино, а мне нечем заняться, и мне так одиноко.

– Не могу, дорогая, ведь тебя не приглашали, – начала Мег, но тут нетерпеливо вмешалась Джо:

– Мег, замолчи или ты все испортишь. Мы не можем взять тебя, Эми, так что не будь младенцем и не хнычь из-за этого.

– Вы куда-то идете с Лори! Я знаю, идете! Вы шеп-тались и смеялись вчера вечером на диване, а как только я вошла, сразу замолчали. Вы идете с ним, да?

– Да, с ним; а теперь помолчи и не приставай. Эми придержала язык, но пустила в дело глаза и уви-дела, как Мег украдкой сунула в карман веер.

– Знаю! Знаю! Вы идете в театр на «Семь замков»! – закричала она и решительно добавила: – Я тоже пойду; мама сказала, что мне можно, и у меня есть свои карманные деньги. Это просто подлость, что вы не сказали мне заранее.

– Послушай меня, будь умницей, – сказала Мег при-мирительно. – Мама не хочет, чтобы ты ходила в театр на этой неделе: после болезни твоим глазам будет трудно вынести яркий свет этой сказочной пьесы. Ты пойдешь на следующей неделе, вместе с Бесс и Ханной, и вы отлично проведете время.

– Мне приятнее пойти с тобой и Лори. Пожалуйста, возьми меня. Я так давно сижу взаперти из-за этой про-студы; я до смерти хочу развлечься! Мег, ну возьми меня! Я буду так хорошо себя вести, – умоляла Эми, стараясь глядеть как можно жалостнее.

– Может быть, возьмем ее? Я думаю, мама не будет возражать, если мы ее хорошенько укутаем, – начала Мег.

– Если она пойдет, то я останусь дома; а если я не пойду, думаю, что Лори это не понравится. И потом, это очень невежливо: взять и притащить с собой Эми, когда он приглашал только нас. Я думаю, что ей самой должно бы быть неприятно втираться туда, где ее не хотят видеть, – сердито сказала Джо, которой совсем не улыбалось портить себе удовольствие необходимостью надзирать за непосед-ливой девчонкой.

Ее тон и манеры разгневали Эми, которая начала обувать ботинки, бормоча при этом самым противным и раздража-ющим тоном:

– Я пойду. Мег говорит, что можно. А раз я сама заплачу за себя, то Лори это не касается.

– С нами ты сидеть не сможешь, так как для нас заранее заказаны только три места, и сидеть отдельно тебе нельзя; так что Лори придется уступить тебе свое место, и все Удовольствие будет испорчено. Ни шагу отсюда! Оставайся, где сидишь! – гневно заявила Джо, еще сильнее рассер-дившись из-за того, что в спешке уколола булавкой палец.

Эми, сидя на полу с одним надетым ботинком, начала плакать, а Мег урезонивать ее, когда Лори окликнул их снизу, и старшие девочки поспешили к нему, оставив в одиночестве ревущую сестру, которая время от времени забывала о своих взрослых манерах и вела себя как изб-лованный ребенок.

Когда вся компания уже выходила из дома, Эми, пере-гнувшись через перила лестницы, крикнула с угрозой:

– Ты еще пожалеешь об этом, Джо, вот увидишь!

– Чепуха! – отозвалась Джо и хлопнула дверью.

Они замечательно провели время в театре, так как «Семь замков на Алмазном озере» были самым блестящим и чу-десным представлением, какого только могла пожелать ду-ша. Но, несмотря на забавных красных чертенят, сверкаю-щих эльфов и великолепных принцев и принцесс, к радости Джо примешивалась и капля горечи: золотые кудри коро-левы фей напоминали ей об Эми, а в антракте она коротала время, строя догадки о том, что именно сделает сестра, чтобы заставить ее «пожалеть об этом». На протяжении жизни у Джо и Эми не раз случались горячие стычки, так как обе отличались вспыльчивостью и легко впадали в ярость. Младшая надоедала старшей, старшая раздражала младшую, и время от времени у обеих бывали вспышки гнева, за которые им было потом очень стыдно. Джо, хотя и была

одной из старших, меньше всех умела владеть собой, и ей нелегко давались попытки обуздать свой пылкий нрав, который постоянно навлекал на нее неприятности. Но гнев ее никогда не был долгим, и, смиренно признав свою вину, она с искренним раскаянием старалась стать лучше. Сестры обычно говорили, что, пожалуй, даже неплохо, что Джо иногда впадает в ярость, потому что после этого она бывает сущим ангелом. Бедная Джо отчаянно старалась быть хо-рошей, но ее «внутренний враг» всегда был готов воспла-менить ее чувства и нанести ей сокрушительное поражение; потребовались годы упорных усилий, чтобы усмирить его.

Вернувшись домой, они застали Эми в гостиной. Она при-няла обиженный вид, когда они вошли, и не подняла глаз от книжки, которую читала, и не задала ни одного вопроса. Воз-можно, любопытство взяло бы верх над негодованием, если бы в комнате не было Бесс, чтобы расспросить обо всем и полу-чить восторженное описание спектакля.

Поднявшись наверх, чтобы убрать в шкаф свою лучшую шляпу, Джо первым делом взглянула на комод, так как во время последней ссоры Эми дала выход своим чувствам, вывалив на пол содержимое верхнего ящика, принадлежав-шего Джо. Все было, однако, на месте, и, быстро заглянув в разные свои шкафчики, мешочки и коробочки, Джо ре-шила, что Эми простила ее и забыла обиду.

Но Джо ошибалась, и сделанное на следующий день открытие вызвало бурю в ее душе. Поздним вечером, когда Мег, Бесс и Эми сидели вместе в гостиной, туда неожиданно ворвалась Джо и с взволнованным видом, задыхаясь, по-требовала ответа:

– Кто-нибудь брал мою книгу?

Мег и Бесс одновременно сказали: «Нет» – и взглянули на нее с удивлением. Эми помешала кочергой в камине и промолчала. Джо, увидев, как сестра краснеет, налетела на нее в ту же минуту.

– Эми, она у тебя!

– Нет, у меня ее нет.

– Тогда ты знаешь, где она!

– Не знаю.

– Врешь! – закричала Джо, схватив ее за плечи и так свирепо уставившись ей в глаза, что испугала бы и гораздо более храброго ребенка, чем Эми.

– Нет. У меня ее нет, я не знаю, где она сейчас, и мне до нее и дела нет.

– Ты что-то знаешь о ней и лучше говори сразу, а не то я заставлю тебя! – И Джо встряхнула ее.

– Ругайся сколько хочешь, а только ты больше никогда не увидишь своей дурацкой книжонки! – закричала Эми, воз-буждаясь в свою очередь.

– Где она?

– Я ее сожгла.

– Что? Мою книжку, мою любимую книжку, над ко-торой я столько трудилась и которую хотела закончить к папиному возвращению? Ты сожгла ее? – сказала Джо, сильно побледнев. Глаза ее засверкали, а пальцы судорожно впились в Эми.

– Да, сожгла! Я сказала тебе, что ты заплатишь за вчерашнее, и я...

Эми не смогла кончить, так как необузданный нрав Джо дал себя знать. Она затрясла Эми так, что у той застучали зубы, и в бешенстве от горя и гнева закричала:

– Ты подлая, подлая девчонка! Я никогда не смогу написать это снова, и я не прощу тебе этого до конца моих дней.

Мег бросилась спасать Эми, а Бесс – успокаивать Джо, но Джо была совершенно вне себя. Влепив сестре прощаль-ную пощечину, она вылетела из комнаты и помчалась на чердак, где, упав на диван, в одиночестве преодолела по-следний приступ ярости.

Тем временем внизу атмосфера разрядилась, так как вернувшаяся домой миссис Марч, узнав о том, что произо-шло, быстро образумила Эми, дав ей понять, какое горе она причинила сестре. Книжка Джо была предметом ее величай-шей гордости и рассматривалась всей семьей как многообе-щающий литературный росток. Состояла она всего лишь из

полудюжины сказок, но Джо трудилась над ними с величайшим терпением, вкладывая в работу всю душу, и надеялась создать нечто достойное того, чтобы появиться в печати. Незадолго до этого она с большим тщанием переписала свои произведения в новую тетрадь и уничтожила старую рукопись, так что теперь Эми сожгла драгоценные плоды нескольких лет кропотливого труда. Прочим это не казалось очень большой потерей, но для Джо это было ужасное бедствие, и она чувствовала, что ничто и никогда не возместит ей эту потерю. Бесс оплакивала сожженную книжку так, как если бы это были усопшие котята, Мег отказалась защищать свою любимицу, миссис Марч выглядела печальной и озабоченной – и Эми почувствовала, что никто не будет любить ее, пока она не попросит у Джо прощения за свой поступок, о котором сожалела теперь больше всех.

Когда позвонили к чаю, появилась Джо, с таким мрачным и неприступным видом, что Эми потребовалось все ее мужество, чтобы сказать смиренно:

– Пожалуйста, прости меня, Джо. Мне очень, очень жаль, что я это сделала.

– Никогда не прощу, – таков был суровый ответ Джо, и с этого момента она совершенно перестала обращать внимание на Эми.

Никто не пытался заговорить о случившемся – даже миссис Марч, – ибо все знали по опыту, что, когда Джо была в таком настроении, слова оказывались бесполезны и самым мудрым решением было подождать, пока случай или ее собственная великодушная натура не смягчат ее сердце и не положат конец ссоре. Этот вечер нельзя было назвать счастливым, так как, хотя девочки шили как обычно, а мама читала вслух из Бремер, Скотта и Эджворт. Всем казалось, что чего-то не хватает, и сладость домашнего покоя была утеряна. Еще острее они ощутили это, когда пришло время петь перед сном. Бесс могла лишь играть, Джо стояла молча, с каменным лицом, Эми заплакала, так что Мег и мать пели вдвоем. Но, несмотря на все их старания петь беззаботно словно птички, их мелодичные голоса, казалось, звучали не так хорошо, как обычно, и они чувствовали, что поют не в лад.

Когда Джо подошла к матери, чтобы, как обычно, по-лучить поцелуй и пожелание доброй ночи, миссис Марч ласково шепнула:

– Дорогая, не держи долго обиды! Простите друг друга, помогите друг другу и начните завтра с чистой страницы.

Джо хотелось положить голову на грудь матери и выплакать все свое горе и гнев, но слезы были женской слабостью, и к тому же она чувствовала себя столь глубоко оскорбленной, что была еще не в силах простить. Поэтому она с усилием моргнула, покачала головой и сказала резко, так как Эми слушала:

– Это был отвратительный поступок, и она не заслуживает того, чтобы ее простить.

С этим она отправилась в постель, и в тот вечер в спальнях не было никакой веселой болтовни или доверительных разговоров.

Эми была глубоко обижена тем, что ее мирные предложения оказались отвергнуты. Она стала жалеть, что так унизилась, чувствовать себя невероятно оскорбленной и кичиться своей исключительной добродетелью.

На следующий день Джо по-прежнему была мрачнее черной тучи, и все дела шли у нее скверно. Утро оказалось пронизывающе-холодным, по дороге она умудрилась уронить в канаву свой драгоценный пирог, у тети Марч был приступ старушечьей суетливости, а вечером дома Мег была задумчивой, Бесс – печальной, а Эми то и дело вставляла замечания насчет людей, которые вечно твердят о том, как важно быть хорошими, но не пытаются стать таковыми, когда другие подадут им достойный подражания пример.

«Какие все противные, позову-ка я лучше Лори покачаться на коньках. Он всегда добрый и веселый, и, я знаю, он поможет мне привести себя в порядок», – сказала себе Джо и отправилась к Лори.

Услышав звон коньков, Эми выглянула в окно и с раздражением воскликнула:

– Ну вот! А ведь она обещала, что возьмёт меня с собой в следующий раз, потому что это последний лед в эту зиму. Но теперь бесполезно просить эту злыдню взять меня.

– Не говори так. Ты поступила очень гадко, и ей тяжело примириться с потерей ее

драгоценной книжки, но, может быть, она простит тебя сейчас. Да, я думаю, она простит тебя, если ты попросишь ее об этом в удачную минуту, – сказала Мег. – Догони их, но не говори ничего, пока Джо не станет добродушной, поболтав с Лори, а тогда выбери подходящий момент и просто поцелуй ее или сделай еще что-нибудь доброе и ласковое, и я уверена, она охотно помирится с тобой.

– Я постараюсь, – сказала Эми; совет пришелся ей по душе, и после торопливых сборов она выскочила из дома и помчалась вслед за друзьями, которые только что скрылись за холмом.

Река была недалеко, и оба уже успели надеть коньки, прежде чем Эми догнала их. Джо увидела, что сестра приближается, и отвернулась. Лори не видел Эми, он осторожно покатил вдоль берега, слушая лед, так как похолоданию этого дня предшествовала оттепель.

– Я проеду до первого поворота и посмотрю, все ли в порядке, а потом начнем гонки, – были его последние слова, которые услышала Эми, когда он заскользил прочь, очень напоминая русского молодца в своих обшитых мехом пальто и шапке.

Джо слышала, как Эми пыхтит после быстрого бега, топает ногой и дышит на неловкие озябшие пальцы, стараясь побыстрее надеть коньки. Но Джо не обернулась и медленно, выписывая зигзаги, заскользила вниз по реке, испытывая что-то вроде горького, угрюмого удовлетворения от того, что у сестры трудности. Она вынашивала свой гнев, пока он не усилился до того, что завладел ею целиком, как это всегда бывает со злыми мыслями и чувствами, если не отбросить их сразу. Огибая поворот, Лори обернулся и крикнул:

– Держись ближе к берегу, посередине опасно!

Джо услышала, но Эми, только что с трудом подняв-шаяся на ноги, не разобрала слов. Джо оглянулась, но маленький демон, которого она лелеяла, шепнул ей на ухо: «Какое тебе дело, слышала она или нет? Пусть сама о себе позаботится».

Лори исчез за поворотом, Джо была на самой излучине, а Эми, далеко позади них, быстро неслась к гладкому льду посередине реки. На мгновение Джо замерла со странным чувством в душе, затем решила ехать дальше, но что-то удержало ее, и она обернулась как раз в то мгновение, когда Эми взмахнула руками и упала. Послышался треск подтаявшего льда, всплеск воды и крик, заставивший сердце Джо остановиться от страха. Она попыталась окликнуть Лори, но голоса не было; она хотела броситься вперед, но ноги были как ватные, и на секунду она замерла, уставив-шись с искаженным от ужаса лицом на маленький синий капор над черной водой. Что-то быстро промелькнуло мимо нее, и она услышала крик Лори:

– Тащи жердь! Быстро, быстро!

Потом она никогда не могла вспомнить, как сделала это, но в следующие несколько минут она действовала как одер-жимая, слепо повинаясь приказам Лори, который сохранял полное самообладание и, лежа на льду, поддерживал Эми рукой и клюшкой, пока Джо вытаскивала жердь из изго-роди. Вдвоем им удалось вытащить девочку, больше испуганную, чем пострадавшую.

– Теперь надо как можно скорее доставить ее домой. Накинь на нее наши пальто, а я пока сниму эти чертовы коньки! – крикнул Лори, закутывая Эми в свое пальто и дергая ремешки коньков, которые казались запутанными как никогда прежде.

Мокрую, дрожащую, плачущую Эми доставили домой, и после пережитых волнений она заснула перед жарким камином, завернутая в одеяла. Во время всей этой суматохи Джо не говорила почти ни слова, но носилась бледная и обезумевшая, полураздетая, в порванном платье, с руками в порезах и синяках от острого льда, жерди и непослушных пряжек коньков. Когда Эми уснула и в доме воцарилась тишина, миссис Марч, сидевшая у постели, позвала Джо и начала бинтовать ее поврежденные руки.

– Ты уверена, что с ней все в порядке? – шепотом спросила Джо, с раскаянием глядя на золотистую головку, которая могла навсегда скрыться из ее глаз под коварным льдом.

– Вполне, дорогая. С ней ничего не случилось, и я думаю, она даже не простудится. Вы молодцы, что завер-нули ее в свои пальто и быстро доставили домой, – ответила мать с улыбкой.

– Все это благодаря Лори. Мама, если бы она утонула, это была бы моя вина. – И Джо, разразившись слезами, упала на ковер возле постели и рассказала о случившемся, сурово осуждая себя за жестокосердие. Задыхаясь от рыданий, она благодарила судьбу за то, что не обрушилось на нее более тяжкое наказание. – Это все мой ужасный характер! Я стараюсь исправиться, и уже думаю, что исправилась, и тогда срываюсь опять, даже хуже, чем прежде. О, мама, что мне делать? Что мне делать? – в отчаянии плакала бедная Джо.

– «Бодрствуй и молись», как говорит Библия, моя дорогая, и пусть тебе никогда не надоедает стараться и никогда не кажется, что невозможно преодолеть свои недостатки, – сказала миссис Марч, притянув к своему плечу растрепанную голову и целуя мокрую щеку так нежно, что Джо расплакалась еще горше.

– Ты не знаешь, ты представить себе не можешь, как это ужасно! Когда я впадаю в ярость, я, похоже, могу совершить что угодно; я становлюсь такой жестокой, я могу обидеть любого человека и радоваться этому. Я боюсь, что однажды сделаю что-нибудь отвратительное, и тем испорчу себе всю жизнь, и все будут ненавидеть меня! О, мама, помоги мне, помоги!

– Конечно, я помогу тебе, детка. Не плачь так горько, но запомни этот день и пожелай всей душой никогда не узнать второго такого дня. Джо, дорогая, все мы сталкиваемся с искушениями, порой гораздо худшими, чем в твоём случае, и зачастую нам требуется вся жизнь, чтобы победить в борьбе с ними. Ты думаешь, что хуже твоего характера нет на свете, но я прежде была точно такой, как ты.

– Ты, мама? Но ты никогда не сердишься! – От удивления Джо на мгновение забыла об угрызениях совести.

– Я стараюсь исправить свой характер вот уже сорок лет, но все, чему я научилась, – это владеть собой. Я раздражаюсь почти каждый день, Джо, но я научилась не показывать этого и все еще надеюсь научиться не испытывать самих нехороших чувств, хотя, возможно, для этого мне потребуется еще сорок лет.

Терпение и смирение, отражавшиеся на лице, которое она так любила, были для Джо лучшим уроком, чем самое мудрое наставление или самый резкий упрек. Сочувствие и доверие, оказанное ей, сразу принесли облегчение. От сознания, что мать обладает тем же недостатком, что и она сама, и старается преодолеть его, он перестал казаться невыносимым, а ее решимость справиться с ним окрепла, хотя сорок лет представлялись пятнадцатилетней девочке слишком долгим сроком, чтобы «бодрствовать и молиться».

– Мама, иногда ты крепко сжимаешь губы и выходишь из комнаты, когда тетя Марч ворчит или кто-нибудь огорчает тебя. Это бывает, когда ты сердишься? – спросила Джо, чувствуя себя ближе к матери, чем когда-либо прежде.

– Да, я научилась удерживать необдуманные слова, которые поднимаются к моим губам, и, когда чувствую, что они вот-вот прорвутся против моей воли, я просто выхожу на минуту, чтобы немного встряхнуть себя и упрекнуть за то, что так слаба и зла, – ответила миссис Марч со вздохом и легкой улыбкой, разглаживая и укладывая встрепанные волосы Джо.

– Как же ты научилась хранить молчание? Именно это тяжелее всего для меня... потому что резкие слова вырываются еще прежде, чем я знаю, что собираюсь сказать, а чем больше я говорю, тем сильнее раздражаюсь, и потом для меня становится удовольствием оскорблять чувства других и говорить им гадости. Скажи мне, как тебе удастся молчать, мама, дорогая.

– Моя добрая матушка помогала мне...

– Как ты нам... – прервала Джо с благодарным поцелуем.

– Но я лишилась ее, когда была немногим старше, чем ты сейчас, и долгие годы мне приходилось вести борьбу в одиночку, так как я была слишком горда, чтобы признать свою слабость кому-нибудь другому. Мне пришлось нелегко, Джо, и я пролила немало горьких слез из-за своих неудач, так как, несмотря на все мои усилия, я, как мне казалось, не добилась успеха. Потом в моей жизни появился твой отец, и я почувствовала себя такой

счастливой, что мне было нетрудно оставаться доброй. Но когда у меня появились четыре дочки, а мы были бедны, прежние неприятности вернулись, потому что я нетерпеливая по натуре и для меня было мучительно видеть моих детей в нужде.

– Бедная мама! Что же помогло тебе?

– Твой отец, Джо. Он никогда не теряет терпения, никогда не сомневается и не жалуется, но всегда надеется, трудится и ждет так радостно, что рядом с ним стыдно быть иным. Он помогал мне, ободрял меня, говорил о том, что я должна стараться воплотить в себе все те добродетели, какие хотела бы видеть в моих дочерях, и должна служить им примером. Мне было легче стараться ради вас, чем ради себя самой. Стоило мне заговорить резко, как испуганный или удивленный взгляд одной из вас упрекал меня сильнее, чем любые слова. Любовь, уважение и доверие моих дочерей были самой сладкой наградой за мои усилия быть такой женщиной, какими я хотела бы видеть их.

– О, мама, если я когда-нибудь буду хоть вполовину такой хорошей, как ты, я буду удовлетворена! – воскликнула Джо, глубоко тронутая.

– Я надеюсь, ты окажешься намного лучше, дорогая, но ты должна внимательно следить за своим «внутренним врагом», как выражается папа, иначе этот враг может омрачить, если не испортить твою жизнь. Ты получила предупреждение, помни о нем и всей душой стремись преодолеть свою вспыльчивость, прежде чем она принесет тебе горести и сожаления, большие, чем те, что ты узнала сегодня.

– Я постараюсь, мама, я буду очень стараться. Но ты должна помочь мне. Напоминай мне, удержи меня от вспышек гнева. Я видела, как папа иногда прижимал палец к губам и смотрел на тебя очень ласково, но серьезно и тогда ты крепко сжимала губы или уходила. Это было напоминание, да? – спросила Джо мягко.

– Да. Я просила его, чтобы он так помогал мне, и он никогда не забывал об этом. Своим незаметным жестом и добрым взглядом он удержал меня от многих резких слов.

Джо увидела, что глаза матери наполнились слезами, а губы задрожали, и, испугавшись, что сказала лишнее, она шепнула с тревогой:

– Это нехорошо, что я наблюдала за тобой и заговорила об этом? Я не хотела сделать тебе неприятно, но для меня такое облегчение, что можно говорить тебе все, о чем я думаю, и чувствовать себя здесь свободно и счастливо.

– Моя Джо, ты можешь говорить мне все, что хочешь. Для меня величайшее счастье и гордость, что мои девочки доверяют мне и знают, как сильно я их люблю.

– Я подумала, что огорчила тебя.

– Нет, дорогая. Но когда мы заговорили о папе, я вспомнила, как мне его не хватает, как многим я обязана ему и как усердно должна я трудиться, чтобы его дочки были добрыми и счастливыми.

– Но ты сама проводила его в армию, мама, и не плакала, когда он уходил. Ты никогда не жалуешься, и не похоже на то, будто тебе нужна чья-то помощь, – сказала Джо с недоумением.

– Я отдала самое дорогое стране, которую люблю, и удержусь от слез, пока он вдали от нас. Как могу я жаловаться, когда мы оба просто исполнили свой долг и в конечном счете непременно будем счастливее от этого? Если кажется, что мне не нужна помощь, так это потому, что у меня есть еще один друг, который утешает и поддерживает меня даже лучше, чем папа. Дитя мое, заботы и искушения начинают входить в твою жизнь, их может быть много, но ты сможешь преодолеть их все, если научишься чувствовать силу и нежность нашего Небесного, Отца, так же как ты чувствуешь силу и нежность твоего земного отца. Чем больше ты любишь Его и доверяешь Ему, тем ближе к Нему ты чувствуешь себя и тем меньше зависишь от человеческой силы и мудрости. Его любовь и забота никогда не иссякнут, не изменятся и не будут отняты у тебя; они могут стать источником вечного покоя, счастья и силы. Верь мне всей душой и обратись к Богу со всеми своими маленькими заботами, надеждами, грехами и горестями, открыто и доверчиво, как обращаешься к своей матери.

В ответ Джо лишь крепче прижалась к ней, и в последовавшем молчании самая искренняя из всех молитв, какие она когда-либо обращала к Богу, без слов излилась прямо из ее сердца, ибо в этот печальный, но счастли-вый час она познала не только горечь раскаяния и отчая-ния, но и сладость самоотречения и самообладания и, ве-домая рукой матери, подошла ближе к Другу, который приветствует каждое дитя с любовью более сильной, чем любовь любого отца, и более нежной, чем любовь любой матери.

Эми пошевелилась и вздохнула во сне, и, словно желая сразу искупить свою вину, Джо подняла глаза с выражением на лице, какого никогда не бывало на нем прежде.

– Я так долго не хотела простить ее, и, если бы не Лори, могло бы быть уже поздно! Как могла я быть такой гадкой? – сказала Джо чуть слышно, склоняясь над сес-трой и нежно проводя рукой по влажным волосам, рассы-павшимся по подушке.

Словно услышав ее, Эми открыла глаза и протянула руки с улыбкой, которая тронула Джо до глубины души. Ни одна из них не сказала ни слова, но они крепко обнялись, несмотря на одеяла, и все было прощено и забыто в одном сердечном поцелуе.

Глава 9 Мег на Ярмарке Тщеславия

– Какое счастье, что эти дети заболели корью именно сейчас, – сказала Мег в один из апрельских дней, когда она стояла в своей комнате в окружении сестер, упаковывая «заграничный» сундук.

– А как это мило со стороны Энни Моффат, что она не забыла о своем обещании. У тебя будут целые две недели веселья! Просто замечательно! – ответила Джо, которая сворачивала юбки сестры, размахивая своими длинными руками и очень напоминая при этом ветряную мельницу.

– И какая прекрасная погода! Я очень за тебя рада, – добавила Бесс, тщательно сортируя ленточки для волос и для шеи в своей лучшей коробке, одолженной сестре по такому великолепному случаю.

– Как бы мне хотелось быть на твоём месте! Чтобы это я собиралась чудесно провести две недели и носить все эти красивые вещи, – сказала Эми, державшая во рту мно-жество булавок, которыми она с художественным вкусом заполняла подушечку сестры.

– Мне тоже хотелось бы, чтобы все вы поехали вместе со мной, но так как это невозможно, я постараюсь сохранить в памяти все мои приключения и расскажу вам обо всем, когда вернусь. Хотя бы этим я смогу отблагодарить вас за то, что вы были так добры: одолжили мне свои вещи и помогли собраться, – сказала Мег, окинув взглядом комна-ту, где повсюду были разложены предметы ее нехитрого гардероба, почти совершенного в глазах девочек.

– А что дала тебе мама из коробки с сокровищами? – спросила Эми, не присутствовавшая при открытии некоего кедрового ящичка, в котором миссис Марч держала кое-ка-кие остатки прежней роскоши, чтобы подарить своим де-вочкам, когда придет время.

– Шелковые чулки, красивый резной веер и прелестный голубой пояс. Я хотела еще лиловое шелковое платье, но нет времени, чтобы подогнать его по фигуре, так что мне придется довольствоваться моим старым, из жесткой кисеи.

– Оно будет выглядеть прелестно на моей новой ниж-ней юбке из муслина, а пояс будет выгодно на нем выде-ляться. Жалко, что я разбила мой коралловый браслет, а то ты могла бы его взять, – сказала Джо, которая любила дарить и одалживать свои вещи, но чье имущество обычно было в слишком плачевном состоянии, чтобы принести ка-кую-то пользу.

– В коробке с сокровищами есть прелестный старинный жемчужный набор, но мама сказала, что живые цветы – лучшее украшение для юной девушки, а Лори обещал при-слать мне из оранжереи все, что я захочу, – отвечала Мег. – Теперь... дайте подумать... вот мой серый уличный костюм... только загни перья в шляпу, Бесс... теперь мое поплиновое платье,

я надену его в воскресенье или на небольшую ве-черинку – оно, пожалуй, слишком тяжелое для весны, правда? Как было бы хорошо взять лиловое шелковое!

– Ничего, у тебя есть кисейное для большого бала, а в белом ты всегда выглядишь как ангел, – сказала Эми, погружаясь в созерцание восхищавших ее до глубины души немногочисленных нарядов Мег.

– Жаль, что оно не с низким вырезом и не волочится сзади по полу, но придется обойтись и таким. Мое голубое домашнее перелицовано и с другой отделкой выглядит совсем как новое. Моя шелковая пелерина совершенно не модная, и шляпка не такая, как у Салли. Мне неприятно об этом говорить, но я очень разочарована моим новым зонтиком. Я просила маму купить черный с белой ручкой, но она забыла и купила зеленый с желтоватой ручкой. Он прочный и чистый, так что мне не на что жаловаться, но я знаю, мне будет стыдно за него рядом с шелковым зонтиком Энни с маленьким золотистым шпилем, – вздохнула Мег, с большим неодобрением разглядывая маленький зонтик.

– Поменяй его, – посоветовала Джо.

– Это глупо, и я не хочу обидеть маму, ведь она при-ложила столько усилий, чтобы купить мне все необходимое. Неразумно с моей стороны досадовать, и я постараюсь преодолеть это чувство. Мои шелковые чулки и две пары новых перчаток могут служить мне утешением. Как ты мила, Джо, что одолжила мне свои новые перчатки! Я чувствую себя такой богатой, даже элегантной, имея две новые пары для балов и вычищенные старые на каждый день. – И Мег мельком заглянула в свою перчаточную ко-робку, чтобы освежить приятное воспоминание. – У Энни Моффат голубые и розовые бантики на ночных чепчиках, пришей на мои тоже, – попросила она Бесс, когда та внесла в комнату кучу белоснежного муслинового белья, только что вышедшего из-под утюга Ханны.

– Нет, я не стала бы этого делать, потому что нарядные чепчики не подходят к простым ночным рубашкам без всякой отделки. Бедным людям нечего пускать кому-то пыль в глаза, – заявила Джо решительно.

– Я все думаю, дождусь ли я когда-нибудь такого счастья, чтобы иметь на одежде настоящие кружева, а на чепчиках банты? – раздраженно воскликнула Мег.

– На днях ты говорила, что будешь совершенно сча-стлива, если только сможешь поехать к Энни Моффат, – заметила Бесс, как всегда сдержанно.

– Конечно, говорила! И я действительно счастлива и не буду капризничать, но, похоже, чем больше человек получает, тем больше ему хочется, разве не так? Ну вот, все готово и уложено, кроме моего бального платья, но его пусть лучше уложит мама, – сказала Мег, оживившись, как только перевела взгляд с наполовину заполненного сундука на много раз стиранное и зачиненное белое платье из жест-кой кисеи, которое она с важным видом называла бальным.

Погода на следующий день была прекрасная, и Мег отправилась в путь, чувствуя себя очень элегантной и пред-вкушая целые две недели новизны и удовольствий. Миссис Марч довольно неохотно дала согласие на этот визит, опа-саясь, что Маргарет вернется в родной дом еще более не-удовлетворенной, чем покинула его. Но она так упрашивала, а Салли обещала позаботиться о ней, и небольшое удоволь-ствие казалось таким привлекательным после долгой зимы, заполненной утомительной работой, что мать уступила, и дочь отправилась, чтобы впервые вкусить светской жизни.

Моффаты действительно были весьма светскими людь-ми, и простодушную Мег поначалу ошеломило великолепие дома и элегантность его обитателей. Но, несмотря на лег-комысленную жизнь, которую вели, они были очень бла-гожелательны, и скоро их гостыя преодолела свою робость. Возможно, Мег чувствовала, не вполне отдавая себе в том отчет, что они не были особенно культурными или умными людьми и что вся их позолота не до конца могла скрыть заурядный материал, из коего они были сделаны. Но, ко-нечно, было приятно жить в роскоши, ездить в прекрасных экипажах, каждый день надевать свое лучшее платье и не заниматься ничем, кроме развлечений. Такая жизнь вполне ее устраивала, и скоро она начала подражать манерам и разговорам, которые видела и слышала вокруг,

напускать на себя важность, держаться манерно, вставлять в речь французские фразы, завивать волосы, убавлять платья в талии и беседовать о модах. Чем больше видела она красивых вещей Энни Моффат, тем больше она завидовала ей и мечтала о богатстве. Когда она теперь вспоминала о родном доме, он казался ей убогим и унылым, работа представлялась тяжелее, чем когда бы то ни было, и она чувствовала себя очень бедной и несчастной девушкой, несмотря на свои новые перчатки и шелковые чулки.

У нее, впрочем, оставалось не так много времени, чтобы сетовать на судьбу, так как все три девушки – Энни, Салли и Мег – были очень заняты тем, что называется «хорошо проводить время». Они ездили по магазинам, ходили на прогулки, катались верхом, делали визиты, посещали театр и оперу или устраивали вечеринки дома, так как у Энни было много друзей и она умела их развлечь. Ее старшие сестры были очень элегантными юными особами, и одна из них, как оказалось, была помолвлена, что, по мнению Мег, было необыкновенно интересно и романтично. Мистер Моффат был толстый и веселый пожилой господин, который знал ее отца, а миссис Моффат была толстой и веселой пожилой дамой, которой, как и ее дочери, очень пришлось по душе Мег. Все ласкали ее, и Дейзи¹², как ее стали называть, оказалась на верном пути, чтобы ей окончательно вскружили голову.

Когда пришло время «небольшой вечеринки», она обнаружила, что поплиновое платье совершенно не годится, так как другие девочки надели тонкие платья и выглядели очень элегантно. Пришлось извлечь из сундука кисейное платье, которое казалось еще более старым, обвисшим и поношенным, чем обычно, рядом с хрустящим новеньким платьем Салли. Мег заметила, как девочки взглянули на ее платье и переглянулись между собой, и щеки ее запылали, так как при всей своей кротости она была очень гордой. Никто не сказал ни слова о ее наряде, но Салли предложила уложить ей волосы, Энни – завязать пояс, а Белла, та сестра, что была помолвлена, сделала комплимент ее белым ручкам – но Мег видела в их любезности лишь жалость и сострадание к ее бедности, и на сердце у нее было очень тяжело, когда она стояла в стороне, в то время как остальные смеялись, болтали и порхали вокруг, словно полупрозрачные бабочки. Тяжелое, горькое чувство стало совсем невыносимым, когда горничная внесла коробку с цветами.

Прежде чем горничная успела заговорить, Энни подняла крышку, и все разразилось восхищенными восклицаниями, увидев прекрасные розы, гиацинты и папоротники, которые были в коробке.

– Это для Беллы, конечно. Джордж всегда посылает ей цветы, но на этот раз он превзошел самого себя! – воскликнула Энни, глубоко втягивая воздух.

– Посыльный сказал, что это для мисс Марч; вот записка, – вставила горничная, подавая ее Мег.

– Как занятно! От кого это? А мы и не знали, что у тебя есть поклонник! – восклицали девушки, порхая вокруг Мег в состоянии крайнего удивления и любопытства.

– Записка от мамы, а цветы от Лори, – сказала Мег просто, однако с чувством глубокой благодарности за то, что он не забыл ее.

– О, в самом деле? – сказала Энни, насмешливо взглянув на Мег, когда та спрятала записку в карман, как та-лисман, способный уберечь от зависти, тщеславия, ложной гордости. Несколько исполненных любви слов матери принесли ей облегчение, а цветы порадовали своей красотой.

Снова чувствуя себя почти счастливой, она отложила несколько роз и папоротничков для себя и быстро превратила остальное в прелестные букеты, чтобы украсить ими волосы и платья своих подруг. Она предлагала эти подарки с такой любезностью и грацией, что Клара, старшая из сестер Моффат, назвала ее «прелестнейшей крошкой, какую она когда-либо видела», и все они, казалось, были совершенно очарованы этим маленьким знаком внимания с ее стороны. Проявленная щедрость каким-то образом помогла ей покончить с унынием, и,

¹² Дэйзи – маргаритка (англ.)

когда все остальные побежали показаться миссис Моффат, Мег, оставшись одна, увидела в зеркале счастливое лицо с сияющими глазами и приколола свои папоротники к волнистым волосам, а розы – к платью, которое теперь не казалось ей таким уж поношенным.

Весь этот вечер она была счастлива, так как танцевала сколько душе угодно, а все были очень добры и она получила три комплимента. Энни уговорила ее спеть, и кто-то заметил, что у нее замечательный голос. Майор Линкольн спросил, кто эта «незнакомая девочка с такими красивыми глазами», а мистер Моффат настоял на том, чтобы станцевать с ней, потому что она «не размазня и есть в ней огонек», как он изящно выразился. Так что все шло чудесно, пока она случайно не подслушала обрывок разговора, который крайне обеспокоил ее. Она сидела в оранжерее, ожидая, когда ее партнер принесет ей мороженое, и вдруг услышала голос по другую сторону стены из цветов, спросивший:

– Сколько ему лет?

– Шестнадцать или семнадцать, полагаю, – отвечал другой голос.

– Это была бы отличная партия для одной из этих девочек, не правда ли? Салли говорит, что они очень близки теперь, а старик прямо души в них не чает.

– Миссис М. строит планы на будущее и, смею думать, отлично пользуется обстоятельствами, хотя, пожалуй, слиш-ком рано. Сама девочка, очевидно, еще об этом не думает.

– Она соврала, будто записка от ее мамы, и покраснела, когда сказали, что цветы для нее. Бедняжка! Она была бы очень хороша, если бы только одевалась со вкусом. Как ты думаешь, она обидится, если мы предложим ей надеть на бал в четверг какое-нибудь из наших платьев? – спросил еще один голос.

– Она гордая, но, думаю, все же не откажется, потому что это допотопное кисейное – все, что у нее есть. Может быть, она даже порвет его сегодня, и тогда у нас будет хороший предлог предложить ей приличное платье.

– Посмотрим. Я приглашу молодого Лоренса; это будет как знак внимания к ней, а потом мы все над этим посмеемся.

Здесь появился партнер Мег и нашел ее раскрасневшейся и взволнованной. Она действительно была гордой, и гордость в этот момент оказалась как нельзя кстати, так как помогла ей скрыть унижение, гнев и отвращение к тому, что она только что услышала, ибо при всем своем просто-душии и доверчивости она не могла не понять смысл сплетен своих подружек. Она старалась забыть об услышанном, но не могла и продолжала мысленно повторять: «Мисс М. строит планы на будущее», «соврала, будто записка от ее мамы», «допотопное кисейное», пока ей не захотелось за-плакать и броситься домой, чтобы рассказать о своих го-рестях и попросить совета. Но так как это было невозможно, она сделала все, что могла, чтобы казаться веселой, и на-столько преуспела в этом, что никто даже не догадался, каких усилий это ей стоило. Она была безмерно рада, когда вечер кончился, и, лежа в тишине своей спальни, думала, Удивлялась, кипела негодованием, пока у нее не заболела голова, а слезы не остудили горячие щеки. Эти глупые, хоть и сказанные из самых лучших побуждений, слова открыли Мег новый мир, возмутив покой того старого мира, в котором она до сих пор жила счастливо как дитя. Ее невинная дружба с Лори была испорчена этими случайно Услышанными вздорными речами; ее вера в мать была несколько поколеблена мыслью о «планах», в которых по-дозревала ее миссис Моффат, судившая о других по себе; и разумная решимость удовлетвориться простым гардеро-бом, который подходит дочери небогатого человека, ослабла под воздействием ненужной жалости подруг, считавших поношенное платье одним из величайших бедствий на земле. Бедная Мег провела беспокойную ночь и встала с тя-желыми веками, несчастная, отчасти обиженная на своих подруг, а отчасти стыдящаяся самой себя за то, что не может поговорить с ними откровенно и поставить все на свои места. В это утро все лениво слонялись по комнатам и лишь к полудню нашли в себе достаточно энергии, чтобы взяться за шитье и вышивание. Что-то изменилось в манерах подруг, и это сразу поразило Мег: ей показалось, что они обращались с ней более уважительно, чем прежде, с инте-ресом относились к ее словам, а в глазах их,

устремленных на нее, явно светилось любопытство. Все это было и удивительным и лестным, хотя она не понимала причин такого поведения, пока Белла, подняв на нее взгляд от записки, которую писала, не сказала с сентиментальным видом:

– Дейзи, дорогая, я пошлю приглашение на бал в четверг твоему другу, мистеру Лоренсу. Мы хотим познакомиться с ним, и это наш маленький знак внимания к тебе.

Мег покраснела, но озорное желание поддразнить подруг заставило ее ответить с притворной скромностью:

– Вы очень добры, но, боюсь, он не приедет.

– Почему, *cherie*¹³? – спросила мисс Белла.

– Он слишком стар.

– Да что ты говоришь, детка? Сколько же ему лет, хотела бы я знать? – воскликнула мисс Клара.

– Почти семьдесят, я думаю, – ответила Мег, прилежно считая стежки, чтобы скрыть веселый огонек в глазах.

– О, какая хитрая! Мы, конечно же, имели в виду молодого человека! – воскликнула мисс Белла со смехом.

– Там нет никакого молодого человека; Лори еще со-всем мальчик. – И Мег тоже засмеялась, заметив странный взгляд, которым обменялись сестры, когда она так описала своего предполагаемого возлюбленного.

– Он примерно твоего возраста, – сказала Энни.

– Он скорее ближе по возрасту моей сестре Джо, а мне будет уже семнадцать в августе, – возразила Мег, вскинув голову.

– Очень мило с его стороны, что он посылает тебе цветы, не правда ли? – сказала Энни, неизвестно почему значительно поглядев на Мег.

– Да, он часто посылает нам всем цветы; у мистера Лоренса много цветов, а мы их очень любим. Моя мама и мистер Лоренс большие друзья, так что вполне естественно, что и мы, дети, дружим. – Мег надеялась, что больше они ничего не скажут.

– Очевидно, Маргаритка еще не развернула лепестки, – кивнув, обратилась к Белле мисс Клара.

– Совершенно пасторальная невинность со всех сторон, – отвечала мисс Белла, пожав плечами.

– Я собираюсь поехать и купить кое-какие мелочи для моих девочек. Может быть, вам тоже что-нибудь нужно? – спросила миссис Моффат, вваливаясь в комнату, словно слон, в шелках и кружевах.

– Нет, спасибо, мэм, – ответила Салли. – К четвергу я получу мое новое розовое шелковое платье, и мне ничего не нужно.

– Мне тоже, – начала Мег, но остановилась, так как ей пришло в голову, что ей действительно нужны кое-какие вещи, но что получить их она не может.

– Что ты наденешь в четверг? – спросила Салли.

– Опять то же белое платье, если смогу зачинить его так, чтобы было незаметно; оно очень порвалось вчера, – сказала Мег, стараясь говорить беззаботно, но чувствуя себя очень неловко.

– Почему ты не пошлешь домой за другим? – спросила Салли, которая была не слишком наблюдательной юной особой.

– У меня нет другого. – Мег потребовалось усилие, чтобы сказать это, но Салли ничего не заметила и воскликнула с приветливым удивлением:

– Нет другого? Как забавно... – Она не кончила фразы, так как Белла покачала головой и вмешалась, сказав очень любезно:

– Ничего удивительного. Зачем ей много платьев, если она не выезжает? Но даже если

¹³ *cherie* – дорогая (франц.)

бы у тебя была их целая дюжина, нет нужды посылать за ними домой, Дейзи, потому что у меня есть чудесное голубое шелковое платье, из которого я выросла. Может быть, ты наденешь его, дорогая?

– Ты очень добра, но меня не смущают мои старые платья, и если они не смущают вас, то вполне подходят Для девочки моего возраста, – сказала Мег.

– Сделай мне удовольствие, дай нарядить тебя по моде.

Мне так хочется нарядить тебя! Ты будешь настоящей красавицей, стоит лишь чуть-чуть кое-где подправить. Ни-кто тебя не увидит, пока ты не будешь готова, а потом мы неожиданно появимся на балу, как Золушка и ее крестная, – сказала Белла самым убедительным тоном.

Мег не могла отказаться от предложения, сделанного так сердечно, и желание увидеть, станет ли она «настоящей красавицей», если «чуть-чуть подправить», заставило ее со-гласиться и забыть обо всех своих прежних неприятных чувствах по отношению к Моффатам.

В четверг вечером Белла и ее горничная, закрывшись в одной из комнат, вдвоем превратили Мег в элегантнейшую леди. Они завили и уложили ее волосы, покрыли ее шею и руки какой-то ароматной пудрой, коснулись ее губ ко-ралловой помадой, чтобы сделать их краснее, а Гортензия добавила бы и *sourçon de rouge*¹⁴, если бы Мег решительно этому не воспротивилась. Они затянули ее в небесно-голубое платье, которое было таким тесным, что она едва могла дышать, и с таким глубоким вырезом, что скромная Мег покраснела, увидев себя в зеркале. Был прибавлен и набор серебряных украшений, браслеты, ожерелье, брошь и даже серьги, так как Гортензия сумела привязать их к ушам Мег на шелковых розовых ниточках, которые были совсем не видны. Гроздь бутонов чайной розы на груди и кружевной рюш примирили Мег с видом ее красивых белых плеч, а пара шелковых голубых башмачков на высоких каблуках удовлетворила последнее желание ее сердца. Кружевной носовой платочек, веер из перьев и букет в серебряном кольце довершили наряд, и мисс Белла обозрела ее с удов-летворением маленькой девочки, переодевшей свою куклу.

– Мадемуазель *charmante, tres jolie*¹⁵, не правда ли? – с преувеличенным восторгом воскликнула Гортензия, скла-дывая руки.

– Пойди и покажись, – сказала мисс Белла, вводя Мег в комнату, где их ожидали остальные.

И когда Мег, шелестя шелками, волоча свои длинные юбки, позвякивая серьгами, с завитыми кудрями и сильно бьющимся сердцем, прошла по комнате, она почувствовала, что для нее наконец действительно началось «веселье», так как зеркало ясно сказало ей, что она «настоящая красавица». Подруги оживленно повторяли приятные и лестные слова, и несколько минут она стояла как ворона из басни, в восторге от позаимствованных павлиньих перьев, пока остальные трещали как сороки.

– Энни, пока я одеваюсь, научи ее, как обращаться с юбкой и этими французскими каблуками, а то она спотк-нется. Клара, возьми свою серебряную бабочку и приколи к этому длинному локону слева на ее голове, и пусть никто не трогает это чудесное дело моих рук, – сказала Белла, поспешив к себе с очень довольным видом.

– Я боюсь спускаться вниз. У меня такое странное чувство: мне неловко и кажется, что я полураздета, – ска-зала Мег, обращаясь к Салли, когда зазвонил колокольчик и миссис Моффат прислала просить девиц поскорее спу-ститься вниз.

– Ты совсем на себя не похожа, но очень красивая. Рядом с тобой я выгляжу невзрачной. У Беллы бездна вкуса, и, уверяю тебя, ты кажешься совсем француженкой. Пусть цветы висят, незачем так заботиться о них, лучше последи, чтобы не споткнуться, –

¹⁴ *sourcone de rouge* – капельку румян (франц.)

¹⁵ *charmante, tres jolie* – прелестна, очень красива (франц.)

ответила Салли, стараясь не принимать близко к сердцу то обстоятельство, что Мег красивее ее.

Помня о прозвучавшем предупреждении, Маргарет благополучно спустилась по лестнице и вплыла в гостиные, где уже находились Моффаты и несколько первых гостей. Очень скоро она обнаружила, что есть в дорогой одежде некая магическая сила, которая притягивает определенного рода людей и обеспечивает их уважение. Несколько девиц, которые прежде не обращали на Мег внимания, вдруг по-чувствовали большое расположение к ней; несколько молодых людей, которые только глазели на нее во время прошлой вечеринки, теперь не только глазели, но и попросили, чтобы их представили ей, и сказали ей всевозможные глупые, но очень приятные комплименты, а несколько старых дам, которые сидели на диванах и критиковали остальное общество, с заинтересованным видом осведомились у хозяйки, кто эта юная красавица. Она слышала, как миссис Моффат ответила одной из дам:

– Дейзи Марч... отец – полковник... в армии... одно из наших первых семейств, но... превратности судьбы... вы понимаете... близкие друзья Лоренсов... прелестное создание, уверяю вас... мой Нед с ума по ней сходит.

– Боже мой! – сказала старая дама, снова поднося лорнет к глазам, чтобы обозреть Мег, которая старалась не показать своим видом, что слышала ложь миссис Моффат и шокирована ею.

Странное чувство не проходило, но она вообразила, что играет новую роль изысканной леди, и неплохо справлялась с ней, хотя из-за тесного платья у нее закололо в боку, шлейф попадал ей под ноги и она постоянно боялась, как бы ее серьги не упали и не потерялись или не разбились. Она кокетничала и смеялась над невыразительными шутками своего кавалера, пытавшегося быть остроумным, когда вдруг оборвала смех и смутилась, так как прямо напротив себя увидела Лори. Он смотрел на нее с нескрываемым удивлением и даже, как ей показалось, неодобрением, так как, хотя он поклонился и улыбнулся, что-то в его открытом, честном взгляде заставило ее покраснеть и пожалеть, что на ней не ее старое платье. И в довершение всего она увидела, что Белла чуть заметно толкнула локтем Энни и обе перевели взгляд с нее на Лори, который, как ей было приятно видеть, казался необыкновенно юным и по-мальчишески робким.

«Глупые создания, зачем они хотят заронить мне в голову такие мысли? Не буду я об этом думать и не допущу, чтобы эти мысли хоть как-то отразились на моем поведении», – подумала Мег и, шелестя шелками, пересекла комнату, чтобы обменяться рукопожатием со своим другом.

– Я рада, что ты приехал. Я боялась, что ты не при – едешь, – сказала она, принимая самый «взрослый» вид.

– Джо захотела, чтобы я приехал и потом рассказал ей, как ты выглядишь. Поэтому я приехал, – ответил Лори, не спуская с нее глаз и слегка улыбаясь ее «материнскому» тону.

– И что же ты ей скажешь? – с любопытством спросила Мег, желая узнать, что он о ней думает, но впервые испытывая неловкость в разговоре с ним.

– Скажу, что не узнал тебя, что ты выглядишь такой взрослой и так не похожа на себя, что я тебя даже боюсь, – сказал он, теребя пуговицу перчатки.

– Глупости! Девочки просто нарядили меня для смеха, и мне это, пожалуй, нравится. Разве Джо не изумилась бы, если бы увидела меня? – сказала Мег, твердо решив, что заставит его сказать, стала ли она, на его взгляд, красивее или нет.

– Да, я думаю, она изумилась бы, – сказал Лори серьезно.

– Я не нравлюсь тебе в таком виде? – спросила Мег.

– Нет, – был прямой ответ.

– Почему? – спросила она встревоженно.

Он окинул взглядом ее завитые волосы, голые плечи и причудливо украшенное платье, и выражение его лица смутило ее даже больше, чем ответ, в котором не было ни капли столь обычной для него вежливости.

– Я не люблю разодетых в пух и прах. Это было уж слишком! Услышать такое от мальчишки моложе ее! И Мег удалилась, раздраженно заявив:

– В жизни не видела мальчика грубее!

Чувствуя, что совершенно утратила присутствие духа, она пошла и остановилась в уединении возле одного из окон, чтобы охладить пылающие щеки, так как из-за тесного платья у нее был неприятно-горячий румянец. Она стояла там, когда мимо прошел майор Линкольн, и в следующую минуту она услышала, как он говорит своей матери:

– Они делают дурочку из этой девочки; я хотел, чтобы ты посмотрела на нее, но они ее совсем испортили. Сегодня она просто кукла.

«О Боже! – задыхнулась Мег. – Если бы я была благоразумнее и надела свое платье, я не внушала бы отвращения другим, и не испытывала бы этой неловкости, и не стыдилась бы за себя».

Она прижалась лбом к прохладному оконному стеклу и стояла так, почти скрытая за занавесками, не обращая внимания на то, что заиграли ее любимый вальс, пока кто-то не коснулся ее руки. Обернувшись, она увидела Лори, стоявшего перед ней с покаянным видом. С самым изысканным поклоном, протянув руку, он сказал:

– Прости меня за грубость; пойдем потанцуем.

– Боюсь, тебе это будет слишком неприятно, – сказала Мег, безуспешно пытаясь выглядеть обиженной.

– Ничуть. Уверяю тебя, мне до смерти этого хочется. Пойдем, я буду любезен. Мне не нравится твой наряд, но я думаю, что ты сама... просто прелесть. – И он помахал рукой, словно у него не хватало слов, чтобы выразить свое восхищение.

Мег улыбнулась и смягчилась и, пока они стояли, ожидая Удобного момента, чтобы начать танец, шепнула:

– Будь осторожен, не споткнись о мою юбку. Она отравляет мне существование; какая я дурочка, что надела ее.

– Заколи ее вокруг шеи – тогда от нее будет хоть какой-то прок, – посоветовал Лори, глядя вниз на маленькие голубые туфельки, которые явно вызвали его одобрение. Они легко и грациозно закружились в танце, так как прежде не раз танцевали дома и были удачной парой. Было приятно смотреть на них, счастливых и юных, когда они весело проплывали круг за кругом, чувствуя себя после маленькой размолвки еще более близкими друзьями, чем прежде.

– Лори, я хочу, чтобы ты сделал мне одно одолжение, хорошо? – сказала Мег, когда он остановился и принялся обмахивать ее веером, так как запыхалась она очень быстро, хотя ни за что не призналась бы почему.

– С удовольствием! – с живостью отозвался Лори.

– Пожалуйста, не говори дома о моем сегодняшнем наряде. Они не поймут, что это шутка, и мама будет беспокоиться.

«Тогда зачем ты это сделала?» – сказали ей глаза Лори так выразительно, что Мег торопливо добавила:

– Я расскажу им об этом сама и признаюсь маме, как была глупа. Но я хотела бы сделать это сама; ты не говори, хорошо?

– Даю тебе слово, что не скажу; только что мне отве – тить, когда они спросят о тебе?

– Скажи просто, что я выглядела хорошо и весело проводила время.

– Первое я скажу с чистой совестью, но как насчет второго? По тебе не скажешь, что ты весело проводишь время. Это так? – И Лори взглянул на нее с выражением, которое заставило ее ответить шепотом:

– Сейчас мне невесело... Не думай, что я такая отвратительная. Я просто хотела немного развлечься, но теперь нахожу, что от такой забавы мало радости, и я от нее устала.

– Зачем сюда идет Нед Моффат? Что ему нужно? – сказал Лори, сдвинув свои черные брови, как будто не считал молодого хозяина приятным дополнением к балу.

– Он записался на три танца и, как полагаю, теперь явился за ними. Какая тоска! –

сказала Мег, напуская на себя томный вид, который невероятно позабавил Лори.

Он не говорил с ней до ужина, пока не увидел, как она пьет шампанское с Недом и его другом, Фишером, которые вели себя «точно пара идиотов», как сказал сам себе Лори, чувствовавший за собой право брата следить за дочками миссис Марч и вступать в бой всякий раз, когда им тре-бовался защитник.

– Завтра у тебя будет трещать голова, Мег, если ты много выпьешь. На твоём месте я не стал бы этого делать, Мег. Твоей маме это не понравится, ты же знаешь, – шепнул он, склонившись над её стулом, когда Нед отвернулся, чтобы наполнить её бокал, а Фишер нагнулся, чтобы поднять её веер.

– Сегодня я не Мег, я – «кукла», которая совершает всевозможные безумства. Завтра я отброшу свои «пух и прах» и опять сделаюсь отчаянно хорошей, – отвечала она с принужденным смехом.

– Хорошо бы завтра наступило уже сейчас, – пробормотал Лори и отошел, недовольный переменой, какую уви-дел в ней.

Мег танцевала и кокетничала, болтала и хихикала, как все остальные девушки; после ужина она заговорила по-не-мецки, с ужасными ошибками, чуть не опрокинула своей длинной юбкой сопровождавшего её кавалера и шумела так, что исполненному возмущения Лори захотелось прочесть ей нотацию. Но ему не представилось удобного случая, так как Мег старалась держаться подальше от него, пока он не подошел, чтобы попрощаться.

– Не забудь! – сказала она, слабо пытаясь улыбнуть-ся, так как голова действительно уже начинала трещать.

– Silence a la mort!¹⁶ – отвечал Лори с мелодраматическим жестом, уходя.

Эта небольшая сценка возбудила любопытство Энни, но Мег была слишком утомлена, чтобы сплетничать, и пошла спать с таким чувством, словно была на маскараде, но получила гораздо меньше удовольствия, чем ожидала. Весь следующий день она была больна, а в субботу поехала домой, совершенно измученная двухнедельным «весельем» и чувствуя, что срок её пребывания в «окружении роскоши» был вполне достаточным.

– Как приятно, когда можно быть спокойной и не нужно все время держаться как в гостях. Наш дом про-сто замечательный, хоть и не великолепный, – сказала Мег, глядя вокруг с умиротворенным выражением, когда в воскресенье вечером села у камина вместе с матерью и Джо.

– Рада это слышать, дорогая. Я боялась, что по воз-вращении наш дом покажется тебе скучным и бедным, – ответила мать, которая не раз с беспокойством обращала на неё взгляд в этот день, ибо материнские глаза быстро замечают любую перемену в лицах детей.

Мег весело рассказывала о своих приключениях, сновал и снова повторяя, что замечательно провела время, но что-то, казалось, тяготило её, и, когда младшие сестры ушли спать; она осталась сидеть, задумчиво глядя в огонь, говорила мало, и вид у неё был встревоженный. Когда часы пробили девять и Джо предложила пойти спать, Мег встала со стула и, присев на табурет Бесс, оперлась локтями о колено матери и сказала решительно:

– Мама, я хочу признаться.

– Я так и подумала; в чем, дорогая?

– Мне уйти? – спросила Джо сдержанно.

– Конечно нет. Разве я не рассказываю тебе все и всегда? Мне было стыдно говорить об этом в присутствии младших, но я хочу, чтобы вы знали обо всем отвратитель-ном, что я делала в доме Моффатов.

– Мы готовы, – сказала миссис Марч, улыбаясь, но глядя на неё с некоторой тревогой, – рассказывай.

– Я говорила вам, что они нарядили меня, но не сказала, что они напудрили, затянули и завили меня, так что я выглядела как модная картинка. Лори думает, что это было

¹⁶ silence a la mort! – молчание до смерти (франц.)

неприлично. Я знаю, что он так думает, хотя и не сказал этого вслух, а один из гостей в разговоре со своей матерью назвал меня куклой. Я знаю, что это было глупо, но они льстили мне, говорили, что я красавица и кучу других глупостей, и я позволила им выставить меня такой душой.

– И это все? – спросила Джо, а миссис Марч молча вглядывалась в красивое и удрученное лицо Мег; в глубине души она не находила ее маленькие безрассудства заслу-живающими сурового осуждения.

– Нет, еще я пила шампанское, шумела и пыталась кокетничать, и все это вместе было отвратительно, – сказала Мег с раскаянием.

– Есть еще что-то, мне кажется. – И миссис Марч по-гладила нежную щеку, которая вдруг покрылась румянцем, когда Мег ответила медленно:

– Да. Это очень глупо, но я хочу рассказать, потому что мне неприятно, что люди говорят такое о нас и Лори.

И она пересказала те обрывки сплетен, которые подслушала у Моффатов; и, пока она говорила, Джо видела, как мать плотно сжимает губы, раздосадованная тем, что подобные идеи попали в невинный ум Мег.

– Да это величайшая чушь, какую я только слышала! – раздраженно воскликнула Джо. – Почему ты не выскочила и не заявила им это прямо на месте?

– Я не могла, я была в таком замешательстве. Я не могла не слушать сначала, а потом я была так сердита и пристыжена и забыла, что мне следует уйти и не слушать.

– Подожди, вот увижу Энни Моффат и покажу тебе, как надо действовать в таких случаях. Что за нелепость думать, будто у нас «планы» и что мы хорошо относимся к Лори, потому что он богат и потом может на нас жениться! Вот увидишь, как он возмутится, когда я скажу ему, какие глупости болтают о нас, бедных детях! – И Джо засмеялась, как будто по размышлении все это показалось ей хорошей шуткой.

– Если ты скажешь Лори хоть слово, я тебе этого не прощу! Она не должна этого делать, правда, мама? – сказала Мег со страдальческим видом.

– Никогда не повторяй этих глупых сплетен и забудь о них как можно скорее, – сказала миссис Марч серьезно. – Это было очень неблагоразумно позволить тебе отправиться к людям, о которых я так мало знаю, – добрым, я признаю, но суетным, плохо воспитанным и с такими пошлыми представлениями об отношениях между молодыми людьми. Мне невыразимо жаль, Мег, что этот визит мог причинить тебе такой вред.

– Не огорчайся, мама, я не допущу, чтобы все это повредило мне. Я забуду о плохом и буду помнить только о хорошем, так как я все же получила немалое удовольствие и очень благодарна за то, что ты отпустила меня. Я не стану сентиментальной или недовольной жизнью после этого визита. Я знаю, что я еще просто глупая девочка, и я останусь с тобой, пока не буду способна сама позаботиться о себе... Но это так приятно, когда тебя хвалят и тобой восхищаются, и я не могу сказать, что мне это не нравится, – заключила Мег, испытывая некоторый стыд при этом признании.

– Хотеть нравиться другим – совершенно естественное и вполне невинное желание, если только оно не становится всепоглощающим и не ведет человека к глупым или нескромным поступкам. Учитесь узнавать и ценить похвалу, которая заслуживает того, чтобы ее получить, и вызывайте восхищение хороших людей тем, что вы настолько же скромны, насколько и красивы.

Маргарет с минуту сидела в задумчивости, а Джо стояла рядом, заложив руки за спину, с заинтересованным и не-много растерянным видом, так как для нее было совершенно непривычным видеть, как Мег краснеет и говорит о восхищении, поклонниках и прочих тому подобных вещах, и у Джо возникло такое чувство, словно за эти две недели сестра удивительно повзрослела и шагнула в новый мир, куда она, Джо, не могла последовать за ней.

– Мама, а у тебя есть «планы», как выразилась миссис Моффат? – спросила Мег смущенно.

– Да, дорогая, и много; у всех матерей они есть, но я подозреваю, что мои планы несколько отличаются от тех, какие строит миссис Моффат. Я расскажу тебе о некоторых из них, ибо пришло время, когда искреннее слово может направить на верный путь твой романтический ум и сердце в том, что касается очень серьезного предмета. Ты молода, Мег, но не настолько, чтобы не понять меня, а уста матери лучше других подходят для того, что поговорить о таких вещах с девочками. Джо, и твой черед, вероятно, придет со временем, так что узнай и ты о моих «планах» и помоги мне претворить их в жизнь, если они хороши.

Джо подошла и присела на ручку кресла с таким видом, словно думала, что им предстоит объединить усилия в ка-ком-то очень серьезном деле. Взяв каждую из дочерей за руку и задумчиво глядя в юные лица, миссис Марч сказала серьезно, но вместе с тем радостно:

– Я хочу, чтобы мои дочери были красивыми, образованными и добрыми, чтобы ими восхищались, чтобы их любили и уважали, чтобы у них была счастливая юность, чтобы они хорошо и разумно вышли замуж и вели полезную и приятную жизнь с теми маленькими горестями и заботами, какие Бог сочтет нужным послать им. Быть любимой хорошим мужчиной и стать его избранницей – са-мое лучшее и самое приятное, что может произойти в жизни женщины, и я искренне надеюсь, что мои девочки узнают это счастье. Естественно думать об этом, Мег, уместно надеяться и ждать этого и разумно готовиться к этому, с тем чтобы, когда придет это прекрасное время, вы могли чувствовать себя готовыми к новым обязанностям и достойными ожидающей вас радости. Дорогие мои девочки, я мечтаю о счастье для вас, но не хочу, чтобы вы безрассудно бросались в мир из родительского дома – выходили замуж за богатых людей только потому, что они богаты, или имели прекрасные дома, ни один из которых не назовешь родным домом, ибо нет в них любви. День-ги – необходимая и ценная вещь и, когда их правильно используют, могут служить благородной цели, но я не хочу, чтобы вы думали, будто это главное и единственное благо, к которому нужно стремиться. Я предпочла бы увидеть вас женами бедных мужей, если только вы будете счастливы, любимы, довольны, чем королевами на тронах, но лишенными самоуважения и душевного покоя.

– У бедных девушек нет никаких шансов на успех, говорит Белла, если только они не стараются привлечь к себе внимание, – вздохнула Мег.

– Тогда мы останемся старыми девами, – сказала Джо твердо.

– Правильно, Джо; лучше быть счастливыми старыми девами, чем несчастными женами или нескромными девицами, бегающими в поисках мужей, – сказала миссис Марч решительно. – Не волнуйся, Мег, бедность редко пугает искренне влюбленного. Некоторые из лучших и глубоко уважаемых всеми женщин, каких я знаю, были бедными девушками, но столь достойными любви, что им не позволили остаться старыми девами. Предоставьте все времени. Делайте счастливым этот дом, так чтобы вы были готовы заняться потом своими собственными, если их вам предложат, или будьте довольны этим домом, если других вам не предложат. Помните одно, девочки мои, мать всегда готова быть вашей наперсницей, а отец – другом, и оба мы верим в вас и надеемся, что наши дочери, замужние или нет, будут гордостью и утешением нашей жизни.

– Мы будем, мама, будем! – воскликнули обе от всего сердца, и мать пожелала им спокойной ночи.

Глава 10

Пиквикский клуб

Весна вступала в свои права, и вместе с ней, как всегда, появлялись новые занятия и новые радости, а становившиеся все длиннее дни предоставляли больше времени для разнообразной работы и развлечений. Нужно было привести в порядок сад, где каждая из сестер имела свой участок – «садик», в котором ей была предоставлена полная свобода сажать что вздумается. Ханна часто говорила: «Я могла бы угадать, чей это садик, даже если

б его в Китай пере-несли», и это не было преувеличением, так как садоводческие вкусы девочек разнились между собой не меньше, чем их характеры. В садике Мег росли розы, гелиотропы, мирт и померанцевое деревце. Участок Джо преображался каждый год, так как она любила нововведения. В этом году ему предстояло стать плантацией подсолнечника; семена этого радостного, горделиво стремящегося ввысь растения пред-назначались для тетушки Ко-ко и ее веселой семейки цып-лят. Бесс выращивала старомодные ароматные цветы: душистый горошек, резеду, дельфиниум, гвоздики, анютины глазки и кустарниковую полынь, а также курослеп для канарейки и кошачью мяту для кошек. На участке Эми располагалась беседка, довольно маленькая, но очень кра-сивая, обсаженная жимолостью и вся увитая ползучими растениями, сплетавшими свои зеленые усики и пурпурные колокольчики в изящные веночки; рядом росли высокие белые лилии, нежные папоротники и все яркие, живописные растения, какие только соглашались цвести там.

В погожие дни девочки работали в саду, гуляли, катались на лодке по реке и собирали цветы, а для дождливых дней были у них домашние развлечения – старые и новые – все более или менее оригинальные. Одним из них был «П. к.». В моде были всевозможные тайные общества, а потому считалось совершенно необходимым иметь таковое, и так как все девочки восхищались Диккенсом, то называли себя Пиквикским клубом¹⁷. Целый год, лишь с небольшими переры-вами, они поддерживали его существование и каждым суб-ботним вечером собирались в большом помещении на чер-даке. Церемонии по сему случаю состояли в следующем. Три стула ставились в ряд перед столом, который украшали лампа, четыре эмблемы из белой бумаги, с изображенными на них цветными карандашами большими буквами «П. к.», и яркая и содержательная еженедельная газета «Пиквикский листок», сотрудниками которой являлись все сестры, а ре-дактором была Джо, отличавшаяся особой любовью к перу и чернилам. В семь часов все четверо поднимались в комнату клуба, привязывали свои эмблемы лентами на головы и с большой торжественностью занимали места за столом. Мег, как самая старшая, была Сэмюэлом Пиквиком; Джо, обла-давшая литературными склонностями, – Огастесом Снодграссом; Бесс, так как была пухлой и румяной, – Треси Тапменом, а Эми, вечно пытавшаяся делать то, чего не умела, – Натэниелом Уинклем. Пиквик, президент клуба, читал вслух газету, которая была заполнена рассказами и стихами их собственного сочинения, домашними новостями, объявлениями и рекомендациями, в которых они добродуш-но подшучивали над ошибками и недостатками друг друга. И вот в один из таких вечеров мистер Пиквик водрузил на нос очки без стекол, слегка побарабанил пальцами по столу, откашлялся и сурово уставился на мистера Снод-грасса, покачивавшегося на задних ножках стула, подождал, пока тот не сядет как следует, и начал читать:

«Пиквикский листок»

20 мая 1861 г.

Уголок поэта

ЮБИЛЕЙНАЯ ОДА

Еще один промчался год,
И новый юбилей
На праздник радостный зовет

¹⁷ Пиквикский клуб – в основу игры положен сюжет романа Ч. Диккенса «Посмертные записки Пиквикского клуба». Самюэл Пиквик, Огастес Снодграсс, Тресси Тапмен, Натаниэл Уинкль – герои романа, члены клуба. Сэм Уэллер – остроумный и находчивый слуга мистера Пиквика

Веселый круг друзей.

Здоров и бодр любой из нас,
На месте каждый друг –
Улыбки, блеск знакомых глаз,
Пожатья крепких рук.

Почтенный Пиквик не потух,
И, как всегда, в очках
Газету нам читает вслух
Он с огоньком в глазах.

Простужен он, но не беда!
Ведь даже хрипота
Не скроет мудрость никогда,
Коль льют ее уста.

Вот с грацией слона Снодграсс!
Высок и смугл – как есть.
Улыбкой озаряет нас
И отдает нам честь.

Святой поэзии огонь
Зажег его глаза.
Но, гордость, ты чела не тронь!
Не разразись, гроза!

Покой, и мир, и благодать
Наш Тапмен нам несет,
Но рад всегда похохотать,
Коль каламбур найдет.

Уинкль наш задает ban ton¹⁸.
Уж он-то знает свет!
Блюсти приличья любит он,
А умываться – нет.

Мы все и шутим и поем,
Наш славный клуб цветет.
Шагаем творчества путем,
Что к славе нас ведет.

Пусть льют грядущие года
Благословений ток
На плод совместного труда –
На «Пиквикский листок».

О. Снодграсс

¹⁸ bon ton – хорошие манеры (франц.)

* * *

СВАДЬБА-МАСКАРАД (Венецианская история)

Гондола за гондолой устремлялись к мраморным ступеням великолепного дворца графа де Аделона, чтобы пополнить своим прекрасным, очаровательным грузом блестящую толпу, собравшуюся на маскарад. Рыцари и дамы, пажы и карлики, монахи и цветочницы – все кружились в веселом танце. Благозвучные голоса и пленительные мелодии наполняли воздух, и так, с весельем и музыкой, маскарад продолжался.

«Ваше высочество, видели ли вы сегодня леди Виолу?» – спросил галантный трубадур у королевы фей, которая медленной проплывала по залу под руку с ним. «О да. Как она прелестна, хоть и так печальна! И платье у нее подобрано с большим вкусом. Через неделю она венчается с графом Антонио, которого терпеть не может».

«Клянусь честью, я завидую ему. Смотрите, вот он, в наряде жениха, если, конечно, не считать черной маски. Когда он снимет ее, мы увидим, каким взором смотрит он на красавицу, сердце которой не может покорить, хотя ее суровый отец и отдает ему ее руку-», – отвечал трубадур.

«Ходят слухи, что она влюблена в молодого английского художника, который следует за ней повсюду, но к которому старый граф относится с презрением», – добавила дама, когда они присоединились к танцующим.

Веселье было в полном разгаре, когда вдруг появился свя-щенник. Он отвел одну юную пару в альков с занавесом из пурпурного бархата и велел им опуститься на колени. В веселой толпе мгновенно воцарилось молчание, и ни один звук, кроме журчания фонтанов и шелеста деревьев в дремлющих под сиянием луны апельсиновых рощах, не нарушал тишины, когда граф де Аделон заговорил:

«Дамы и господа, простите мне маленькую уловку, которой я воспользовался, чтобы собрать вас здесь на свадьбу моей дочери. Начинайте, святой отец, мы ждем».

Все глаза устремились на юную пару в алькове, и чуть слышный шепот недоумения пробежал по толпе, так как ни жених, ни невеста не сняли масок. Все сердца забились от любопытства и удивления, но почтение сковывало все языки, пока длились святыи обряды. Затем нетерпеливые зрители столпились вокруг графа, требуя объяснений.

«Я охотно дал бы их, если б мог, но я знаю лишь то, что это прихоть моей застенчивой Виолы, которой я уступил. Теперь, дети мои, игра окончена. Снимите маски и дайте мне благословить вас».

Но новобрачные не преклонили колен. Они сняли маски, и присутствующие вздрогнули, увидев благородное лицо Фердинанда Деверье, художника-любителя, на груди которого теперь сияла звезда английского графа, и черты прелестной Виолы, сияющей радостью и красотой. Фердинанд Деверье обратился к графу де Аделону:

«Милорд, вы с презрением заявили мне, что отдадите мне руку вашей дочери, лишь когда я смогу похвастаться столь же знатным именем и столь же большим состоянием, как у графа Антонио. Я могу предложить вам большее: даже ваша честлю-бивая душа не сможет отказать графу Деверье Де Вер, который дает имя своего старинного рода и несметные богатства в обмен на руку этой прекрасной и горячо любимой леди, отныне моей супруги».

Старый граф стоял словно окаменев, а Фердинанд, обернувшись к растерянной толпе, добавил с веселой и торжествующей улыбкой:

«вам, мои любезные друзья, я могу только пожелать, чтобы ваше сватовство закончилось так же счастливо, как мое, и чтобы все вы могли получить руку такой же прекрасной невесты, какой добился я благодаря этой свадьбе-маскарад.»

С. Пиквик.

* * *

Чем Пиквикский клуб напоминает вавилонское столпотворение? – Тем, что здесь полно болтливых членов.

* * *

ИСТОРИЯ ТЫКВЫ

Жил да был один фермер, и посадил он в своем огороде маленькое семечко. Прошло время, семечко проросло и стало льющимся стеблем, на котором выросло много тыкв. В один из дней октября, когда они созрели, снял он одну и повез на рынок. Там ее купил зеленик и выставил в витрине своей лавки. В то же самое утро маленькая девочка в синем платье и коричневой шляпке, круглолицая и курносая, пошла и купила ее для своей мамы. Притащила она тыкву домой, нарезала и сварила в большой кастрюле. Потом она размяла половину и приготовила к обеду пюре с маслом и солью, а в остальное добавила пинту молока, два яйца, четыре ложки сахара, немного мускатных орехов и сухого печенья, положила все это в глубокий сотейник и пекла пока кушанье не стало румяным и красивым. А на следующий день было оно съедено семейством по фамилии Марч.

Т. Тапмен

Мистер Пиквик!

Сэр, я обращаюсь к вам по вопросу о грехах грешник которого я имею в виду человек по имени Уинкль который вносит беспокойство в заседания клуба тем что смеется и иногда не вносит свой вклад в эту прекрасную газету я надеюсь вы простите ему его ужасные недостатки и позволите в следующий раз прислать французскую басню потому что он сам ничего не может придумать и у него много уроков и мало фантазии в будущем я постараюсь найти время чтобы написать что-нибудь что будет вполне comu la fo¹⁹ то есть подходяще а сейчас некогда потому что пора заниматься.

С почтением Н. Уинкль

Вышеприведенное письмо – мужественное и благородное раскаяние в мелких преступлениях прошлого. Если бы наш юный друг вдобавок изучил пунктуацию, это было бы весьма похвально.

* * *

ПРИСКОРБНОЕ ПРОИСШЕСТВИЕ

В минувшую пятницу мы вздрогнули от раздавшегося в нашем подвале оглушительного грохота, за коим последовали страдальческие крики. В полном составе мы ринулись в подвал и узрели нашего любимого президента, распростертого на полу. Выяснилось, что он резво сбежал в подвал за дровами для домашних нужд и упал с лестницы. Нашим глазам предстала потрясающая картина, ибо при падении мистер Пиквик нырнул головой и плечами в лохань с водой, опрокинул бочонок жидкого мыла на свою благородную и мужественную особу и изрядно порвал свои одежды. По вызволении нашего друга и президента из оной опасной ситуации было обнаружено, что он не получил иных телесных повреждений, кроме нескольких синяков, и мы счастливы сообщить, что в

¹⁹ comu la fo – правильно: comme il faut – приличный, порядочный (франц.)

настоящее время он находится в добром здравии.

Ред.

* * *

ТЯЖКАЯ УТРАТА

Наш печальный долг сообщить о неожиданном и таинственном исчезновении нашего нежно любимого друга – миссис Снежинки Ласковой Лапки. Эта милая и прелестная кошка была предметом восхищения большого круга горячих и преданных друзей. Ее красота привлекала все взоры, ее изящество и добродетели пленяли все сердца, и эта утрата глубоко ощущается всем обществом.

В последний раз ее видели, когда она сидела у калитки, глядя на тележку мясника. Есть подозрения, что она была подло похищена каким-то негодяем, соблазнившимся ее красотой. Прошло несколько недель, но нигде не было обнаружено никаких следов нашей красавицы, и ныне мы оставляем всякую надежду когда-либо увидеть ее снова. Мы привязываем черную ленточку на корзинчик ночки, где она спала, переворачиваем вверх дном ее блюдечко и оплакиваем ее как потерянную для нас навсегда.

Сочувствующий друг прислал нам следующий шедевр.

ЭЛЕГИЯ

памяти миссис С. Ласковой Лапки

Судьба ее нам неизвестна,
Навек от нас ее взял рок.
О, как она была прелестна,
Когда играла в свой клубок.

Ее младенец под дубами
Нашел последний свой приют.
К ее ж могиле со слезами
Друзья, горюя, не придут.

Ее клубок и миска паздны,
Постель холодная пуста,
Не слышно «мур-мур-мур» прекрасной,
Не видно пышного хвоста.

Другая кошка ловит мышек,
Тех, что твоими быть должны,
Но грации и страсти вспышек
Ее движенья лишены.

И где мятежная в ней сила,
Что нас в тебе пленяла так? –
Нет, ты пощады не просила,
А смело прочь гнала собак.

Тебе, наш друг, нет равной в мире,
И, горько плача и любя,

Мы на прекрасной звучной лире
Век будем прославлять тебя.

О. С.

* * *

ОБЪЯВЛЕНИЯ

В следующую субботу, по завершении заседания клуба, в Пиквикском зале состоится лекция знаменитой мисс Оранти Благидж на тему «Женщина и ее положение в обществе».

Еженедельный урок кулинарии проводит в Кухонном зале Ханна Браун. Приглашаются все желающие.

Члены Общества любителей мусорных совков собираются в следующую среду и парадным строем проходят на верхний этаж здания клуба. Всем быть в униформе и нести на плечах ивабры и совки.

На следующей неделе миссис Бесс Баунсер собирается предложить публике новый ассортимент кукольных шляп. Ожидаются последние парижские модели. Заказы принимаются.

В ближайшие недели в Амбарвильском театре состоится премьера пьесы, которой предстоит затмить все, что когда-либо появлялось на американской сцене. Название этой захватывающей драмы – «Греческий невольник, или Константин-мститель»!!!

* * *

РЕКОМЕНДАЦИИ

Если С. П. не будет изводить столько мыла на свои руки, прекратятся его вечные опоздания к завтраку. Убедительно просим О. С. не свистеть на улице. Т. Т., просим вас не забыть подрубить салфетку для Эми. Н. У. должен быть благодарен судьбе за то, что его платье не подвернуто девять раз, как у Мэри Паркс.

Сводка успехов за неделю:

Мег – хорошо.

Джо – плохо.

Бесс – очень хорошо.

Эми – удовлетворительно.

Когда президент завершил чтение «Пиквикского листка» (который, как я прошу позволения заверить моих читателей, является bona fide²⁰ копией газеты, написанной однажды bona fide девочками), раздалась бурные аплодисменты. За-тем мистер Снодграсс поднялся, чтобы внести предложение.

– Господин президент! Господа! – начал он важно, принимая парламентскую позу. – Я хочу предложить вам принять в наш клуб нового члена – человека, который вполне заслуживает этой высокой чести и будет глубоко благодарен за нее. Он несомненно внесет новый дух в деятельность клуба, будет в огромной степени способствовать оживлению наших заседаний и преумножению лите-ратурных достоинств нашей газеты и, вообще, будет беско-нечно веселым и милым. Я предлагаю избрать мистера Теодора Лоренса почетным

²⁰ bona fide – настоящая (франц.)

членом П. к. Ну, давайте, бы-стро, принимаем!

Неожиданная перемена в тоне Джо вызвала общий смех, но девочки, казалось, были несколько обеспокоены, и, когда Снодграсс опустил на свое место, никто не сказал ни слова.

– Поставим этот вопрос на голосование, – сказал пре-зидент. – Всех, кто за это предложение, прошу сказать «да».

Громкому восклицанию Снодграсса вторило, ко всеоб-щему удивлению, робкое согласие Бесс.

– Те, кто против, пусть скажут «нет». Против были Мег и Эми. Мистер Уинкль поднялся, чтобы заявить с чарующим изяществом в манерах:

– Нам не нужно никаких мальчишек, они только на-смеются и озорничают. Это дамский клуб, и мы желаем, чтобы он был закрытым и чтобы все было пристойно.

– Я боюсь, что он будет смеяться над нашей газетой и дразнить нас потом, – заметил Пиквик, теребя маленький локон на лбу, как он всегда делал, когда был в нерешительности.

И тогда снова поднялся Снодграсс и сказал со всей серьезностью:

– Сэр, я даю вам слово джентльмена, что ничего по-добного Лори делать не будет. Он сам любит писать; со-трудничество с ним придаст новый тон нашему творчеству и поможет удержаться от сентиментальности, разве вы не понимаете? И потом, мы так мало можем сделать для него, а он делает для нас так много. Поэтому я считаю, что нам следует предложить ему место среди нас и оказать госте-приимство, когда он придет.

Этот искусный намек на оказанные благодеяния заставил мистера Тапмена подняться с видом человека, принявшего окончательное решение:

– Да, мы должны так поступить, хоть и боимся. Я согласна, чтобы он пришел, и его дедушка тоже, если за-хочет.

Этот неожиданный порыв Бесс наэлектризовал аудито-рию, а Джо поднялась со своего места, чтобы с благодар-ностью пожать ей руку.

– Теперь голосуйте еще раз. Все помнят, что это наш Лори, и говорят «да»! – воскликнул Снодграсс возбуж-денно.

– Да! Да! Да! – ответили одновременно три голоса.

– Отлично! Молодцы! А теперь позвольте мне, не теряя времени, представить вам нового члена клуба. – И к ужасу присутствующих, Джо распахнула дверцу стенного шкафа, где на мешке с лоскутами сидел Лори, с озорно поблескивающими глазами и весь красный от сдавленного смеха.

– О, коварная! Изменница! Джо, как ты могла? – закричали девочки, когда Снодграсс с триумфом подвел своего друга к столу и, обеспечив ему и стул и эмблему, в один миг сделал его полноправным членом клуба.

– Дерзость этих двух плутов прямо-таки поразитель-на, – начал мистер Пиквик, пытаясь изобразить ужасное недовольство, хотя лицо его невольно расплылось в при-ветливой улыбке.

Однако новый член клуба оказался на высоте положения. Поднявшись со своего места, он отвесил благодарный поклон в сторону президента и сказал с самым очаровательным видом:

– Господин президент и дамы... прошу прощения, гос-пода! Позвольте мне представиться – Сэм Уэллер, сми-реннейший слуга этого клуба.

– Отлично! Отлично! – воскликнула Джо, аккомпа-нируя себе стуком старой металлической грелки.

– Моего верного друга и благородного покровителя, – продолжил Лори, указав рукой в ее сторону, – представив-шего меня вам в столь лестных выражениях, не следует винить за имевшую место маленькую военную хитрость. Это была моя идея, а он лишь согласился на мой план после продолжительных уговоров и поддразнивания.

– Перестань, не бери всю вину на себя. Ты же знаешь, это я придумала насчет шкафа, – вмешался Снодграсс, ко-торому вся проделка доставила огромное удовольствие.

– Не обращайтесь внимания на его слова, – сказал новый член с картинным, чисто уэллеровским поклоном в сторону мистера Пиквика. – Но, честное слово, я никогда больше не сделаю ничего подобного и впредь посвящу все свои силы интересам этого бессмертного клуба.

– Правильно! Правильно! – воскликнула Джо, ударяя крышкой о грелку, словно это были литавры.

– Продолжай, продолжай! – добавили Уинкль и Тап-мен, а президент благосклонно кивнул.

– Я хочу лишь добавить, что в виде благодарности за оказанную мне честь и в качестве средства развития дру-жеских отношений между нациями, проживающими в гра-ничащих между собой государствах, я открыл новое почтовое заведение. Оно находится в живой ограде, в нижней части сада. Это прекрасное просторное помещение с висячим зам-ком на дверях и всевозможными удобствами. Прежде оно служило скворечником, но я заткнул отверстие и превратил крышу в дверь, так что оно вполне может быть использовано для почтовых отпра-вок, что позволит нам сохранить наше драгоценное время. Там можно будет оставлять пись-ма, рукописи, книги и посылки, а так как у каждой нации будет ключ, я думаю, все пойдет как нельзя лучше. По-звольте мне вручить вам ключ и с глубокой признательно-стью за оказанную мне честь занять мое место.

Мистер Уэллер положил на стол маленький ключ и сел. Раздались оглушительные аплодисменты, грелка неистово застучала, и потребовалось некоторое время, чтобы восста-новить порядок. Последовала продолжительная общая дис-куссия, в которой каждый из членов старался проявить себя с самой лучшей стороны, и в результате заседание оказалось необычайно оживленным и перерыв не объявлял-ся до позднего вечера, когда оно наконец завершилось прон-зительным троекратным «ура» в честь нового члена. Никому никогда не пришлось пожалеть о приеме Сэма Уэллера, ибо более преданного, благовоспитанного и веселого члена не могло быть ни в одном клубе. Он действительно внес новый «дух» в собрания и новый «тон» в газету, так как, слушая его речи, члены клуба корчились от смеха, а пред-ставленные им в газету произведения были великолепны – патриотические, классические, юмористические или драма-тические, но никогда не сентиментальные. Джо находила их ничуть не хуже творений Бэкона, Мильтона и Шекспира и, подражая ему, переделывала свои с неплохим, как ей казалось, результатом.

Почта в живой изгороди оказалась великолепным изо-бретением и процветала. Через нее проходило почти столько же забавных писем и посылок, сколько и через настоящее почтовое заведение. Трагедии и галстуки, стихи и соленья, длинные письма и семена цветов, ноты и имбирные пряники, ластики и приглашения, упреки и игрушки. Эта игра по-нравилась и старому мистеру Лоренсу, и он принимал в ней участие, посылая забавные подарки, таинственные по-слания и смешные телеграммы, а его садовник, сраженный прелестями Ханны, даже отправил однажды через Джо настоящее любовное письмо. Как смеялись они, когда секрет был раскрыт! Тогда они даже не предполагали, сколько любовных писем будет проходить через их почтовый ящик в предстоящие годы!

Глава 11

Новый опыт

– Первое июня! Завтра Кинги уезжают на море – и я свободна. Впереди три месяца каникул! – воскликнула Мег, вернувшись домой в один из жарких дней и обнаружив, что Джо лежит на диване в состоянии необычного изнемо-жения и Бесс снимает с нее пыльные ботинки, а Эми занята приготовлением лимонада для поддержания сил всей ком-пании.

– Тетя Марч уехала сегодня, чему – о! – возрадуем-ся! – сказала Джо. – Я смертельно боялась, что она по-просит меня поехать с ней; ведь в таком случае мне, вероятно, пришлось бы согласиться из чувства долга, а в Пламфилде, вы же знаете, не веселее, чем на кладбище, и я предпочла бы, чтобы меня избавили от такого удовольствия. Сегодня с утра мы собирали

ее в дорогу, и была такая суматоха. Я так спешила поскорее покончить со сборами, что была на редкость усердной и любезной, но боялась, вдруг я так ей понравлюсь, что она не захочет со мной расстаться. Я ужасно пугалась каждый раз, когда она обращалась ко мне, и дрожала, пока она не уселась в экипаж окончательно. Но когда он тронулся, тетя все-таки высунула голову и сказала: «Джозефина, ты не?..» Меня охватил ужас, я отвернулась и позорно бежала. Я действительно побежала бегом и юркнула за угол и только там почувствовала себя в безопасности.

– Бедная Джо! Она влетела в переднюю так, словно за ней гнались, – сказала Бесс, прижимая к груди стопы сестры с материнской нежностью.

– Тетя Марч – сущий *сампфир*, правда? – заметила Эми, пробуя свой напиток с критическим выражением лица.

– Она имела в виду «вампира», а не «сапфир», но это неважно. Слишком жарко, чтобы тщательно подбирать выражения, – пробормотала Джо.

– А что вы будете делать на каникулах? – спросила Эми, тактично меняя тему разговора.

– Я буду подолгу нежиться в постели по утрам и ничего не делать, – отвечала Мег из глубин кресла-качалки. – Всю зиму мне приходилось рано вставать и проводить все дни, работая на других, так что теперь я собираюсь отдыхать и наслаждаться покоем сколько душе угодно.

– Нет, – сказала Джо, – мне этот дремотный способ отдыха не подошел бы. Я уже отложила целую кучу книжек и собираюсь воспользоваться дарованной мне свободой, что-бы предаваться чтению на моем любимом суку старой яблони и еще чтобы скакать...

– Не говори «козлом»! – взмолилась Эми, в отместку за исправление «сампфира».

– Хорошо, я скажу «скакать ланью», вместе с Лори.

– Давай мы тоже не будем учить никаких уроков, Бесс, только играть все время и отдыхать, – предложила Эми.

– Я согласна, если мама не будет против. Я хочу разучить несколько новых песен, а моим детям нужно сшить что-нибудь новенькое к лету, они ужасно пообносились.

– Ты позволишь, мама? – спросила Мег, оборачиваясь к миссис Марч, которая сидела с шитьем на своем обычном месте, которое все они называли «мамин угол».

– Да, проведите опыт в течение недели и посмотрите, как вам понравится такая жизнь. Мне кажется, что к следующей субботе вы обнаружите, что одни развлечения без работы ничуть не лучше, чем одна работа без развлечений.

– О, нет, нет! Это будет замечательно, я уверена, – сказала Мег с удовлетворением.

– Я предлагаю тост, как говорит мой «друг и компаньон, Сара Гэмп»²¹: век веселиться, не корпеть! – подняв стакан, воскликнула Джо, когда лимонад пошел по кругу.

Они радостно выпили и начали свой опыт с того, что провели в праздности весь остаток этого дня. На следующее утро Мег вышла к столу только около десяти часов; за-втракать в одиночестве было не очень приятно, а комната казалась неопрятной и запущенной, так как Джо не заполнила вазы цветами, Бесс не вытерла пыль и везде валялись неубранные книжки Эми. Ничто не радовало и не привлекало, кроме «мамино-го угла», который выглядел как обычно; там и села Мег, чтобы «отдохнуть и почитать», что на самом деле означало зевать и представлять себе, какие красивые летние платья купит она на свое жалованье, Джо провела утро на реке вместе с Лори, а после обеда, сидя на яблоне, читала «Широкий, широкий мир»²² и заливалась слезами. Бесс начала с того, что вытащила все содержимое из большого стено-го шкафа, где проживала ее кукольная семья, но,

²¹ Сара Гэмп – словоохотливая и любящая выпить сиделка, нянька и повивальная бабка, персонаж романа Диккенса «Жизнь и приключения Мартина Чэзлвита»

²² Широкий, широкий мир – повесть американской писательницы Элизабет Уитрэл

утомившись, прежде чем успела навести порядок, оставила все свое хозяйство перевернутым вверх дном и перешла к пианино, радуясь, что не надо мыть посуду. Эми надела свое лучшее белое платье, пригладила волосы, привела в порядок свою беседку и уселась рисовать под жимолостью, в надежде, что кто-нибудь увидит ее и поинтересуется, кто эта прелестная юная художница. Но так как никто не появился, кроме любознательных долгоножек, которые с любопытством обследовали ее произведения, она пошла прогуляться, попала под проливной дождь и вернулась домой вымокшая до нитки.

За чаем они обменялись впечатлениями, и все сошлись на том, что это был восхитительный, хотя и необычно долгий день. Мег, которая после обеда ходила в магазин и купила «прелестный голубой муслин», обнаружила – но лишь после того, как разрешила его на полотнища, – что он линяет, и эта неудача несколько испортила ей настроение. У Джо, пока она каталась на лодке, обгорел на солнце нос, а слишком долгое чтение принесло невыносимую головную боль. Бедную Бесс тревожил беспорядок в ее стенном шкафу и огорчала невозможность выучить три или четыре песни сразу, а Эми глубоко сожалела о том, что ее платье пострадало от дождя, так как на следующий день должна была состояться вечеринка у Кейти Браун и теперь, так же как Флоре Мак-Флимзи, ей «ну совершенно нечего было надеть». Но все это, разумеется, были сущие пустяки, и они дружно заверили мать, что эксперимент проходит отлично. Она улыбнулась и ничего не сказала, но с помощью Ханны сделала заброшенную ими работу, поддерживая тем самым приятную атмосферу в доме и обеспечив ровную работу всего механизма домашнего хозяйства. Удивительно, к какому странному и неудобному положению дел привел этот процесс «отдыха и наслаждения покоем». Казалось, что дни становятся все длиннее и длиннее, необычно разнообразной была как погода, так и настроение участников эксперимента, и дух беспокойства овладел всеми, а как говорится, дьявол всегда найдет чем занять праздные руки. В самый разгар «наслаждения покоем» Мег занялась кое-каким шитьем и тогда, найдя, что время тянется мучительно медленно, принялась кромсать ножницами и портить свои платья в попытке переделать их а la Моффат. Джо читала до тех пор, пока у нее не отказали глаза и ее не затошнило от книг. Она стала такой суетливой и раздражительной, что умудрилась поссориться даже с добродушным Лори, и до того пала духом, что в отчаянии подумала, как было бы хорошо, если бы она уехала с тетей Марч. Бесс чувствовала себя совсем неплохо, так как постоянно забывала о том, что должны быть «одни развлечения без работы», и то и дело возвращалась к своим прежним занятиям; но что-то, носившееся в воздухе, воздействовало и на нее, и ее обычное душевное спокойствие было не раз заметно нарушено – в одном случае настолько, что она даже встряхнула милую Джоанну и назвала ее «страшилищем». Хуже всех приходилось Эми, так как ее возможности были ограничены, и, когда сестры предоставили ей развлекаться в одиночестве и самой заботиться о себе, она очень быстро обнаружила, что превосходное и значительное «я» – большая обуза. Кукол она не любила, сказки – это было слишком по-детски, а рисовать с утра до вечера человек не может; приглашения на чай не имели большого значения, так же как и пикники, разве только очень хорошо продуманные и устроенные. «Если бы можно было жить в прекрасном доме, где полно милых девочек, или путешествовать, лето прошло бы великолепно, но оставаться дома с тремя эгоистичными сестрами и большим мальчишкой – тут и святой потеряет терпение», – роптала мисс Малапроп после нескольких дней, посвященных удовольствиям, раздражению и скуке.

Ни одна не призналась бы, что устала от проводимого опыта, но в пятницу вечером каждая в глубине души ощущала радость от того, что неделя почти прошла. Желая, чтобы урок запомнился лучше, миссис Марч, обладавшая большим чувством юмора, решила обеспечить подходящее завершение всему испытанию. Она дала Ханне выходной и позволила дочерям насладиться всеми последствиями принятых правил игры.

Когда они встали в субботу утром, в кухне не было огня, не было и завтрака в столовой, да и мамы нигде не было видно.

– Спаси и помилуй! Что случилось? – воскликнула Джо, озираясь в ужасе.

Мег бегом поднялась наверх и вскоре спустилась обрат-но, на лице у нее было написано облегчение, но вид был довольно смущенный и немного пристыженный.

– Мама не больна, просто очень устала. Она говорит, что собирается весь день отдыхать у себя в комнате, а мы должны справляться как можем. Это очень на нее непохоже, но она говорит, что прошедшая неделя была для нее тяжелой и что мы не должны ворчать и можем позаботиться о себе сами.

– Это не очень трудно, и мне даже нравится такая идея. Я очень хочу чем-нибудь заняться... – сказала Джо. – То есть найти какое-нибудь новое развлечение, ты понима-ешь, – добавила она торопливо.

И в самом деле, необходимость немного поработать яви-лась для всех огромным облегчением, и они взялись за дело с охотой, но скоро убедились в справедливости любимой поговорки Ханны: «Хозяйство – это вам не шутка». В кладовой было полно провизии, и, пока Бесс и Эми накры-вали на стол, Мег и Джо готовили завтрак и, занимаясь этим, удивлялись, почему это слуги вечно жалуются на свою тяжелую работу.

– Нужно отнести что-нибудь и маме, хотя она сказала, что мы можем не заботиться о ней, она сама о себе поза-ботится, – сказала Мег, которая сидела во главе стола за большим чайником и чувствовала себя настоящей матерью семейства.

И прежде чем кто-нибудь приступил к еде, поднос был уставлен кушаньями и отнесен наверх кухаркой вместе с наилучшими пожеланиями. Прокипяченный чай был очень горьким, омлет засушенным, а печенье испещрено окалиной, но миссис Марч приняла все с выражением благодарности и от души посмеялась над содержимым подноса, после того как Мег ушла.

– Бедняжки, боюсь, им придется несладко, но вреда им от этого не будет, одна лишь польза, – сказала она себе, доставая куда более вкусные кушанья, которыми запаслась заранее, и пряча скверный завтрак, с тем чтобы чувства готовивших его не были задеты – маленькая материнская уловка.

Тем временем внизу звучало множество жалоб, а главная кухарка выражала досаду из-за постигших ее неудач.

– Ничего, обед приготовлю я. Я буду служанкой, а ты хозяйкой. Не порти ручки, принимай гостей и отдавай приказания, – сказала Джо, знавшая о кулинарных делах еще меньше, чем Мег.

Это любезное предложение было с радостью принято, и Маргарет удалилась в гостиную, которую поспешно при-вела в порядок, заметя мусор под диван и задернув шторы, чтобы не было видно пыли. Джо, с глубокой верой в соб-ственные силы и движимая желанием помириться с Лори, немедленно отнесла в почтовый ящик записку для него с приглашением к обеду.

– Лучше бы ты сначала посмотрела, что у тебя полу-чится, прежде чем приглашать гостей, – заметила Мег, уз-нав об этом опрометчивом акте гостеприимства.

– О, у нас есть солонина и много картофеля, а еще я куплю спаржу и омара, «для аппетита», как говорит Ханна. И салат-латук приготовим. Не знаю как, но ничего, посмот-рим в книжке. На десерт я приготовлю бланманже и землянику со сливками, и кофе тоже, если ты хочешь, чтобы обед был изысканным.

– Не старайся приготовить слишком много блюд, Джо. У тебя хорошо получаются только имбирная коврижка да конфеты из патоки. Я снимаю с себя всякую ответственность за твой обед, и так как ты пригласила Лори, не советуясь со мной, то с тем же успехом можешь позаботиться о его удовольствии.

– От тебя ничего не требуется, кроме того, чтобы ты была вежлива с ним и помогла мне приготовить пудинг. Ты ведь дашь мне совет, если я столкнусь с трудностями, хорошо? – спросила Джо, довольно, впрочем, оби-женно.

– Хорошо, но я сама мало знаю, только про хлеб и так, несколько мелочей. И лучше бы ты спросила у мамы разрешения, прежде чем покупать что-то к обеду, – отвечала Мег благоразумно.

– Конечно, спрошу. Я не дура. – И Джо вышла, ос-корбленная столь явно выраженным сомнением в ее кули-нарных способностях.

– Покупай что хочешь, только не беспокой меня. Я сегодня обедаю в гостях и не могу думать о твоём обеде, – сказала миссис Марч, когда Джо обратилась к ней. – Я никогда не любила домашних забот и собираюсь сегодня устроить себе выходной – буду читать, писать, пойду в гости и доставлю себе удовольствие.

Необычное зрелище – мать, с утра качающаяся в кресле с книжкой в руках, – вызвало у Джо такие же чувства, какие могло бы вызвать какое-нибудь чудо природы, ибо даже неожиданное затмение, землетрясение или извержение вулкана вряд ли произвели бы на нее большее впечатление.

– Все как-то не так, – сказала она себе, спускаясь по лестнице. – Вот и Бесс плачет – верный знак, что дела в этом семействе идут плохо. Если это Эми виновата, я уж ей задам.

Чувствуя, что и сама не в духе, Джо поспешила в гос-тиную, где нашла Бесс, рыдающую над своей канарейкой, Пипом. Он лежал мертвым в клетке, с трогательно растопыренными коготками, словно умоляя о пище и воде, от-сутствие которых и привело его к смерти.

– Это моя вина... я забыла о нем... здесь ни семечка, ни капли воды не осталось. О, Пип! Пип! Как могла я быть такой жестокой? – плакала Бесс, держа бедняжку в руках и пытаясь вернуть его к жизни.

Джо заглянула в полуоткрытый глаз Пипа, потрогала его холодное, застывшее тельце, удрученно покачала головой и предложила свою коробку из-под домино в качестве гробика.

– Положи его в печку; может быть, он согреется и оживет, – сказала Эми с надеждой.

– Он умер от голода, и я не собираюсь еще и печь его теперь, когда он мертв. Я сошью ему саван, и мы похороним его в саду. И я никогда не заведу другой птички, никогда, мой Пип! Я слишком скверная, чтобы иметь птичку, – бормотала Бесс, сидя на полу и держа своего любимца в сложенных ладонях.

– Похороны состоятся сегодня во второй половине дня, и все мы придем. Ну-ну, Бесс, не плачь. Жаль, конечно, но на этой неделе все шло кувырком, а на долю Пипа пришлось худшая часть опыта. Сшей саван и положи Пипа в мою коробку. После обеда у нас состоятся маленькие похороны, – сказала Джо, начиная чувствовать, что взяла на себя немалое бремя.

Оставив прочих утешать Бесс, она удалилась в кухню, которая была в весьма обескураживающем состоянии пол-ного беспорядка. Надев большой передник, Джо взялась за работу и собрала стопкой все тарелки, чтобы вымыть, но обнаружила, что огонь погас.

– Премилая перспектива, ничего не скажешь! – про-ворчала Джо, с грохотом распахнув дверцу печи и неистово тыкая кочергой в кучку тлеющих углей.

Снова разведя огонь, она подумала, что, пока вода гре-ется, она успеет сходить на рынок. Прогулка помогла ей воспрянуть духом, и, теша себя мыслью о том, что сделала очень выгодные покупки, она снова побрела домой, неся в корзинке очень молодого омара, очень старую спаржу и две коробки неспелой земляники. К тому времени, когда она вымыла посуду, уже пора было обедать, а печь была на-калена докрасна. Накануне вечером Ханна замесила хлеб и оставила его в квашне подниматься, а рано утром Мег обмяла тесто и, поставив его на теплую каменную плиту, чтобы оно поднялось второй раз, забыла о нем. Она при-нимала в гостиной Салли Гардинер, когда дверь неожиданно распахнулась и на пороге появилась испачканная мукой, закопченная, красная и растрепанная особа и ядовито спро-сила:

– Послушай, разве тесто не достаточно поднялось, если оно уже вылезает из квашни?

Салли засмеялась, но Мег кивнула и подняла брови так высоко, что выше подняться они уже не могли; это заставило призрак исчезнуть и поставить перекиший хлеб в печь без дальнейших проволочек. Миссис Марч ушла из дома, предварительно взглянув, как идут дела, и сказав несколько слов утешения Бесс, которая сидела и шила са-ван, в то время как дорогой усопший был выставлен для торжественного прощания в коробке из-под домино. Странное чувство беспомощности охватило девочек, когда серая шляпка исчезла за углом, и

настоящее отчаяние овладело ими, когда несколько минут спустя появилась мисс Крокер и сообщила, что пришла к обеду. Это была тощая, желтая старая дева, с острым носом и любопытными глазками, которая видела все и сплетничала обо всем, что видела. Девочки не любили ее, но их учили быть добрыми к ней просто потому, что она старая, бедная и у нее мало друзей. Поэтому Мег предложила ей стул поудобнее и постаралась поддержать разговор; гостя задавала вопросы, все критиковала и рассказывала всякие истории о своих знакомых.

Невозможно описать словами тревоги, испытания и труды, которые выпали в тот день на долю Джо, а обед, который она подала, стал в семье дежурной шуткой. Опасаясь просить новых советов, она делала все, на что была способна, в одиночестве и обнаружила, что для того, чтобы стать кухаркой, необходимо нечто большее, чем энергия и добрая воля. Она варила спаржу час и с огорчением обнаружила, что головки отвалились, а стволы стали тверже, чем были. Хлеб подгорел, так как соус для салата привел ее в такое раздражение, что она забыла обо всем остальном, пока окончательно не убедилась, что не в силах сделать его съедобным. Омар был для нее неразрешимой загадкой, но она била и тыкала его, пока не освободила от скорлупы, и затем его тощие формы были скрыты от глаз в роще салат-латука. С картофелем пришлось спешить, чтобы не заставлять ждать спаржу, и в результате он оказался недоваренным. Бланман-же вышло комковатое, а земляника была не такой спелой, как казалась, ибо хитрый продавец умело выложил хорошие ягоды только сверху.

«Ну, ничего, они могут поесть солонины и хлеба с маслом, если голодны, только уж очень обидно потратить впустую целое утро», – думала Джо, когда звонила в колокольчик на полчаса позже обычного и стояла, разгоряченная, усталая и обескураженная, обозревая пиршественный стол, который она предлагала Лори, привыкшему ко всевозможным изыскам, и мисс Крокер, чьи любопытные глазки подмечали все недостатки и чей болтливый язык разносил весть о них по округе.

Бедная Джо охотно спряталась бы под стол, когда все блюда, одно за другим, пробовались и отставлялись, в то время как Эми хихикала, Мег сидела со страдальческим видом, мисс Крокер поджимала губки, а Лори болтал и громко смеялся в попытке создать радостную и праздничную атмосферу. Своей удачей Джо могла считать ягоды, так как она обильно посыпала их сахаром и к ним у нее имелся кувшин отличных сливок. Ее пылающие щеки немного охладились и она перевела дыхание, когда по кругу пошли красивые стеклянные вазочки и все очень благо-склонно взглянули на маленькие розовые островки, плавающие в море сливок. Мисс Крокер попробовала первая, скривилась и поспешно запила водой. Джо, которая отка-залась от десерта из опасений, что ягод может не хватить на всех, так как количество их плачевно уменьшилось после того, как были отобраны лишь спелые, взглянула на Лори. Он ел мужественно, лишь возле губ его залегла небольшая складка, а глаз он не отрывал от тарелки. Эми, любившая деликатную пищу, зацепила ложку с верхом, подавилась, спрятала лицо в салфетку и стремительно вы-бежала из-за стола.

– О, что случилось? – воскликнула Джо, дрожа.

– Соль вместо сахара, а сливки кислые, – отвечала Мег с трагическим жестом.

Джо застонала и откинулась на спинку стула, вспомнив, что забыла поставить сливки в ледник, а под конец впопыхах посыпала ягоды из одной из двух стоявших на кухонном столе коробок. Она покраснела и была готова расплакаться, когда встретилась взглядом с Лори, чьи глаза глядели весело, несмотря на его героические усилия по съедению оригинального десерта. Ее мгновенно поразила смешная сторона происходящего, и она расхохоталась так, что слезы побежали у нее по щекам. То же самое сделали и остальные, даже «квакша», как девочки называли мисс Крокер, и зло-получный обед завершился весело, с хлебом, маслом, оливками и шутками.

– У меня не хватает силы духа, чтобы убирать со стола сейчас, так что давайте сначала успокоим себя похоронами, – сказала Джо, когда все поднялись из-за стола, а мисс Крокер собралась уходить, горя нетерпением рассказать эту новую историю за обеденным столом у других знакомых.

Они действительно настроились на серьезный лад ради Бесс. Лори выкопал могилку в роще среди папоротников, маленький Пип был положен в нее под горькие рыдания его мягкосердечной хозяйки, покрыт мхом, и венки из фи-алок и курослепа были повешены на могильном камне, на котором карандашом вывели эпитафию, сочиненную Джо в те часы, когда она билась над приготовлением обеда:

Здесь лежит Пип Марч.
В июле умер он.
Ему – стоны и плач.
Ему – низкий поклон.

По завершении траурной церемонии Бесс удалилась в спальню, подавленная чувствами и отведанным омаром, но там негде было отдохнуть, так как кровати были неубраны, и она нашла, что взбивание подушек и раскладывание вещей по местам очень помогает облегчить душевные страдания. Мег и Джо убрали остатки пиршества; это заняло у них ровно половину послеобеденной части дня и до того утомило, что они решили обойтись чаем и жареным хлебом к ужину. Лори взял Эми прокатиться в экипаже, что было актом милосердия по отношению ко всем, так как кислые сливки очень плохо отразились на ее и без того вспыльчивом характере. Миссис Марч вернулась домой и застала трех старших девочек за работой, а взгляд, мельком брошенный в кладовую, дал ей представление об успехе заключительной части эксперимента.

Прежде чем усталые домохозяйки смогли отдохнуть, им нанесли визиты еще несколько знакомых, и было не-мало суматохи с переодеванием для встречи гостей; потом нужно было приготовить чай, сделать немало мелких дел, а кое-какое самое необходимое шитье пришлось отложить до последней минуты. Когда опустились сумерки, тихие и росистые, одна за другой они вышли на крыльцо, где на розах наливались красивые бутоны, и каждая застона-ла или вздохнула, когда садилась, словно от усталости или заботы.

– Какой это был ужасный день! – начала Джо, ко-торая всегда заговаривала первой.

– Он показался мне короче, чем обычно, но был таким неприятным, – сказала Мег.

– Будто и не дома, – добавила Эми.

– Дом не может быть таким, как всегда, если нет мамы и маленького Пипа, – вздохнула Бесс, глядя полными слез глазами на пустую клетку, висевшую над головой.

– А вот и мама, дорогая, и завтра же у тебя будет новая птичка, если захочешь.

С этими словами миссис Марч подошла и заняла свое место среди дочерей с таким видом, словно для нее этот субботний день был не намного приятнее, чем для них.

– Вы удовлетворены поставленным опытом или хотите продлить его еще на неделю? – спросила она, когда Бесс прильнула к ее груди, а остальные обернулись с просияв-шими лицами, как цветы оборачиваются к солнцу.

– Я – нет! – воскликнула Джо решительно.

– Я тоже, – отозвались остальные.

– Значит, вы думаете, что все же лучше иметь неко-торые обязанности и жить не только для себя, но и для других, так?

– Безделье и развлечения – невыгодное занятие, – за-метила Джо, покачав головой. – Я устала от таких удоволь-ствий и собираюсь теперь взяться за какую-нибудь работу.

– Я надеюсь, что ты научишься готовить простые блю-да; это полезное умение, без которого не может обойтись ни одна женщина, – сказала миссис Марч, чуть заметно улыбаясь при воспоминании о званом обеде Джо, отчет о котором она услышала от мисс Крокер, столкнувшейся с ней на улице.

– Мама, ты ушла и оставила все только для того, чтобы посмотреть, как мы справимся с хозяйством? – спросила Мег, которую весь день не покидало это подозрение.

– Да, и я хотела, чтобы вы сами увидели, что удобства всех зависят от того, насколько ответственно каждая из вас выполняет свою долю работы. Пока я и Ханна делали за вас вашу

работу, дела у вас шли неплохо, хотя мне кажется, что вы были не очень счастливы и приветливы; так вот, я решила дать вам маленький урок, чтобы показать, что вы-ходит, когда каждая думает только о себе. Разве вы не почувствовали, что гораздо приятнее помогать друг другу и честно нести свое бремя ради того, чтобы в доме было удобно и приятно нам всем?

– Почувствовали, мама, конечно! – воскликнули де-вочки.

– Тогда позвольте мне посоветовать вам снова взвалить на плечи ваши небольшие ноши, так как, хотя они иногда и кажутся тяжелыми, пользу приносят большую и становятся легче, когда мы овладеем умением нести их. Работа благотворна, и ее хватит на всех; она помогает уберечься от скуки и зла, она полезна для здоровья тела и духа, она дает нам чувство силы и независимости больше, чем деньги или элегантность.

– Мы будем трудиться как пчелки и даже полюбим труд, вот увидишь! – сказала Джо. – Я буду учиться го-товить. Вот моя задача на эти каникулы; и следующий званый обед, который я устрою, вызовет у всех восхищение.

– Я вместо тебя, мама, сошью рубашки для папы. Я могу и хочу это сделать, хотя и не люблю шить. Это будет лучше, чем возиться со своими собственными нарядами, которые вполне хороши как есть, – сказала Мег.

– Я буду учить уроки каждый день и не стану тратить так много времени на кукол и музыку. Я такая глупая и должна учиться, а не играть, – таким было решение Бесс.

Эми последовала примеру сестер, героически заявив:

– Я научусь обметывать петли и буду обращать вни-мание на слова, которые употребляю.

– Очень хорошо! Я вполне удовлетворена опытом и наде-юсь, что нам не придется повторять его. Только не бросайтесь в другую крайность – не надрывайтесь. Отведите себе часы для работы и для отдыха, сделайте каждый день и полезным и приятным и, хорошо используя время, докажите тем самым, что понимаете его ценность. Тогда юность будет прекрасна, старость принесет мало сожалений о прошлом и жизнь окажет-ся красивой и счастливой, несмотря на бедность.

– Мы запомним это, мама! – И они запомнили.

Глава 12

Лагерь генерала Лоренса

Обязанности почтальона обычно исполняла Бесс, так как, находясь по большей части дома, она могла регулярно посещать почтовое заведение в изгороди и очень любила свою ежедневную обязанность отпирать ключом маленькую дверцу и доставлять почту. В один из июльских дней она вернулась домой с целой охапкой писем и посылок и прошла по дому, раздавая их как заправский почтальон.

– Вот букет для тебя, мама! Лори никогда не забывает прислать его, – сказала она, помещая свежий букет души-стых цветов в вазу, которая стояла в «мамином углу».

– Мисс Мег Марч, письмо и перчатка, – продолжала Бесс, передавая эти предметы сестре, которая сидела рядом с матерью, пришивая манжеты к мужской рубашке.

– Но я забыла у Лоренсов пару перчаток, а здесь только одна, – сказала Мег, глядя на нитяную серую пер-чатку. – Ты не потеряла вторую, пока шла по саду?

– Нет, я уверена, что не потеряла. На почте была только одна.

– Терпеть не могу непарные перчатки! Ну, ничего, может быть, вторая найдется. А в письме просто перевод немецкой песни, о котором я просила. Я думаю, это мистер Брук перевел, потому что почерк не похож на почерк Лори.

Миссис Марч взглянула на Мег, очень хорошенькую в домашнем полотняном платье и с маленькими растрепанными кудряшками надо лбом, очень женственную за своим маленьким рабочим столиком и совершенно не подозревающую о мысли, родившейся в уме матери. Она шила и пела, пальцы ее мелька-ли, а мысли были заняты девичьими мечтами, такими же невинными и свежими, как анютины глазки, приколотые к ее поясу. Миссис Марч

улыбнулась и осталась довольна.

– Для доктора Джо – два письма, книга и эта смешная старая шляпа, которая покрывала все почтовое заведение, – сказала Бесс со смехом, входя в кабинет, где сидела и писала Джо.

– Какой коварный этот Лори! Я заметила как-то раз, что хотела бы, чтобы в моде были шляпы с большими полями, потому что в каждый солнечный день у меня обгорает лицо. А он сказал: «К чему обращать внимание на моду? Носи большую шляпу – и тебе будет удобно!» Я ответила, что совсем не прочь, если бы только она у меня была. Вот он и прислал мне эту шляпу, чтобы испытать мою решимость. Ну, ничего, я надену ее для смеха и покажу ему, что мода меня не волнует. – И, повесив старомодную широкополую шляпу на бюст Платона, Джо прочитала оба письма.

Первое было от матери, и щеки Джо запылали, а глаза наполнились слезами, ибо в нем говорилось:

Дорогая моя!

Я пишу эту записочку, чтобы сказать тебе, о том удовлетворении, с которым наблюдаю за твоими усилиями владеть собой. Ты никогда не говоришь о своих переживаниях, успехах и неудачах и, быть может, думаешь, что никто не знает о них, кроме того Друга, к которому ты ежедневно обращаешься за помощью, насколько я могу судить по истрепанной обложке твоего путеводителя. Но я тоже вижу все и всем сердцем верю в твою искренность и решимость, так как они начинают приносить плоды. Продолжай, дорогая, терпеливо и уверенно и знай, что никто не сочувствует тебе глубже, чем твоя любящая

мать.

«Как ты помогаешь мне, мама! Такая записка лучше миллионов долларов и кучи похвал. О, мама, я стараюсь! И я буду стараться и не устану, так как у меня есть ты и ты поможешь мне».

И, уронив голову на руки, Джо окропила маленькую повесть, которую писала, несколькими счастливыми слезами, так как прежде она действительно думала, что никто не видит и не ценит ее усилий быть хорошей. Уверения матери были вдвойне ценны, вдвойне обнадеживали, так как оказались неожиданными и пришли от человека, чьей похвалой она дорожила больше всего. Чувствуя в себе новые силы и решимость встретить лицом к лицу и усмирить своего Аполлиона, она приколотла записку в одной из складок своего платья как надежный щит и напоминание на случай, если опасность застигнет ее врасплох, и распечатала второе письмо, вполне готовая и к хорошим, и к плохим новостям. Крупным, торопливым почерком Лори писал:

Дорогая Джо!

Все очень хорошо!

Несколько мальчиков и девочек приезжают завтра ко мне в гости из Англии, и я хочу, чтобы мы весело провели время. Если это устроит всех, я хотел бы разбить палатку на лугах в Лонгмедоу и перевезти туда на лодках всю компанию, чтобы устроить пикник и поиграть в крокет. Мои гости отличные люди и любят такие развлечения. Мистер Брук тоже поедет, чтобы держать нас, мальчиков, в узде, а Кейт Воун будет состоять при девочках. Я очень хочу, чтобы все вы поехали, и ни за что не позволю Бесс остаться дома – на пикнике никто ее не будет тревожить. Насчет провизии не беспокойтесь – я позабочусь об этом и обо всем остальном также. Только приезжай, будь другом!

Не покинь в горе

Твоего Лори.

– Великолпно! – вскричала Джо, влетая в гостиную, чтобы сообщить новость Мег.

– Ты ведь позволишь поехать, мама? И мы очень поможем Лори, потому что я умею

грести, а Мег позабодитесь о завтраке и младшие девочки чем-нибудь да будут полезны.

– Надеюсь, что эти Воупы не какие-нибудь очень элегантные, совсем взрослые люди. Ты что-нибудь знаешь о них, Джо? – спросила Мег.

– Только то, что их четверо. Кейт старше тебя, Фред и Френк (близнецы) примерно моего возраста, а Грейс – маленькая девочка, лет девяти или десяти. Лори познакомилась с ними за границей, и ему понравились мальчики, но, судя по тому, как он поджал губы, говоря о Кейт, он не в восторге от нее.

– Я так рада, что мое платье из французского ситца выстирано; это именно то, что нужно, и оно так мне идет! – заметила Мег самодовольно. – У тебя есть что-нибудь приличное, Джо?

– Красный с серым костюм для гребли; для меня он вполне хорош. Я собираюсь грести и ходить пешком, так что я не желаю никакого крахмала на себе, чтобы думать о нем. Ты поедешь, Бесс?

– Если ты не позволишь ни одному из мальчиков говорить со мной.

– Ни одному!

– Я хотела бы доставить удовольствие Лори, и мистера Брука я не боюсь, он такой добрый, но я не хочу играть, петь или разговаривать. Я буду усердно работать и никому не помешаю, так что, если ты позаботишься обо мне, Джо, я поеду.

– Умница, ты стараешься побороть свою робость, и я люблю тебя за это. Бороться с недостатками непросто, по себе знаю, а каждое слово ободрения так воодушевляет. Спасибо, мама. – И Джо запечатлела на впалой щеке матери благородный поцелуй, более драгоценный для миссис Марч, чем даже тот, который был бы способен вернуть этой щеке розовую округлость юности.

– А я получила коробку шоколадного драже и картинку, которую хотела срисовать, – сказала Эми, показывая свою почту.

– А у меня записка от мистера Лоренса; он просит, чтобы я пришла сегодня вечером и поиграла ему, прежде чем зажгут лампы, – сказала Бесс, чья дружба со старым мистером Лоренсом крепла день ото дня. – И я непременно пойду, – добавила она.

– Теперь давайте покрутимся как следует и сделаем сегодня двойную работу, чтобы завтра мы могли резвиться без забот, – сказала Джо, готовясь сменить перо на швабру.

Когда на следующее утро раннее солнце заглянуло в комнаты девочек, суля им погожий день, перед ним предстала забавная картина. Каждая сделала такие приготовления к празднику на открытом воздухе, какие сочла необходимым. Надо лбом Мег был дополнительный ряд палочек, Джо обильно смазала обгоревшее лицо кольдкремом, Бесс взяла к себе в постель Джоанну, чтобы помочь ей примириться с предстоящей разлукой, но Эми превзошла всех, посадив зажимку, похожую на защипку для белья, на свой нос, чтобы приподнять эту оскорбляющую взор часть лица. Это была зажимка того рода, какие используют художники, чтобы прикреплять бумагу к мольберту, и была вполне подходящим и эффективным средством для той цели, для которой была применена в данном случае. Это забавное зрелище, казалось, рассмешило солнце, так как оно вдруг вспыхнуло таким сиянием, что Джо проснулась и разбудила всех сестер, от души расхохотавшись при виде украшения Эми.

Солнце и смех были добрым предзнаменованием, и вскоре в обоих соседних домах началась веселая суeta. Бесс, которая была одета раньше всех, стояла у окна и описывала все, что творится у соседей, развлекая занятых туалетом сестер своими телеграфными сообщениями. – Вот идет человек с палаткой! Я вижу, миссис Баркер несет завтрак в коробе с плетеной крышкой и в большой корзинке. Теперь мистер Лоренс глядит на небо и на флюгер; я хотела бы, чтобы он тоже поехал с нами. А вот Лори; выглядит как настоящий моряк – милый мальчик!.. О, какой ужас! Экипаж, полный людей: высокая дама, маленькая девочка и два ужасных мальчишки. Один хромает, бедняжка; с костылем. Лори нам об этом ничего не говорил... Давайте скорее, девочки! А то уже поздно. О, да там и Нед Моффат, каково?! Смотри, Мег, разве это не тот человек, который раскланялся с тобой однажды,

когда мы делали покупки?

– Да, это Нед Моффат. Как странно; я думала, что он отдыхает в горах. А вот и Салли; я рада, что она вернулась как раз к этому пикнику. Я в порядке, Джо? – воскликнула Мег в возбуждении.

– Настоящая маргаритка. Одерни платье и посади шля-пу прямо, а то, когда она набок, и вид у тебя сентимен-тальный, и слетит она при первом же порыве ветра. Ну, теперь пошли!

– О, Джо, не собираешься же ты идти в этой, ужасной шляпе? Что за нелепость! Не делай из себя чучело, – увещевала Мег сестру, когда та подвязала красной лентой широкополую старомодную соломенную шляпу, которую Ло-ри прислал ей шутки ради.

– И все-таки я ее надену; отличная шляпа – и от солнца защищает, и такая легкая и большая. Это будет забавно, и я ничего не имею против того, чтобы выглядеть чучелом, лишь бы мне было удобно. – С этими словами Джо решительно направилась к выходу, и остальные по-следовали за ней – веселый маленький отряд сестер, за-мечательное зрелище – все в летних костюмах, со счаст-ливыми лицами под полями изящных шляпок.

Лори подбежал, чтобы в самой сердечной манере пред-ставить их своим друзьям. Лужайка превратилась в при-емный зал, и в течение нескольких минут там разыгрывалась оживленная сцена. Мег было приятно видеть, что мисс Кейт, хотя и совсем взрослая, двадцатилетняя девушка, была одета с той простотой, которую неплохо было бы перенять всем юным американкам. Она также была весьма польщена уверениями мистера Неда Моффата в том, что он приехал исключительно для того, чтобы встретиться с ней. Джо сразу стало ясно, почему Лори «поджимал губы», говоря о Кейт, ибо эта молодая особа имела весьма непри-ступный вид, сильно отличавший ее от остальных девочек с их свободными, непринужденными манерами. Бесс, пона-блюдав за новыми мальчиками, решила, что тот, который хромает, не «ужасный», но кроткий и слабый, и по этой причине она будет ласковой с ним. Эми нашла, что Грейси – благовоспитанная и веселая маленькая особа, и, молча по-глядев друг на друга в течение нескольких минут, они вдруг стали самыми добрыми друзьями.

Палатка, завтрак и приспособления для игры в крокет были отправлены заранее, а вскоре и вся компания погрузилась на две лодки; гребцы в обеих оттолкнулись от берега одновременно, оставив мистера Лоренса махать им вслед своей шляпой. Лори и Джо гребли в одной лодке, а мистер Брук и Нед в другой, в то время как Фред Воун, мятежный близнец, делал все, что мог, чтобы помешать и той и другой паре, шлепая веслами по воде в маленькой плоскодонке и крутясь как потревоженный водяной клоп. Смешная шляпа Джо вполне заслуживала многочисленных выражений при-знательности, так как оказалась полезной во всех отноше-ниях: она помогла сломать лед при первом знакомстве, вызвав всеобщий смех, она создавала приятный, освежаю-щий ветерок, колыхаясь туда и сюда, когда Джо гребла, и могла бы, по словам Джо, послужить отличным зонтом для всей компании, если бы вдруг полил дождь. Мисс Кейт наблюдала за поведением Джо с некоторым изумлением, особенно когда та, упустив весло, воскликнула: «Христофор Колумб!» – и когда Лори, занимая свое место в лодке, наступил Джо на ногу и сказал: «Приятель, прости; очень больно?» Но несколько раз приставив к глазам лорнет, чтобы получше разглядеть необычную девочку, мисс Кейт решила, что та «странная, но довольно умненькая», и улыб-нулась ей издали.

Мег занимала восхитительное положение в другой лод-ке – она сидела лицом к лицу с гребцами, которые были в восторге от этого обстоятельства и выносили весла плаш-мя с необыкновенным мастерством и ловкостью. Мистер Брук был серьезный, молчаливый молодой человек с кра-сивыми карими глазами и приятным голосом. Мег нрави-лись его сдержанные манеры, и к тому же она считала его ходячей энциклопедией полезных знаний. Он мало гово-рил с ней, но много смотрел на нее, и она была уверена, что во взгляде его нет антипатии. Нед, будучи студентом, разумеется, напускал на себя важный вид, который счита-ет своим святым долгом напускать на себя всякий перво-курсник; он был не слишком умным, но очень добродуш-ным и веселым малым и в целом вполне подходящим для

участия в таком развлечении, как пикник. Салли Гардинер была поглощена тем, чтобы сохранить чистым свое белое пикейное платье, а также болтовней с вездесущим Фредом, который держал Бесс в постоянном страхе своими озорными выходками.

До Лонгмедуу было совсем не далеко, но к тому времени, когда они прибыли на место, палатка уже была разбита и воротца для крокета расставлены. Посередине манящего зеленого луга стояли три развесистых дуба и тянулась ровная полоса дерна, где и предстояло играть в крокет.

– Добро пожаловать в лагерь генерала Лоренса! – сказал юный хозяин, когда все высадились на берег с во-склицаниями восторга. – Брук – главнокомандующий, я – генерал-интендант, остальные мальчики – офицеры штаба, а вы, дамы, – наши гости. Палатка предоставляется в ваше исключительное пользование; под тем дубом – ваша гостиная, под вторым – столовая, под третьим – походная кухня. А теперь давайте поиграем, прежде чем станет жарко; потом подумаем о завтраке.

Френк, Бесс, Эми и Грейс сели, чтобы наблюдать за игрой остальных восьми участников пикника. Мистер Брук выбрал Мег, Кейт и Фреда в свою команду; Лори взял Салли, Джо и Неда в свою. Англичане играли хоро-шо, но американцы лучше и сражались за каждую пядь земли так мужественно, словно дух 1776 года²³ вдохновлял их на борьбу – у Джо и Фреда было несколько неболь-ших стычек, а однажды едва удалось избежать сильных выражений. Джо прошла последние воротца, но тут про-махнулась, и эта неудача изрядно ее рассердила. Фред лишь немного отставал от нее, и теперь наступил его черед играть. Он сделал удар, шар его стукнулся о воротца и остановился в дюйме от них. Возле ворот никого не было, и, подбежав, чтобы посмотреть, где лежит шар, он коварно подтолкнул его носком сапога и переместил на дюйм за воротца.

– Я прошел! Теперь, мисс Джо, я разделаюсь с вами и пройду к колышку первым! – закричал этот юный джентльмен, занося свой молоток для нового удара.

– Вы подтолкнули, я видела; теперь мой черед иг-рать, – сказала Джо резко.

– Клянусь, я его не трогал; ну, может быть, он сам покатился немного, но это не против правил, так что отой-дите, пожалуйста, и дайте мне пробить к колышку.

– Мы, в Америке, не жульничаем, но вы можете, если хотите, – заявила Джо гневно.

– Янки – самые большие ловкачи на свете, все это знают. Вот вам! – ответил Фред, отбивая ее шар своим шаром далеко в сторону.

Джо открыла было рот, чтобы сказать какую-нибудь грубость, но вовремя сдержалась. Она покраснела до корней волос и с минуту стояла, изо всей силы вколачивая воротца в землю своим молотком, в то время как Фред попал своим шаром в колышек и с огромным ликованием объявил, что кончил игру. Джо пошла забрать свой шар и долго искала его в кустах, но назад вернулась спокойная и хладнокровная на вид и терпеливо ждала своей очереди. Ей потребовалось несколько ударов, чтобы вернуть себе утраченные позиции, но к тому времени команда мистера Брука была близка к победе, так как их последний шар, принадлежавший Кейт, уже лежал близко к колышку.

– Эх! Все потеряно! Прощай, Кейт! Мисс Джо хочет свести со мной счеты, так что победы тебе не видать! – крикнул Фред возбужденно, когда все подбежали ближе, чтобы увидеть конец игры.

– Янки имеют обыкновение проявлять великодушие к врагам, – сказала Джо, бросив на Фреда взгляд, который заставил его покраснеть. – Особенно когда побеждают их, – добавила она после того, как, оставив нетронутым мяч Кейт, искусным ударом отправила свой шар к колышку и привела свою команду к победе.

Лори подбросил в воздух шляпу, но затем вспомнил, что не годится торжествовать по поводу поражения гостей, и, оборвав свое «ура», шепнул Джо:

²³ дух 1776 года – имеется в виду революционно-освободительная война 13 английских колоний в Северной Америке, в ходе которой было создано независимое государство США

– Bravo! Он мошенничал, я видел. Мы не можем сказать ему это прямо, но больше он этого делать не будет, ручаюсь.

Мег, под предлогом необходимости приколоть на место упавшую косу, отвела Джо в сторону и сказала с сочувствием и одобрением:

– Хотя это и было ужасно досадно, но ты сдержалась, Джо, и я так рада.

– Не хвали меня, Мег; в ту минуту я была готова дать ему пощечину. Я наверняка вскипела бы от негодования, если бы не постояла там в крапиве и не подавила свой гнев настолько, чтобы суметь промолчать. Ярость все еще кипит во мне, так что, надеюсь, он будет держаться подальше от меня, – отвечала Джо, кусая губы и бросая горящий взгляд на Фреда из-под полей своей большой шляпы.

– Пора завтракать, – сказал мистер Брук, взглянув на свои часы. – Генерал-интендант, будьте добры, разведите огонь и принесите воды, пока мисс Марч, мисс Гардинер и я расставим стол. Кто может сварить хороший кофе?

– Джо может, – сказала Мег, радуясь возможности за-рекомендовать сестру с положительной стороны.

Джо, чувствуя, что недавно полученным урокам кули-нарного искусства предстоит принести ей лавры, заняла председательское место за кофейником; младшие отправились собирать сухие палочки, а мальчики тем временем разводили костер и носили воду из близлежащего источника. Мисс Кейт делала наброски в своем альбоме для рисования, а Френк беседовал с Бесс, которая плела из тростинок маленькие салфеточки, чтобы подложить их под тарелки и чашки.

Главнокомандующий и его адъютанты расстелили ска-терть и устали ее множеством соблазнительных напитков и кушаний, очаровательно украшенных зелеными листиками. Вскоре Джо объявила, что кофе готов, и все с радостью уселись за обильную трапезу, ибо молодежь редко страдает расстройством пищеварения, а движение на свежем воздухе развивает здоровый аппетит. Завтрак был очень веселым, так как все казалось необычным и забавным, и частые взрывы смеха заставляли вздрагивать почтенную лошадь, что паслась неподалеку. Стол стоял немного неровно, что привело к многочисленным казусам с чашками и тарелками; желуди падали в молоко, маленькие черные муравьи являлись без приглашения, чтобы отведать угощение, а лохматые гусеницы, извиваясь, свешивались с дерева, желая разглядеть, что происходит внизу. Трое светлоголовых ребятишек выглянули из-за забора, а противный пес отчаянно залаял на пирующих с другой стороны реки.

– Есть и соль, если хочешь, – сказал Лори, вручая Джо тарелку с ягодами.

– Спасибо, я предпочитаю пауков, – ответила она, выуживая двух неосмотрительных крошек, нашедших свой конец в густых сливках. – Как ты можешь напоми-нать мне о моем отвратительном обеде, когда твой так хорош во всех отношениях? – прибавила она; оба они смеялись и ели из одной тарелки, так как посуды на всех не хватило.

– Я необыкновенно приятно провел время за тем обедом и до сих пор не могу его забыть. А в сегодняшнем обеде нет никакой моей заслуги, я ничего не делал; все устроили ты, Мег и Брук, и я бесконечно вам благодарен. Что мы будем делать, когда не сможем больше есть? – спросил Лори, чувствуя, что, когда завтрак кончится, его козырная карта окажется уже разыгранной.

– Поиграем в тихие игры, пока не станет прохладнее. Я взяла с собой литературное лото, да и мисс Кейт, надеюсь, знает какие-нибудь новые, интересные игры. Пойди и спроси ее. Она – гостья, и тебе следовало бы уделять ей побольше внимания.

– А ты разве не гостья? Я думал, что ею займется Брук, но он все время беседует с Мег, а Кейт только таращится на них через эти свои нелепые стеклышки. Но я иду, Джо, так что не начинай читать лекцию о правилах хорошего тона, такие вещи у тебя плохо получаются.

Мисс Кейт действительно знала несколько новых игр, и, когда девочки уже не хотели, а мальчики не могли съесть больше, все перешли в гостиную под другим дубом, чтобы поиграть в «чепуху».

– Кто-нибудь начинает рассказывать, любой вздор, и говорит столько, сколько хочет,

только должен следить за тем, чтобы остановиться в самый волнующий момент, и тогда следующий подхватывает, а потом делает то же самое. Это очень забавно, если постараться, и обычно получается отличная трагикомическая история, над которой можно всласть посмеяться. Пожалуйста, мистер Брук, начинайте, – сказала Кейт повелительным тоном, который очень удивил Мег, относившуюся к учителю с не меньшим уважением, чем к любому другому молодому человеку.

Лежа на траве у ног этих двух юных девиц, мистер Брук послушно начал рассказ, неподвижно устремив кра-сивые карие глаза на сверкающую под лучами солнца реку.

– Много лет тому назад жил да был один рыцарь, и отправился он странствовать по свету и искать счастья, так как не было у него ничего, кроме меча да щита. Долго путешествовал он, почти двадцать восемь лет, и приходилось ему нелегко, пока не попал он во дворец доброго старого короля, предлагавшего большую награду тому, кто укротит и приучит к узде великолепного, но необъезженного жере-бенка, которого король очень любил. Рыцарь согласился попробовать и медленно, но верно шел к успеху, так как жеребенок оказался славным малым и скоро научился лю-бить своего наставника, хотя и оставался капризным и свое-вольным. Каждый день рыцарь проезжал на этом любимце короля через город и, пока ехал, повсюду искал взором одно прелестное лицо, которое много раз видел во сне, но никогда не встречал наяву. И вот однажды, гарцуя вдоль тихой улицы, он вдруг увидел это лицо в окне какого-то полуразрушенного замка. Он был в восхищении и, расспросив встречных, узнал, что некий злодей удерживает там с помощью колдовства нескольких плененных им принцесс, которые прядут целыми днями, чтобы накопить денег и заплатить ему выкуп за свою свободу. Рыцарю очень хо-телось помочь им, но он был беден и мог лишь проезжать каждый день мимо замка, глядя на милое лицо и горячо желая когда-нибудь увидеть его вне стен замка под яркими лучами солнечного света. Наконец он решил пробраться в замок и спросить самих принцесс, чем он может быть им полезен. Он подошел и постучал – огромная дверь рас-пахнулась, и он увидел...

– Восхитительную красавицу, которая, просияв, воск-ликнула: «Наконец-то! Наконец!» – продолжила Кейт, ко-торая читала много французских романов и восхищалась их стилем. – «Это она!» – воскликнул граф Густав и упал к ее ногам в иступленном восторге. «О, встаньте, встань-те!» – сказала она, протягивая ему мраморно-белую руку. «Нет, я не встану, пока вы не скажете мне, как я могу спасти вас», – торжественно заявил рыцарь, все еще стоя на коленях. «Увы, жестокою судьбою осуждена я оставаться в заточении, пока тиран мой не будет уничтожен». – «Где этот злодей?» – «В сиреновой гостиной. Идите, мой храб-рец, и спасите меня от вечного отчаяния». – «Повинуюсь – и вернусь с победой или погибну!» И с этими повергающими в трепет словами он бросился к двери сиреновой гостиной, распахнул ее и был уже готов перешагнуть порог, когда получил...

– Оглушительный удар по голове большим греческим словарем, который швырнул в него какой-то старикашка в черной мантии, – продолжил Нед. – Сэр, не помню, как его там, мгновенно оправился, вышвырнул тирана в окно и шагнул назад, чтобы возвратиться к своей красавице с победой и шишкой на челе, но обнаружил, что дверь заперта. Он сорвал занавески с окон, сделал из них веревочную лестницу и был на полпути вниз, когда лестница нежи-данно оборвалась и он полетел вниз с высоты в шестьдесят футов прямо в ров с водой. Но он умел плавать не хуже рыбы и поплыл вокруг замка, пока не добрался до маленькой дверцы, которую охраняли два бравых молодца. Он схватил их и принялся стучать головами друг о друга, пока головы не раскололись как пара орехов, а затем, обнаружив изу-мительную силу, играючи выломал дверь, взбежал вверх по каменным ступеням, покрытым слоем пыли в фут тол-щиной, жабами величиной с кулак и такими пауками, что они напугали бы вас, мисс Марч, до истерики. Но на самом верху лестницы его глазам внезапно предстало зрелище, от которого у него перехватило дыхание и кровь застыла в жилах...

– Высокая фигура, вся в белом, с лицом, скрытым вуалью, стояла перед ним, держа лампу в костлявой руке, – продолжила Мег. – Фигура манила его, бесшумно скользя по

коридору, темному и холодному, как могила. Темные силуэты закованных в броню статуй виднелись по обеим сторонам, кругом царила мертвая тишина, лампа горела голубым пламенем, а призрачная фигура то и дело оборачивалась к нему лицом, пугая блеском ужасных глаз, вспыхивавших за белой вуалью. Так они добрались до скрытой за занавесом двери, за которой звучала чарующая музыка. Рыцарь подскочил к двери, но призрак оттолкнул его и угрожающе взмахнул перед ним...

– Табакеркой, – сказала Джо замогильным голосом, и все слушатели скорчились от смеха. – «Спасибочки», – сказал рыцарь вежливо, взял понюшку и чихнул семь раз с такой неистовой силой, что у него отвалилась голова. «Ха-ха-ха!» – захохотал призрак. И, заглянув в замочную скважину на принцесс, которые пряли не на жизнь, а на смерть, злой дух подобрал свою жертву и сунул ее в большой жестяной ящик, где уже были упакованы, как сардинки, одиннадцать других безголовых рыцарей. Все они вдруг поднялись и начали...

– Танцевать хорнпайп²⁴, – вставил Фред, когда Джо сделала паузу, чтобы перевести дыхание. – И пока они танцевали, полуразрушенный замок превратился в военный корабль под всеми парусами. «Поднять кливера, рифы мар-селей взять, лево руля, людей к орудиям!» – заревел капитан, когда на горизонте показался португальский пиратский бриг с черным, как чернила, флагом, развевающимся на фок-мачте. «Вперед, мои молодцы!» – сказал капитан, и началось ужасное сражение. Конечно, британцы победили; они всегда побеждают.

– Нет, не всегда! – заметила Джо в сторону.

– Они захватили в плен португальского капитана, а на палубе пиратского брига было полно мертвецов и по под-ветренным желобам вместо воды текла кровь, так как приказ пиратам был: «За abordажные сабли, драться до конца!» Британский капитан сказал: «Эй, помощник боцмана, возьми за этого мерзавца – и в воду его, если не признается в своих грехах в два счета». Но португалец был нем как рыба, и его сбросили в море. Но пока моряки веселились как сумасшедшие, этот негодяй подплыл под британский корабль, открыл люк и пустил корабль ко дну со всем экипажем. И они пошли на дно, на самое дно моря, где...

– О Боже! Что же я скажу? – воскликнула Салли, когда Фред завершил свою «чепуху», в которой смешал как попало фразы и факты из своей любимой книжки про моряков. – Ну, ладно, значит, они пошли на дно, где их приветствовала милая русалка, которая, впрочем, была не-мало огорчена, обнаружив ящик с безголовыми рыцарями, и любезно засолила их в растворе океанской соли, надеясь когда-нибудь в будущем узнать их роковую тайну, ибо, как всякая женщина, была очень любопытна. И вот однажды на дно спустился ловец жемчуга, и русалка сказала ему: «Я дам тебе этот ящик жемчуга, если только ты сможешь поднять его наверх». Она хотела вернуть бедняг к жизни, но не могла поднять этот тяжелый груз сама. Итак, ловец жемчуга поднял ящик, вытащил его на берег и был разочарован, когда, открыв его, не нашел никакого жемчуга. Он оставил ящик на широком зеленом лугу, где его нашла...

– Маленькая девочка, которая пасла там сотню жирных гусей, – сказала Эми, когда Салли истощила свою изобретательность. – Девочке стало очень жаль рыцарей, и она спросила добрую старушку, что нужно сделать, чтобы по-мочь им. «Твои гуси скажут тебе, они знают все», – отвечала старушка. И девочка спросила у гусей, из чего она могла бы сделать им новые головы, если старые потеряны, и в ответ гуси заготовили в сотню глоток...

– «Из капусты!» – подхватил Лори живо. – «Правильно!» – сказала девочка и побежала на свой огород, чтобы притащить двенадцать кочнов капусты. Она приставила их рыцарям, и они сразу ожили, поблагодарили ее и радостно пустились в путь, даже не замечая никакой разницы, потому что на свете так много других подобных голов и никого это уже не волнует. Рыцарь, которым я интересуюсь, отправился снова к заколдованному замку, чтобы найти свою красавицу, и выяснил, что все принцессы уже напряли столько, что получили

²⁴ хорнпайп – английский матросский танец

свободу и уехали, чтобы выйти замуж. Все, кроме одной. Он пришел в огромное волнение и, вскочив на жеребчика, который был верен ему и оставался с ним во всех испытаниях, вихрем помчался в замок, чтобы увидеть, которая же из них осталась. Заглянув за живую изгородь, он увидел королеву своего сердца, собирающую цветы в своем саду. «Не дадите ли вы мне розу?» – спросил он. «Вы должны войти и взять ее. Я не могу подойти к вам первая, это неприлично», – сказала она сладким как мед голосом. Он попытался перелезть через живую изгородь, но она, казалось, росла все выше и выше, тогда он попробовал пробиться сквозь нее, но она становилась все гуще и гуще, и он пришел в отчаяние. Он принялся терпеливо ломать веточку за веточкой, пока не проделал маленькое отверстие в изгороди. Заглянув в него, рыцарь умоляюще заговорил: «Впусти! Впусти меня!» Но прекрасная принцесса, должно быть, не понимала его, ибо продолжала спокойно срезать розы, предоставив ему самому пробиваться к ней. Удалось это ему или нет, вам скажет Френк.

– Я не могу, я не играю, я никогда не играю, – сказал Френк, в ужасе от необходимости вывести нелепую пару из столь затруднительного сентиментального положения. Бесс спряталась за Джо, а Грейси спала.

– Неужели бедному рыцарю так и оставаться застряв-шим в живой изгороди? – спросил мистер Брук, по-преж-нему глядя на реку и играя дикой розочкой в своей бу-тоньерке.

– Я думаю, что спустя некоторое время принцесса вру-чила ему букет и открыла калитку, – сказал Лори, чуть заметно усмехнувшись и бросив желудем в своего настав-ника.

– Что за чепуху мы нагородили! Потренировавшись, мы могли бы придумать что-нибудь поумнее, – сказала Сал-ли и, после того как они вдоволь посмеялись над своей историей, спросила: – А «Настоящую правду» вы знаете?

– Надеюсь, что так, – отвечала Мег очень серьезно.

– Игру, я хочу сказать.

– Что за игра? – спросил Фред.

– Очень простая: бросаем жребий и тот, чей номер выпадет, должен честно ответить на вопросы, которые за-дают остальные. Это очень забавно.

– Давайте попробуем, – сказала Джо, которая любила все новое.

Мисс Кейт, мистер Брук, Мег и Нед отказались участ-вовать, но Фред, Салли, Джо и Лори бросили жребий. Первому пришлось отвечать на вопросы Лори.

– Кого ты считаешь своими героями? – спросила Джо.

– Дедушку и Наполеона.

– Какая из присутствующих здесь девушек самая кра-сивая, на твой взгляд? – спросила Салли.

– Маргарет.

– А какая тебе больше всего нравится? – такой вопрос задал Фред.

– Джо, разумеется.

– Какие глупые вопросы вы задаете! – И Джо с пре-небрежением пожала плечами, в то время как остальные смеялись над сухим, деловым тоном Лори.

– Попробуем еще – неплохая игра эта «Правда», – сказал Фред.

– Да, для вас она очень хороша, – отвечала Джо впол-голоса.

Следующей была ее очередь.

– Какой самый большой ваш недостаток? – спросил Фред, желая испытать в ней ту добродетель, которой не обладал сам.

– Вспыльчивость.

– Что ты больше всего хотела бы получить? – спросил Лори.

– Пару шнурков для ботинок, – отвечала Джо, разга-дав его замысел.

– Нечестный ответ; ты должна сказать, чего ты дей-ствительно хочешь.

– Талант; ты хотел бы, чтобы в твоих силах было подарить его мне, не так ли, Лори?

И она лукаво улыбнулась, глядя на его разочарованное лицо.

– Какие достоинства ты больше всего ценишь в муж-чине? – спросила Салли.

– Храбрость и честность.

- Теперь моя очередь, – сказал Фред, взглянув на вы-павший номер.
- Давай зададим ему, – шепнул Лори Джо, которая кивнула и сразу спросила:
- Вы жульничали, когда играли в крокет?
- Ну, пожалуй, чуть-чуть.
- Хорошо! А свою историю вы взяли из книжки «Мор-ской лев»?
- Отчасти.
- Вы считаете, что английская нация совершенна во всех отношениях? – спросила Салли.
- Мне было бы стыдно за себя, если бы я считал иначе.
- Он настоящий Джон Буль²⁵. Теперь, мисс Салли, ваш черед, и жребий не надо бросать. Для начала я хочу потерзать вас вопросом: не думаете ли вы, что вы в какой-то степени кокетка? – спросил Лори, когда Джо кивнула Фреду в знак заключения мира.
- Какой вы дерзкий! Конечно же нет! – воскликнула Салли с видом, подтверждавшим прямо противоположное.
- Что вы ненавидите больше всего? – спросил Фред.
- Пауков и рисовый пудинг.
- А любите больше всего? – спросила Джо.
- Танцы и французские перчатки.
- Мне кажется, что «Правда» очень глупая игра, да-вайте займемся более разумной – вот литературное лото, чтобы освежить в памяти наши знания, – предложила Джо.
- Нед, Френк и младшие девочки присоединились к ним, а трое старших, пока шла игра, сидели в стороне, беседуя. Мисс Кейт снова взялась за свой эскиз, Маргарет наблюдала за ней, а мистер Брук лежал на траве с книгой, которую не читал.
- Как у вас красиво получается! Жаль, что я не умею рисовать, – сказала Мег со смешанным чувством восхищения и сожаления.
- Почему вы не учитесь? Я полагаю, у вас найдется для этого и вкус и талант, – любезно отвечала мисс Кейт.
- У меня нет времени.
- Вероятно, ваша мама предпочитает развивать в вас другие таланты. С моей было то же самое, но я сумела доказать ей, что у меня есть способности к рисованию. Я взяла несколько уроков по секрету от нее, а потом она сама охотно позволила мне продолжать. Может быть, и вам проделать то же с помощью вашей гувернантки?
- У меня нет гувернантки.
- О, я забыла, что в Америке не так, как у нас, и девочки чаще учатся вне дома. Папа говорил мне, что школы у вас превосходные. Вы, вероятно, посещаете частную школу?
- Я не хожу в школу. Я сама гувернантка.
- О, неужели? – сказала мисс Кейт, но прозвучало это так, как если бы она воскликнула: «Боже мой, какой ужас!» – и что-то, промелькнувшее в ее лице, заставило Мег пожалеть о своей откровенности.
- Мистер Брук поднял взгляд и сказал быстро:
- В Америке девушки любят независимость не меньше, чем их доблестные предки, и мы восхищаемся нашими соотечественницами и уважаем их, если они сами зарабатывают себе на жизнь.
- О, да, конечно, это очень мило, и правильно, что они так поступают. У нас тоже много достойных молодых женщин благородного происхождения, которые делают то же самое, и их берут гувернантками в аристократические дома, так как они хорошо воспитаны и образованы, – сказала мисс Кейт покровительственным тоном, который нанес тя-желый удар самолюбию Мег, и ее работа стала казаться ей не только еще более неприятной, но и унижительной.

²⁵ настоящий Джон Буль – насмешливое прозвище англичан

– Понравился ли вам перевод немецкой песни, мисс Марч? – спросил мистер Брук, прервав неловкую паузу.

– О, да, она очень хороша, и я благодарна тому, кто перевел ее для меня. – И огорченное лицо Мег прояснилось.

– Вы не читаете по-немецки? – спросила мисс Кейт, удивленно взглянув на нее.

– Читаю, но не очень хорошо. Мой папа учил меня, но сейчас он в армии, а одной мне трудно заниматься, так как Некому поправлять мое произношение.

– Попробуйте сейчас; вот «Мария Стюарт» Шиллера и учитель, который любит учить. – И мистер Брук положил свою книгу ей на колени, улыбкой приглашая ее почитать.

– Это так трудно, я боюсь начать, – сказала Мег с благодарностью, но испытывая смущение, от присутствия образованной юной леди.

– Я начну, чтобы ободрить вас. – И мисс Кейт прочла один из самых красивых отрывков произведения совершенно правильно, но вместе с тем совершенно невыразительно.

У мистера Брука ее чтение не вызвало ни похвал, ни замечаний, но когда она вернула книгу Мег, та наивно заметила:

– А я думала, что это стихи.

– Есть и стихи. Попробуйте прочесть этот отрывок. – И что-то вроде улыбки промелькнуло в лице мистера Брука, когда он открыл книгу на горьких жалобах несчастной Марии.

Мег послушно следовала за длинной травинкой, которую ее новый учитель использовал вместо указки, и читала медленно и робко, невольно превращая в поэзию трудные слова мягкими интонациями своего мелодичного голоса. Зе-леная указка скользила вниз по странице, и, забыв о слушателях, увлеченная красотой этой печальной сцены, Мег читала так, словно была одна, придавая трагическое звучание словам несчастной королевы. Если бы в это время она увидела, с каким выражением устремлены на нее карие глаза, то без сомнения резко оборвала бы чтение; но она ни разу не подняла глаза, и урок оказался для нее приятным.

– Очень хорошо! – сказал мистер Брук, когда она сделала паузу. Он ни словом не упомянул о ее многочисленных ошибках и смотрел на нее с таким видом, словно и в самом деле «любил учить».

Мисс Кейт поднесла к глазам свои «стеклышки» и, взглянув на эту небольшую сценку, закрыла альбом для зарисовок; затем она снисходительно заметила:

– У вас приятный акцент, и со временем вы сможете хорошо читать. Я советую вам учиться. Знание немецкого очень ценно для учительницы. Я должна пойти к Грейс, она что-то расшалилась. – И мисс Кейт удалилась, чуть заметно пожав плечами и добавив про себя: «Я не предполагала, что стану компаньонкой какой-то гувернантки, пусть даже она молодая и хорошенькая. Что за странные люди эти янки! Боюсь, Лори совершенно испортится в таком обществе».

– Я забыла, что англичане свысока смотрят на гувернанток и относятся к ним не так, как мы, – сказала Мег, глядя вслед удаляющейся фигуре с раздосадованным видом.

– Учителям-мужчинам тоже приходится там нелегко из-за этого, насколько мне известно. Нет на свете другого такого места, как Америка, для нас, тружеников, мисс Мар-гарет. – И, говоря это, мистер Брук выглядел таким довольным и радостным, что Мег стало стыдно сетовать на свой тяжкий жребий.

– Тогда я рада, что живу здесь. Мне не нравится моя работа, но все же она приносит немалое удовлетворение, так что я не стану роптать. Жаль только, что я, в отличие от вас, не люблю учить.

– Я думаю, вы тоже полюбили бы свой труд, если бы вашим учеником оказался Лори. Мне будет очень грустно расстаться с ним в будущем году, – сказал мистер Брук, старательно делая ямки в дерне.

– Он поедет в университет, я полагаю? – Губы Мег произнесли лишь этот вопрос, но глаза добавили: «А что будет с вами?»

– Да, ему уже пора, он хорошо подготовлен; и как только он перестанет брать уроки, я стану солдатом. Там я нужен.

– Как я рада! – воскликнула Мег. – Мне кажется, что каждый молодой мужчина хочет пойти в армию, хотя это тяжелое испытание для матерей и сестер, которые остаются дома, – добавила она печально.

– У меня нет родных и очень мало друзей, которых заботило бы, жив я или умер, – сказал мистер Брук с горечью, рассеянно опуская увядшую розу в ямку, которую проделал, и засыпая ее землей, словно маленькую могилу.

– Лори и его дедушка будут очень тревожиться о вас, и все мы будем глубоко огорчены, если с вами что-нибудь случится, – отвечала Мег дружески.

– Спасибо на добром слове, – начал мистер Брук, снова оживившись; но, прежде чем он успел договорить, к ним с топотом и грохотом подлетел Нед, оседлавший старую лошадь, чтобы продемонстрировать дамам свое искусство наездника, и больше в тот день тишины не было.

– Ты любишь ездить верхом? – спросила Грейс у Эми, когда они остановились отдохнуть после гонки по полю вместе с остальными во главе с Недом.

– До безумия люблю; моя сестра Мег часто ездила верхом, когда наш папа был богат, но теперь мы не держим лошадей. У нас есть только Яблонева Эллен, – добавила Эми со смехом.

– Расскажи мне про Яблоневую Эллен. Это ослик? – спросила Грейс с любопытством.

– Видишь ли, Джо с ума сходит по лошадям, и я тоже, но у нас есть только старое дамское седло и никакой лошади. В саду у нас растет яблоня с отличным низким суком, так что Джо вешает на него седло, привязывает вожжи там, где сук загибается кверху, и мы скачем на нашей Яблонева Эллен когда захотим.

– Забавно! – засмеялась Грейс. – У меня дома есть пони, и я почти каждый день катаюсь верхом в парке вместе с Фредом и Кейт. Это очень приятно, потому что мои друзья тоже катаются в Роу²⁶ и там полно гуляющих.

– Ах, какая прелесть! Я надеюсь, что когда-нибудь поеду за границу, но я больше хотела бы поехать в Рим, чем в Роу, – сказала Эми, которая не имела ни малейшего представления о том, что такое Роу, но не спросила бы об этом ни за что на свете.

Френк, наблюдавший за резвыми мальчишками, выделывавшими всевозможные забавные курбеты на лугу, услышал разговор младших девочек и с досадой оттолкнул свой костыль. Бесс, которая собирала рассыпанные карточки литературного лото, подняла глаза и сказала, как всегда, робко, но дружески:

– Боюсь, вы устали; не могу ли я чем-то помочь вам?

– Поговорите со мной, пожалуйста; скучно сидеть одному, – ответил Френк, который, очевидно, привык к тому, что дома ему уделяли много внимания. Даже если бы он попросил ее произнести торжественную речь на латыни, это не показалось бы застенчивой Бесс более невыполнимой задачей, но бежать было некуда и не было поблизости Джо, за которую можно было бы спрятаться, а бедный мальчик смотрел на нее так печально, что она мужественно решила попробовать.

– О чем вы хотели бы поговорить? – спросила она, смущенно вертя в руках стопку карточек и роняя половину при попытке перевязать их ленточкой.

– Я люблю слушать про крикет, греблю и охоту, – сказал Френк, еще не научившийся находить для себя по-настоящему сильные развлечения.

«О Боже! Что же я скажу? Я ничего об этом не знаю», – подумала Бесс и, забыв в своем волнении о несчастье мальчишки, сказала в надежде разговорить его:

– Я никогда не видела охоту, но я думаю, вы все об этом знаете.

– Знал когда-то; но больше я никогда не смогу охотиться, потому что получил травму,

²⁶ Роттен-Роу – аллея для верховых прогулок

когда прыгал на лошади через проклятый барьер с пятью перекладинами. Так что лошади и гончие – это теперь не для меня, – сказал Френк со вздохом, услышав который бедная Бесс возненавидела себя за свой невинный промах.

– Ваши олени гораздо красивее, чем наши бизоны, – сказала она, обращаясь за помощью к прериям и радуясь, что прочла одну из книжек для мальчиков, которыми зачитывалась Джо.

Бизоны принесли умиротворение и удовлетворение, и в своем горячем желании развлечь другого Бесс забыла себя и совершенно не заметила удивления и радости, которые вызвало у ее сестер это необычное зрелище: Бесс, без умолку болтающая с одним из этих «ужасных мальчишек», от которых просила защиты.

– Благослови ее Бог! Ей жаль его, и потому она добра к нему, – сказала Джо, с улыбкой глядя на Бесс с крокетной площадки.

– Я всегда говорила, что она – маленькая святая, – добавила Мег так, словно отныне сомнений в этом быть не могло.

– Я давно не слышала, чтобы Френк столько смеялся, – сказала Грейс, обращаясь к Эми; обе сидели, беседуя о куклах и изготавливая чайные сервизы из шапочек желудей.

– В моей сестре Бесс очень много *обоняния*, – отозвалась Эми, весьма довольная успехами Бесс. Она имела в виду «обаяние», но, так как Грейс не знала точного значения ни одного, ни другого слова, «обоняние» прозвучало эф-фектно и произвело хорошее впечатление.

Импровизированный цирк, игра «волки и овцы» и новая дружеская встреча двух команд на крокетной площадке завершили день. На закате палатка была свернута, корзины с остатками еды и посудой упакованы, воротца выдернуты, лодки загружены, и вся компания поплыла вниз по реке, громко распевая. Нед, сделавшийся сентиментальным, за-лился серенадой с меланхолическим рефреном:

О, как я одинок,

а дойдя до слов:

Мы так юны с тобой,
В сердце песнь и весна,
Ах, зачем же, друг мой,
Ты со мной холодна? –

он взглянул на Мег с таким томным выражением, что она засмеялась и испортила его пение.

– Как вы можете быть так жестоки со мной? – шепнул он под прикрытием громкого хора. – Вы весь день не от-ходили от этой церемонной англичанки, а теперь смотрите на меня свысока и смеетесь.

– Я не хотела вас обидеть, но у вас такой забавный вид, что я, право же, никак не могла удержаться от сме-ха, – ответила Мег, оставив без внимания первую полови-ну его упрека, так как она действительно избегала его, помня о вечере у Моффатов и последовавшем разговоре с матерью.

Разобиженный Нед обратился за утешением к Салли, сказав ей довольно брюзгливым тоном:

– Ну не кокетка ли эта девушка!

– Чуть-чуть, но она – само очарование, – ответила Салли, которая защищала своих подруг, даже признавая их недостатки.

– Уж скорее само разочарование, – сказал Нед, пыта-ясь сострить и преуспев не более, чем обычно преуспевают в этом молодые люди.

На той же самой лужайке, откуда утром началось пу-тешествие, участники маленькой

компании расстались с сердечными восклицаниями: «Доброй ночи!» и «До свидания!», так как на следующий день Воунам предстояло отправиться в Канаду. Когда четыре сестры зашагали домой через сад, мисс Кейт проводила их взглядом и сказала без всякого покровительственного оттенка в голосе:

– Несмотря на их слишком непосредственные манеры, американские девочки очень милы, когда с ними познако-мишься поближе.

– Я с вами совершенно согласен, – отозвался мистер Брук.

Глава 13

Воздушные замки

В один из теплых сентябрьских дней Лори лежал в гамаке, с наслаждением покачиваясь и гадая о том, что подделывают его соседки, но ленился встать, чтобы пойти и выяснить это. Настроение у него было скверное, так как день не принес ни полезных результатов, ни удовлетворения, и Лори жалел, что не может прожить его заново. Стоявшая жара располагала к лени, и он увильнул от учебы, подвергнув жестокому испытанию терпение мистера Брука, рассердил дедушку тем, что полдня играл на рояле, чуть ли не до безумия напугал горничных, из озорства намекнув, что одна из его собак взбесилась, а после разговора в повышенном тоне с конюхом по поводу якобы нерадивого ухода за его лошадью бросился в гамак и, лежа в нем, возмущался глупостью сего мира в целом, пока тишина и покой прекрасного дня не успокоили его вопреки его собственному желанию. Он смотрел вверх в зеленый сумрак развесистых крон конских каштанов, и в голове его рождались самые разные мечты. В то самое время, когда он воображал себя участником кругосветного путешествия, не-сущимся по волнам океана, долетевший до него звук голосов в одно мгновение возвратил его на берег. Бросив взгляд через ячейки гамака, он увидел соседок, выходящих из дома с таким видом, словно они отправлялись в экспедицию.

«Да что же такое эти девчонки собираются делать?» – подумал Лори, пошире открывая сонные глаза, чтобы как следует разглядеть соседок, так как было что-то необычное в том, как они выглядели. На каждой была широкополая шляпа, в руке – длинная палка, на плече висела темная холщовая сумка. Мег несла подушку, Джо – книгу, Бесс – корзинку, а Эми – папку с бумагой для рисования. Они тихо прошли через сад, миновали маленькую заднюю ка-литку и начали взбираться на холм, отделявший дом от реки.

«Однако не очень-то любезно! – сказал сам себе Ло-ри. – Устроить пикник и даже не пригласить меня! Вряд ли они поедут на лодке, ведь у них нет ключа от сарая, где лежат лодки. Может быть, они забыли о нем? Отнесу им ключ и посмотрю, что там происходит».

Хотя у него и было целых полдюжины шляп, потребо-валось некоторое время, чтобы найти хоть одну; затем по-следовали поиски ключа, который наконец был обнаружен в кармане, и к тому времени, когда он перепрыгнул через изгородь и побежал за девочками, они уже совсем скрылись из виду. Кратчайшим путем он добежал до сарая, где хра-нились лодки, и стал ждать прихода соседок; но никто не г-оявился. Тогда он поднялся на холм, чтобы увидеть, что происходит. Часть холма занимала сосновая роща, и из глубины этого зеленого участка доносились более отчетли-вые звуки, чем нежный шепот сосен или усыпляющий стре-кот сверчков.

«Что за пейзаж!» – вглядываясь между ветками кустов, подумал Лори, уже совершенно проснувшийся и снова до-бродушный.

И действительно, картина была хороша: сестры сидели все вместе в тенистом уголке рощи, пятна солнечного света и тени трепетали на их лицах и платьях, душистый ветерок играл их волосами и остужал горячие щеки, а все маленькие обитатели рощи продолжали мирно заниматься своими де-лами, так, словно вновь прибывшие были отнюдь не чужа-ками, а просто старыми друзьями. Мег сидела на своей подушке и выглядела свежей и прелестной, как цветок, в своем розовом платье на фоне зелени. Бесс выбирала шишки из большой кучи, лежавшей под елью; она умела делать из них очень красивые вещицы. Эми

срисовывала папоротники, а Джо вязала и читала вслух. Тень пробежала по лицу мальчика, пока он глядел на них; он чувствовал, что ему следует уйти, так как его не приглашали, и все же медлил: дома было слишком уныло, а это тихое общество в роще казалось необычайно привлекательным для его мя-тущегося духа. Он стоял так тихо и неподвижно, что белка, занятая сбором урожая, сбежала вниз по сосне совсем рядом с ним, но, неожиданно увидев его, быстро запрыгала вверх с таким пронзительным и недовольным визгом, что Бесс подняла голову и, заметив печальное лицо за березами, кивнула ему с ободряющей улыбкой.

– Можно мне присоединиться к вам? Или я поме-шаю? – спросил он, медленно приближаясь.

Мег подняла брови, но Джо сердито и с вызовом взгля-нула на нее и тут же ответила:

– Конечно, можно. Нам следовало бы пригласить тебя заранее, но мы подумали, что тебе не интересны такие девичьи развлечения, как это.

– Мне всегда нравятся ваши развлечения, но, если Мег не хочет, чтобы я присутствовал, я уйду.

– Я ничуть не возражаю, если ты будешь что-нибудь делать; быть здесь праздным – против правил, – отвечала Мег серьезно, но любезно.

– Премного обязан. Я буду делать все, что хотите, только позвольте мне немного побыть здесь, а то там, внизу, тоскливо, как в пустыне Сахара. Что я должен делать? Шить, читать, искать шишки, рисовать? Или все сразу? Давайте любую работу, я готов. – И Лори с покорным видом, радовавшим взор.

– Дочитай рассказ, а я пока свяжу пятку, – сказала Джо, вручая ему книжку.

– Слушаю, мэм, – отвечал он кротко и начал читать, стремясь выказать свою благодарность за честь быть допу-щенным в «Общество усердных пчелок».

Рассказ оказался не очень длинным, и, закончив чтение, Лори, чувствуя, что заслуживает награды, решил задать несколько вопросов.

– Позволено ли мне будет спросить, мэм, является ли нововведением сей необычайно поучительный и привлека-тельный обычай?

– Скажем ему? – спросила Мег у сестер.

– Он будет смеяться, – предостерегла Эми.

– Ну и что? – отвечала Джо.

– Я думаю, что ему понравится, – добавила Бесс.

– Конечно понравится! И даю вам слово, что не буду смеяться. Выкладывай, Джо, не бойся.

– Вот еще! Тебя бояться! Понимаешь, мы играем в «Путешествие пилигрима», причем играем всерьез, и зимой и летом.

– Да, я знаю, – кивнул Лори.

– Кто тебе сказал? – спросила Джо.

– Духи.

– Нет, это я сказала. Я хотела развлечь его однажды вечером, когда никого из вас не было дома, а он выглядел таким угрюмым. Ему понравилось, так что не брани меня, Джо, – сказала Бесс кротко.

– Ты не умеешь хранить секрет. Ну, ничего, зато мень-ше хлопот теперь – и рассказывать не надо.

– Продолжай, пожалуйста, – попросил Лори, когда Джо снова погрузилась в работу с несколько недовольным видом.

– Разве она не рассказала тебе о нашем новом плане? Мы очень старались, чтобы наши каникулы не пропали зря: у каждой была своя цель и каждая усердно трудилась, добиваясь ее. Теперь каникулы почти кончились, вся работа, что мы себе задали, сделана, и мы очень рады, что не лодырничали.

– Да, конечно. – И Лори с сожалением подумал о тех днях, что сам провел в праздности.

– Мама хочет, чтобы мы как можно больше времени находились на свежем воздухе,

поэтому мы приносим сюда свою работу и славно проводим время. Для забавы мы носим наши вещи в холщовых мешках, на головы надеваем старые шляпы, берем палки, чтобы взбираться на холм, и играем в пилигримов, как делали это много лет назад. Мы называем этот холм Горой Услады, потому что отсюда мы можем смотреть вдаль и видеть чудесную страну, где мы надеемся когда-нибудь поселиться.

Лори приподнялся, чтобы взглянуть туда, куда указала рукой Джо. Через просвет между деревьями можно было видеть широкую голубую реку, луга на другой ее стороне, а за ними очертания большого города и зеленые холмы, поднимающиеся к небу. Солнце висело низко, не-бо пылало великолепием осеннего заката. Золотые и пур-пурные облака лежали на вершинах холмов, и в красно-ватом сиянии высоко вздымались серебристо-белые пики, сверкающие словно фантастические шпильки Небесного Го-рода.

– Как красиво! – сказал Лори чуть слышно; он был очень восприимчив к красоте любого рода.

– Такая картина часто бывает здесь, и мы любим на нее смотреть, потому что она никогда не повторяется, но каждый раз великолепна, – отозвалась Эми, думая о том, как было бы хорошо нарисовать этот пейзаж.

– Джо рассказывает нам о стране, где мы надеемся когда-нибудь поселиться, – она имеет в виду настоящую сельскую местность, со свиньями, цыплятами, сенокосом. Это было бы прекрасно, но я хотела бы, чтобы настоящей была та чудесная страна, там, в вышине, и мы могли бы попасть туда, – сказала Бесс задумчиво.

– Есть страна даже еще более прекрасная, чем эта, и туда мы в конце концов попадем, если будем достаточно хороши для этого, – отвечала Мег нежным голосом.

– Но так долго нужно ждать, а это трудно. Я хочу улететь сразу, как ласточки, и войти в те великолепные ворота.

– Ты попадешь туда, Бесс, рано или поздно; нет со-мнения, – сказала Джо. – А я из тех, кому придется бо-роться и трудиться, карабкаться и ждать и, может быть, так никогда и не добраться туда.

– Вероятно, я составлю тебе компанию; не знаю только, можно ли найти в этом утешение. Мне тоже придется немало скитаться, прежде чем я увижу ваш Небесный Город. Если я явлюсь слишком поздно, ты замолвишь там за меня словечко, хорошо, Бесс?

Что-то в выражении лица мальчика обеспокоило его маленькую подругу, но она ответила радостно, устремив безмятежный взгляд на медленно меняющиеся облака:

– Если люди действительно хотят прийти туда и по-настоящему стараются всю жизнь, они доберутся; я не верю, что есть замки на той двери или стражи у ворот. Я всегда представляю это так, как на той картинке в «Путешествии пилигрима», где сияющие фигуры протягивают руки к бед-ному Христиану, приветствуя его, когда он выходит из реки.

– Как было бы здорово, если бы все воздушные замки, которые мы строим в мечтах, могли стать настоящими и в них можно было бы жить, – сказала Джо после небольшой паузы.

– Я настроил их столько, что мне было бы трудно выбрать, в каком из них поселиться, – отозвался Лори, лежа на траве и бросая шишки в выдавшуюся ему белку.

– Ты поселился бы в самом любимом. И каков же он? – спросила Мег.

– Если я расскажу о моем, ты согласишься рассказать о своем?

– Да, если девочки тоже расскажут.

– Мы согласны. Начинай, Лори.

– После того как я постраниствовал бы сколько душе угодно и поглядел мир, я поселился бы в Германии и слушал музыку столько, сколько захочется. И мне предстоит самому стать знаменитым музыкантом, и все живущее будет стремиться услышать меня, и я никогда не буду беспокоить себя заботой о деньгах или делах, а буду лишь наслаждаться и жить ради того, что мне нравится. Вот мой любимый воздушный замок. А каков твой, Мег?

Казалось, Маргарет было немного трудно начать свой рассказ. Она помахала папоротником перед лицом, как бы отгоняя воображаемых комаров, и сказала медленно:

– Я хотела бы иметь прелестный дом, полный всевозможной роскоши – хорошая еда, красивая одежда, дорогая мебель, приятные люди и куча денег. Я буду хозяйкой в нем и буду управлять всем этим как хочу. У меня будет множество слуг, так что мне никогда не придется делать и самой малой доли работы. Как бы я была счастлива! Ведь я не была бы праздной, я бы делала добро и этим заставила бы всех горячо любить меня.

– А разве не было бы хозяина в твоём воздушном замке? – спросил Лори лукаво.

– Я же сказала – приятные люди. – И, говоря это, Мег принялась аккуратно шнуровать туфлю, так что никому не было видно её лица.

– Почему ты не скажешь, что у тебя будет замечательный, умный, добрый муж и несколько детишек-ангелочков? Ты же знаешь, без них твой замок не будет совершенным, – заявила прямолинейная Джо, у которой ещё не было собственных нежных фантазий и которая пренебрежительно относилась к любовным историям, если встречала их не в книжке.

– Уж в твоём-то не будет ничего, кроме лошадей, чернильниц и книжек, – отвечала Мег раздражённо.

– Неужели нет? У меня была бы конюшня, полная арабских скакунов, комнаты, заваленные книгами, а писала бы я, макая перо в волшебную чернильницу, так что мои творения стали бы такими же знаменитыми, как музыка Лори. Но прежде чем отправиться в мой дворец, я хочу совершить что-нибудь выдающееся – что-нибудь героическое или удивительное, такое, о чем не забудут и после моей смерти. Я не знаю точно, что это будет, но жду случая и намерена когда-нибудь поразить вас всех. Я думаю, что буду писать книги, стану богатой и знаменитой: это мне по вкусу, так что это и есть моя любимая мечта.

– Моя – благополучно оставаться дома с папой и мамой и помогать заботиться о семье, – сказала Бесс с довольным видом.

– Разве ты не хочешь ничего больше? – спросил Лори.

– С тех пор как у меня появилось моё маленькое пианино, я совершенно счастлива. Я хочу только, чтобы все мы были здоровы и не разлучались, и ничего больше.

– У меня так много желаний, но главное – стать художницей, поехать в Рим, рисовать прекрасные картины и сделаться лучшим художником в мире, – таковы были скромные мечты Эми.

– Честолюбивая компания, не так ли? Каждый из нас, кроме Бесс, хочет быть богатым, знаменитым и блистательным во всех отношениях. Интересно, осуществятся ли наши желания когда-нибудь? – сказал Лори, жуя травинку, словно задумчивый теленок.

– У меня есть ключ от моего воздушного замка, но сумею ли я открыть дверь, это ещё предстоит выяснить, – заметила Джо таинственно.

– У меня тоже есть ключ от моего, но мне даже не дают попробовать. Пропали он пропадом, этот университет! – пробормотал Лори со вздохом досады.

– Вот мой ключ! – И Эми помахала своим карандашом.

– У меня нет ключа, – сказала Мег безнадежным тоном.

– Есть, – тут же отозвался Лори.

– Какой?

– Твое красивое лицо.

– Глупости, от этого никакой пользы.

– Поживем – увидим, не принесет ли оно тебе что-нибудь стоящее, – ответил мальчик, засмеявшись при мысли об отличном маленьком секрете, который, как он полагал, был известен ему одному.

Мег покраснела и, закрывшись папоротником, устремила взгляд на реку с таким же выжидательным выражением, какое было у мистера Брука, когда он рассказывал историю о рыцаре.

– Если через десять лет все мы будем живы, давайте встретимся и посмотрим, много ли наших желаний сбылось или насколько ближе стали мы к их осуществлению, чем сейчас, – сказала Джо, у которой всегда был наготове какой-нибудь план.

– Боже мой! Какой я буду старой – двадцать семь! – воскликнула Мег, которая чувствовала себя взрослой, хотя ей лишь недавно исполнилось семнадцать.

– Нам с тобой, Тедди, будет по двадцать шесть, Бесс – двадцать четыре, а Эмн – двадцать два. Какое почтенное общество! – сказала Джо.

– Я надеюсь, что к тому времени уже сделаю что-ни-будь, чем можно будет гордиться. Но я такой лентяй, Джо, боюсь, я буду, как ты выражаешься, «лодырничать».

– Мама говорит, что тебе нужен стимул, побудитель-ный мотив; и, как только он у тебя появится, она уверена, ты будешь работать замечательно.

– Она так говорит? Клянусь Юпитером, я буду тру-диться, если только у меня будет такая возможность! – приподнявшись, воскликнул Лори с неожиданным приливом энергии. – Я должен радоваться, что могу угодить дедушке, и я буду стараться, но это против моего желания и, как вы понимаете, дается с трудом. Он хочет, чтобы я стал торговцем, торговал с Индией, как прежде он сам, а по мне уж лучше умереть. Терпеть не могу чай, шелк, пряности и прочую чепуху, которую возят эти его старые корабли, и, когда я стану их владельцем, мне будет ровным счетом наплевать, как скоро они пойдут ко дну. Я думаю, что мне следует пойти в университет, чтобы угодить ему, потому что, если я соглашусь ради него потерять четыре года, его долгом будет отпустить меня и не заставлять заниматься делами его торговой компании. Но он упрям, и, боюсь, мне придется делать в жизни то же, что делал он, если только я не убегу и не займусь тем, чем мне хочется, так же как мой отец. Если бы здесь был кто-нибудь, кто мог бы остаться со стариком, я завтра же убежал бы.

Лори говорил взволнованно, и было очевидно, что до-статочно малейшего повода, чтобы он привел в исполнение свою угрозу, ибо рос он очень быстро и, несмотря на при-вычку к праздности, испытывал, как любой молодой муж-чина, отвращение ко всякого рода зависимости и беспокой-ную жажду встретиться с этим миром лицом к лицу.

– Я советую тебе уплыть на одном из твоих кораблей и не возвращаться, пока тебе не надоест жить по-своему, – сказала Джо, чье воображение воспламенилось при мысли о столь дерзновенном подвиге и чье сочувствие было по-догрето тем, что она называла «нарушением законных прав Тедди».

– Ты не права, Джо, и не должна так говорить, а Лори не должен следовать твоему дурному совету. Дорогой мой мальчик, ты должен делать именно то, чего хочет твой дедушка, – сказала Мег самым материнским тоном. – Ста-райся хорошо учиться в университете, и, когда он увидит, что ты хочешь угодить ему, я уверена, он не будет суров или несправедлив к тебе. Как ты сам говоришь, у него нет никого, кто мог бы остаться с ним и заботиться о нем, и ты никогда не простишь себе, что покинул его без его согласия. Не унывай и не злись, но просто исполняй свой долг, и ты получишь награду, такую же, как мистер Брук, то есть будешь любим и уважаем.

– Что ты знаешь о Бруке? – спросил Лори. Он ис-пытывал благодарность за добрый совет, но был недоволен ее поучительным тоном, хотя и обрадован возможностью отвести разговор от себя после своей необычной вспышки чувств.

– Я знаю только то, что рассказал нам о нем твой дедушка: как он нежно заботился о своей матери до самой ее смерти и не поехал гувернером за границу в одну очень хорошую семью потому, что не хотел оставить мать в оди-ночестве; и как теперь он помогает старушке, которая уха-живала за его матерью, но никогда никому об этом не рассказывает, и какой он великодушный, добрый и терпе-ливый.

– Все правда, такой он и есть, дорогой старый друг! – сказал Лори сердечно, когда Мег сделала паузу, раскрас-невшись и проникнувшись глубоким чувством от собствен-ных слов. – Как это похоже на дедушку – узнать все о человеке и, ничего не говоря ему, рассказать всем о его добродетелях, чтобы они полюбили его. А Брук и не знает, почему ваша мама так добра к нему, приглашает его в ваш дом вместе со мной и так чудесно, по-дружески обходится с ним. Он считает ее совершенством и целыми днями говорит о ней и о вас всех в самом пылком тоне. Если когда-нибудь я смогу осуществить свои мечты, то вы увидите, что сделаю я для Брука!

- Начни прямо сейчас с того, что не отравляй ему жизнь, – сказала Мег резко.
- Ас чего вы взяли, мисс, что я отравляю?
- Я всегда могу узнать это по его лицу, когда он возвращается домой. Если ты был послушным и добросовестным, у него довольный вид и идет он быстрым шагом; если же ты досадил ему, он печален и идет медленно, словно очень хотел бы вернуться и сделать свою работу заново.
- Хм, мне это нравится! Значит, вы получаете отчет о моих хороших и плохих отметках, глядя на физиономию Брука, так? Я вижу, как он кланяется и улыбается, когда проходит мимо ваших окон, но даже и не подозревал, что вы устроили телеграф.
- Мы не устраивали. Не сердись и не говори ему о том, что я сказала! Я только хотела, чтобы ты знал, что меня волнуют твои успехи, и то, что было сказано здесь, было сказано по секрету, ты же понимаешь! – воскликнула Мег, очень встревоженная мыслью о том, какие последствия могут иметь ее необдуманные речи.
- Я не сплетник, – отвечал Лори «с высоты своего величия», как Джо называла некое определенное выражение, иногда появлявшееся у него на лице. – Только если Брук намерен оставаться термометром, мне придется быть осторожным и поддерживать хорошую погоду, чтобы он мог о ней сообщать.
- Пожалуйста, не обижайся. Я не собиралась ни поучать, ни сплетничать. Просто мне не хотелось, чтобы Джо поддерживала тебя во мнении, о котором ты сам позднее пожалеешь. Ты так добр к нам, и мы относимся к тебе как к брату и прямо говорим то, что думаем. Прости меня, я хотела как лучше. – И Мег протянула ему руку в жесте, одновременно и ласковом и робком.
- Стыдясь своего минутного раздражения, Лори пожал маленькую нежную руку и ответил искренне:
- Это мне нужно просить у вас прощения. Я сердит и весь этот день был не в духе. Мне нравится, что вы прямо говорите мне о моих недостатках и относитесь ко мне по-сестрински, так что не сердитесь, если я иногда ворчлив. Все равно, я вам очень благодарен.
- И, твердо решив доказать, что не обиделся, он постарался быть как можно любезнее – разматывал пряжу для Мег, читал стихи, чтобы доставить удовольствие Джо, сбивал шишки с ели для Бесс и помогал Эми срисовывать папоротники – и показал себя вполне достойным принадлежать к «Обществу усердных пчелок». В самый разгар оживленной дискуссии о семейных привычках черепах (одно из этих прелестных созданий проползло вверх по холму от реки) отдаленный звук колокольчика донес им, что Ханна поставила чай настаиваться и у них остается ровно столько времени, сколько нужно, чтобы добраться домой к ужину.
- Можно мне прийти снова? – спросил Лори.
- Да, если ты будешь хорошо себя вести и любить свою книжку, как говорят ученикам приготовительного класса, – сказала Мег, улыбаясь.
- Я постараюсь.
- Приходи, и я научу тебя вязать; ведь вяжут же шотландские мужчины, – сказала Джо, когда они расставались у калитки. – Носков сейчас нужно много, – добавила она, размахивая своим вязаньем, словно большим синим шерстяным флагом.
- В тот же вечер, когда в сумерки Бесс играла для мистера Лоренса, Лори, стоя в тени оконных занавесей, слушал «Маленького Дэвида» – простую мелодию, которая всегда успокаивала его мятежный дух, и наблюдал за дедушкой. То – сидел, опустив седую голову на руку, и с нежностью на лице думал об умершем ребенке, которого так любил. Вспомнив разговор в роще, мальчик сказал себе, с радостной решимостью принести жертву: «Пусть растает мой воздушный замок – я останусь с моим дедом – рогим стариком; я нужен ему, ведь я – это все, что у него есть».

Глава 14

Секреты

Октябрьские дни начали становиться холоднее, а вече-ра короче, и Джо все больше своего свободного времени проводила на чердаке. Два или три часа теплое солнце глядело в высокое окно, освещая Джо, расположившуюся на старом диване и усердно что-то пишущую; бумаги были разложены на сундуке перед ней, а Скрэбл, ручная крыса, разгуливала под балками в сопровождении старшего сы-ночка, славного малого, который явно был очень горд сво-ими усами.

Совершенно поглощенная своим занятием, Джо тороп-ливо и небрежно царапала пером, пока не была исписана последняя страница. Тогда она вывела внизу свое имя с великолепным росчерком и, уронив перо, воскликнула:

– Вот, я сделала все, что могла! Если это не годится для печати, придется подождать, пока я не научусь писать лучше.

Откинувшись на спинку дивана, она внимательно прочла всю рукопись, делая кое-где пометки и вставляя множество восклицательных знаков, похожих на маленькие воздушные шарики; затем она перевязала ее хорошенькой красной лен-точкой и с минуту сидела, глядя на нее с серьезным, за-думчивым выражением, ясно говорившим о том, с каким усердием она трудилась. Старый кухонный ящик из жести, подвешенный на стену, заменял Джо конторку. В нем она держала свои бумаги и несколько книжек, заботливо запирая все это от Скрэбл, которая тоже отличалась любовью к литературе и, если какие-либо томики оказывались ей до-ступны, устраивала библиотеку с выдачей книг на дом, съедая целые страницы. Из этого жестяного вместилища Джо извлекла вторую рукопись и, сунув обе в карман, тихонько спустилась по лестнице, оставив своих друзей грызть ее перья и пробовать чернила.

Она постаралась как можно бесшумнее надеть шляпу и жакет, подошла к заднему окну, выходившему на крышу невысокого крыльца, спустилась с нее на поросшую травой небольшую насыпь и кружным путем направилась к дороге. Добравшись туда, она успокоилась, окликнула проезжавший омнибус и покатила в город, с видом очень веселым и таинственным.

Если бы кто-нибудь наблюдал за ней, то, несомненно, счел бы ее действия очень странными, так как, высадившись, она зашагала быстро и решительно, пока не добралась до одного из домов на одной из оживленных улиц; найдя с некоторым трудом нужный подъезд, она вошла в дверь, взглянула вверх на грязную лестницу и, постояв с минуту как вкопанная, вдруг вынырнула на улицу и зашагала прочь так же стремительно, как пришла. Этот маневр она повто-рила несколько раз, к большому удовольствию черноглазого молодого человека, который сидел развалившись в кресле у окна здания напротив. Возвратившись в третий раз, Джо взяла себя в руки, надвинула шляпу на глаза и пошла по лестнице с таким видом, словно наверху ей должны были вырвать все зубы.

Среди других вывесок, украшавших витрину у подъезда, в котором исчезла Джо, была и реклама дантиста, и, бросив взгляд на пару огромных искусственных челюстей, которые медленно открывались и закрывались, чтобы привлечь внимание к красивым белым зубам, молодой человек надел пальто, взял шляпу и спустился, чтобы встать на караул в дверях напротив, бормоча при этом с улыбкой и содрога-нием:

– Как это на нее похоже – прийти одной! Но если ей придется туго, понадобится кто-нибудь, чтобы проводить ее домой.

Через десять минут Джо сбегала вниз по лестнице с очень красным лицом и обычным видом человека, только что прошедшего через определенного рода тяжкое испытание. Увидев молодого человека, она отнюдь не просияла и прошла мимо, лишь кивнув ему, но он последовал за ней и спросил с сочувствием:

– Тяжело пришлось?

– Не очень.

– Быстро ты выбралась.

– Да, слава Богу!

– Почему ты пошла одна?

- Хотела, чтобы никто не знал.
- Ну и странная же ты! И сколько тебе вырвали?
- Джо взглянула на своего друга, словно не понимая, о чем он говорит, а потом принялась смеяться, как будто услышала отличную шутку.
- Есть два, которые я хотела бы вырвать, но придется ждать две недели.
- Над чем ты смеешься? Ты что-то затеваешь, Джо, – сказал Лори с заинтригованным видом.
- Ты тоже. Что это вы делали, сэр, там, в бильярдной?
- Прошу прощения, мэм, но это не бильярдная, а гим-настический зал, и я брал урок фехтования.
- Я рада.
- Чему?
- Ты сможешь научить меня, и тогда мы поставим «Гамлета» – ты будешь Лаэртом, и у нас будет велико-лепная сцена сражения на шпагах.
- Лори сердечно, по-мальчишески расхохотался, так что несколько прохожих тоже невольно улыбнулись.
- Я научу тебя, независимо от того, будем мы ставить «Гамлета» или нет. Фехтование – отличное развлечение и замечательно поможет тебе избавиться от сутулости. Но я не верю, что ты только поэтому так решительно заявила: «Я рада». Ведь так, скажи?
- Я рада, что ты был не в бильярдной, и надеюсь, ты никогда не ходишь в такие места. Ты ведь не ходишь?
- Хожу, но не очень часто.
- Я хотела бы, чтобы ты не ходил.
- В этом нет ничего плохого, Джо. У меня есть бильярд и дома, но одному, без хороших партнеров, неинтересно. И так как я люблю бильярд, я иногда хожу поиграть с Недом Моффатом или кем-нибудь еще.
- Боже мой, мне так жаль, потому что такие занятия будут привлекать тебя все больше и больше, ты будешь зря терять время и деньги и станешь похож на этих про-тивных щеголей. А я-то надеялась, что ты останешься до-стойным уважения и будешь гордостью своих друзей, – сказала Джо, качая головой.
- Разве не может человек иногда позволить себе не-винное развлечение, оставаясь при этом достойным уваже-ния? – спросил Лори с уязвленным видом.
- Все зависит от того, где и как он находит эти раз-влечения. Мне не нравится Нед и его компания, и я хочу, чтобы ты держался подальше от них. Мама не позволяет нам приглашать его в гости, хотя он хотел бы прийти; а если ты станешь таким, как он, она не согласится, чтобы мы дружили и резвились вместе, как дружим и резвимся сейчас.
- Не согласится? – переспросил Лори с тревогой.
- Нет, она терпеть не может этих светских франтов и скорее упрячет нас всех в шляпные картонки, чем позволит общаться с ними.
- Ну, пока ей не нужно доставать шляпные картонки. Я не светский франт и не собираюсь им становиться, но я люблю порой безобидные развлечения, а ты разве не лю-бишь?
- Люблю, да никто и не против этого, так что развле-кайся на здоровье, но не делайся повесой, хорошо? А то придет конец нашим радостям.
- Я буду святой высшей пробы.
- Терпеть не могу святых: будь простым, честным, порядочным мальчиком – и мы всегда будем с тобой. Не знаю, что я стала бы делать, если бы ты вел себя, как сын мистера Кинга; у него полно денег, но он не знает, куда их девать, и пьет, играет в карты, убегает из дома – я думаю, он и как отца-то родного зовут забывает – и вообще ведет себя отвратительно.
- И ты думаешь, что я мог бы делать то же самое? Покорно благодарю.
- Нет, нет, не думаю – о Боже, конечно нет, – но я слышала, как люди говорят, что

деньги – большое иску-шение, и иногда мне хочется, чтобы ты был бедным; тогда я не беспокоилась бы так о тебе.

– А ты беспокоишься обо мне, Джо?

– Немного; когда ты угрюм или недоволен, как это с тобой иногда бывает; потому что у тебя такая сильная воля, и если ты однажды собьешься с пути, то, боюсь, трудно будет тебя остановить.

Несколько минут Лори шагал в молчании, и Джо по-глядывала на него, жалея, что не придержала язык, потому что глаза его были сердитыми, хотя на губах все еще играла усмешка, как будто вызванная ее предостережениями.

– Ты собираешься читать наставления всю дорогу до-мой? – спросил он вскоре.

– Конечно нет. А что?

– Да если ты собираешься, я сяду в омнибус; а если нет, то я хотел бы пройтись с тобой и рассказать тебе кое-что очень интересное.

– Я не буду больше поучать, и я очень хочу узнать новости.

– Очень хорошо, тогда пошли. Но это секрет, и, ес-ли я расскажу тебе о нем, ты должна рассказать мне о своем.

– У меня нет никакого секрета, – начала было Джо, но резко оборвала речь, вспомнив, что это не так.

– Ты же знаешь, что есть! Ты ничего не можешь скрыть! Так что давай выкладывай или я ничего не скажу! – воскликнул Лори.

– А твой секрет стоящий?

– Еще бы! И о людях, которых ты знаешь! И так забавно! Тебе следовало бы послушать, да мне и самому уже давно до смерти хочется рассказать. Давай, ты первая.

– Но ты ничего не скажешь дома, хорошо?

– Ни слова.

– И не будешь дразнить меня, когда мы вдвоем?

– Я никогда не дразню.

– Дразнишь. Ты можешь выудить из человека все, что захочешь. Не знаю, как ты это делаешь, но ты прирожден-ный искуситель.

– Спасибо. Выкладывай.

– Я оставила два рассказа редактору газеты «Парящий орел», и он даст мне ответ на следующей неделе, – шепнула Джо на ухо своему доверенному лицу.

– Да здравствует мисс Марч, знаменитая американская писательница! – закричал Лори, подбросив в воздух и снова поймав свою шляпу, к большому удовольствию двух уток, четырех кошек, пяти куриц и полудюжины ирландских ребятишек, – дорога уже вышла за город.

– Тише! Может быть, ничего и не выйдет, но я знала, что не найду покоя, пока не попробую. Я ничего не говорила об этом дома, потому что не хочу, чтобы еще кто-то был разочарован.

– Неудачи не будет, Джо. Твои рассказы – творение Шекспира по сравнению с половиной той чепухи, которую каждый день печатают газеты. Вот здорово будет увидеть твои произведения в печати, и разве не будем мы гордиться нашей писательницей?

Глаза Джо блеснули – всегда приятно, если в тебя верят, а похвала друга всегда милее, чем дюжина газетных статей с дутой рекламой.

– А где же *твой* секрет? Веди честную игру, Тедди, или я никогда больше тебе не поверю, – сказала она, ста-раясь погасить ослепительный блеск надежд, засиявших от ободряющих слов Лори.

– У меня, конечно, могут быть неприятности из-за то-го, что я скажу. Но я не давал слова молчать, так что все-таки скажу, потому что не смогу успокоиться, пока не поделюсь с тобой великолепной новостью. Я знаю, где перчатка Мег!

– И это все? – спросила Джо разочарованно. Лори кивнул, в глазах его зажегся огонек, а на лице появилось таинственное выражение.

– Вполне достаточно. И ты сама согласишься, когда я скажу тебе, где она.

– Так скажи.

Лори наклонился и шепнул на ухо Джо три слова, что привело к забавной перемене: она остановилась и с минуту глядела на него с видом одновременно и удивленным и недовольным, затем пошла дальше, спросив резко:

– Откуда ты знаешь?

– Видел.

– Где?

– В кармане.

– Все это время?

– Да, разве не романтично?

– Нет, отвратительно.

– Тебе не нравится?

– Конечно нет. Это возмутительно, такое нельзя по-звolyть. Какое безобразие! Что сказала бы на это Мег?

– Ты не скажешь никому. Не забудь.

– Я не обещала.

– Это подразумевалось, и я доверял тебе.

– Хорошо, не скажу. По крайней мере пока. Но мне противно, и лучше бы ты мне ничего не говорил.

– Я думал, ты обрадуешься.

– Тому, что кто-то придет, чтобы увести Мег? Нет уж, спасибо.

– Тебе станет легче это вынести, когда кто-нибудь придет, чтобы увести тебя.

– Хотела бы я посмотреть, как это он попробует, – сказала Джо свирепо.

– Я тоже! – И Лори засмеялся при этой мысли.

– Боюсь, мне вредно узнавать секреты. У меня голова идет кругом, с тех пор как ты мне это сказал, – заявила Джо, проявляя некоторую неблагодарность.

– Давай со мной наперегонки с этого холма – и ты сразу будешь здорова, – предложил Лори.

Никого не было видно поблизости, соблазнительно гладкая дорога отлого спускалась с холма, и, найдя искушение непреодолимым, Джо помчалась, вскоре потеряв шляпу и гребень и рассыпая шпильки во все стороны. Лори оказался у цели первым и был вполне удовлетворен результатами своего метода лечения, ибо его Аталанта²⁷ подбежала запыхавшаяся, с развевающимися волосами, сияющими глазами, румяная и без всяких признаков недовольства на лице.

– Хорошо бы быть лошадей, тогда я могла бы преодолеть милью за милей на этом чудесном воздухе и никогда не запыхалась бы. Это было замечательно, но на кого я теперь похожа? Пойди собери мои вещи, будь другом, ты ведь друг? – сказала Джо, присев под кленом, устлавшим землю пурпурными листьями.

Лори неторопливо отправился на поиски потерянного имущества, а Джо свернула косы в узел и стала ждать, надеясь, что никто не пройдет мимо, пока она не приведет себя в порядок. Но кто-то появился, и этот кто-то был не кто иной, как Мег, особенно изящная и женственная в своем праздничном наряде, так как в этот день она ходила в гости.

– Боже мой, что ты здесь делаешь? – спросила она, глядя на свою взлохмаченную сестру со сдержанным удивлением хорошо воспитанной особы.

– Собираю листья, – кротко ответила Джо, разглядывая горсть красных листьев,

²⁷ Аталанта – героиня греческого мифа; охотница. Она отказывалась выйти замуж за тех своих поклонников, которые не могли победить ее в беге. Меланион принял вызов и по совету богини любви Афродиты взял с собой три золотых яблока, которые богиня дала ему. Он бросал их на дороге, и Аталанта, не в силах противиться искушению, останавливалась, чтобы поднять их, благодаря чему Меланион выиграл гонки и женился на Аталанте.

которую только что зацепила.

– И шпильки, – добавил Лори, бросая полдюжины их на колени Джо. – Они растут вдоль этой дороги, Мег, так же как гребни и коричневые соломенные шляпки.

– Ты бегала, Джо! Как ты можешь? Когда же ты наконец прекратишь подобное озорство? – воскликнула Мег с упреком, одновременно поправляя свои манжеты и приглаживая волосы, по отношению к которым ветер по-зволил себе некоторую вольность.

– Никогда, разве только если стану старой, не смогу ни согнуться, ни разогнуться и мне придется взять костыль. Не старайся сделать меня взрослой раньше времени, Мег. И так уже тяжело, что ты внезапно изменилась; позволь мне оставаться маленькой сколько смогу.

Говоря это, Джо склонилась над своей горстью листьев, чтобы скрыть дрожь губ. В последнее время она все яснее чувствовала, что Маргарет быстро превращается в женщину, а секрет, который поведал ей Лори, заставлял ее содрогаться от страха при мысли о неизбежной разлуке, которая теперь, казалось, была очень близка. Лори заметил ее волнение и постарался отвлечь внимание Мег торопливым вопросом:

– Куда это ты ходила такая нарядная?

– К Гардинерам. Салли рассказала мне о свадьбе Бел-лы Моффат. Свадьба была великолепная, а всю зиму мо-лодые проведут в Париже. Подумать только! Какое это, должно быть, удовольствие!

– Ты завидуешь ей, Мег? – спросил Лори.

– Боюсь, что да.

– Я рада! – пробормотала Джо, судорожным движением завязывая ленты шляпы.

– Почему? – спросила Мег удивленно.

– Потому что, если для тебя так важно богатство, с тобой никогда не случится такого, чтобы ты вдруг вышла за бедного человека, – сказала Джо, хмуро взглянув на Лори, который взглядом просил ее следить за своими словами.

– Я никогда *вдруг* ни за кого не выйду, – заметила Мег и зашагала домой с большим достоинством, а Джо и Лори последовали за ней, смеясь, перешептываясь, прыгая через камешки на дороге, «совсем как дети», как сказала себе Мег, хотя и у нее, возможно, появилось бы искушение присоединиться к ним, если бы она не была в своем лучшем наряде.

Неделю или две Джо вела себя так странно, что сестры были в некотором замешательстве. Она бросалась к двери, когда звонил почтальон, была груба с мистером Бруком, когда они встречались, подолгу сидела, глядя на Мег со скорбным выражением лица, и иногда подбегала к сестре, чтобы встряхнуть ее и затем поцеловать с очень таинственным видом. Она все время обменивалась с Лори странными знаками и толковала с ним о каких-то «парящих орлах», пока сестры не заявили, что оба они, вероятно, совсем потеряли рассудок. В субботу, спустя две недели после того, как Джо ездила в город, Мег, сидевшая у окна с шитьем, была возмущена, увидев, как Лори гоняется за Джо по всему саду. Наконец он поймал ее в беседке, и, что про-изошло там, Мег было не видно, но оттуда доносились взрывы хохота, за которыми последовало жужжание голосов и громкие хлопки газет.

– Что нам делать с этой девочкой? Она никогда не научится вести себя как барышня, – вздохнула Мег, наблюдая за погоней в саду с явным неодобрением на лице.

– И хорошо, что не научится; она такая веселая и милая, – сказала Бесс, скрывая некоторую обиду, вызван-ную тем, что у Джо есть секреты с кем-то кроме нее.

– Это очень досадно, но, боюсь, нам никогда не сделать ее *comely la fo*, – добавила Эми, которая сидела, пришивая новые оборки к своему платью, и с кудрями, перехваченными лентой так, что они были ей очень к лицу, – два приятных обстоятельства, заставлявшие ее чувствовать себя необык-новенно изящной и элегантной.

Через несколько минут в комнату влетела Джо, растя-нулась на диване и сделала вид, что читает.

– Что-нибудь интересное? – спросила Мег снисходи-тельно.

– Так, просто рассказ; ничего особенного, я думаю, – отвечала Джо, стараясь держать газету так, чтобы не было видно ее названия.

– Почитала бы вслух; и нас развлечешь, и сама не будешь скакать и проказничать, – сказала Эми самым взрослым тоном.

– Как он называется? – спросила Бесс, удивляясь, почему Джо закрывает лицо газетой.

– «Художники-соперники».

– Название неплохое, прочти, – сказала Мег.

Издав громкое «Гм!» и набрав побольше воздуха, Джо начала читать очень быстро. Девочки слушали с интересом; история была весьма романтической и довольно трогательной, так как большинство героев в конце умирали.

– Мне понравилось то место, где говорилось о замечательной картине, – с одобрением сказала Эми, когда Джо замолчала.

– А мне больше всего понравилась любовная линия. Виола и Анжело – наши любимые имена, ну не странно ли? – отозвалась Мег, вытирая слезы, так как «любовная линия» была трагической.

– А кто автор? – спросила Бесс, которая мельком увидела лицо Джо.

Чтица вдруг села, отбросила газету, открыв взорам раскрасневшееся лицо, и с забавной смесью торжественности и волнения громко отвечала:

– Ваша сестра.

– Ты? – вскрикнула Мег, роняя шитье.

– Очень хороший рассказ, – сказала Эми с видом кри-тика.

– Я знала! Знала! О, моя Джо, я так тобой горжусь! – И Бесс подбежала, чтобы обнять сестру, и запрыгала от радости по случаю такого замечательного успеха.

Боже мой, как восхищены все они были, можете не сомневаться! Как не верила Мег, пока не увидела слова «мисс Джозефина Марч», действительно напечатанные в газете; как благосклонно разбирала Эми те фрагменты рассказа, где речь шла о живописи, и давала советы, как написать продолжение, что, к несчастью, не представлялось возможным осуществить, ибо герой и героиня были мертвы; как взволнована была Бесс и как она прыгала и пела от радости; как вошла Ханна, чтобы воскликнуть: «Вот это да! В жизни такого не видала!» – в огромном удивлении от того, «что наша Джо учинила», как горда была, узнав обо всем, миссис Марч; как смеялась со слезами на глазах Джо, как она заявила, что чувствует себя спесивым павлином; и как «Парящий орел», если можно так выразиться, триумфально взмахивал крылами над домом семейства Марч, когда газета переходила из рук в руки!

– Расскажи все. Когда у тебя появилась такая идея? Сколько тебе за это заплатили? Что скажет папа? А как Лори-то будет смеяться! – наперебой кричали все, столпившись вокруг Джо, потому что эти безрассудные, любящие люди превращали в большой праздник каждую маленькую семейную радость.

– Не галдите так, девочки, я все расскажу, – улыбнулась Джо, одновременно задавая себе вопрос, больше ли гордилась своей «Эвелиной» мисс Берни, чем она своими «Художниками-соперниками». Рассказав, как она распорядилась своими рассказами, Джо добавила: – А когда я пришла за ответом, этот человек сказал, что ему понравились оба рассказа, но он не платит начинающим авторам, а только дает им напечататься в его газете. Он сказал, что рассказы – это хорошая практика, а когда начинающий станет писать лучше, тогда любой заплатит. И я позволила ему взять оба рассказа, а сегодня мне прислали этот номер газеты. Лори увидел меня с ним в саду, поймал и настоял, чтобы я показала. Ну и я показала, а он сказал, что рассказ хорош и чтобы я писала еще, а он постарается устроить так, чтобы за следующий заплатили. И я так счастлива, потому что со временем я, возможно, смогу содержать себя и помогать девочкам.

Тут у Джо перехватило дыхание и, уткнувшись головой в газету, она окропила свой маленький рассказ искренними слезами, так как быть независимой и заслужить похвалы тех, кого она любила, было самым заветным желанием ее сердца и казалось, что первый шаг к

этой цели сделан.

Глава 15 Телеграмма

– Ноябрь – самый неприятный месяц в году, – сказала Маргарет, стоя у окна в один из хмурых дней и глядя на побитый морозом сад.

– Вот почему я именно в нем родилась, – заметила Джо с меланхолическим видом, не подозревая о том, что нос у нее испачкан чернилами.

– А если бы сейчас случилось что-нибудь очень приятное, мы подумали бы, что это замечательный месяц, – сказала Бесс, которая с надеждой глядела на все, даже на ноябрь.

– Осмелюсь сказать, что в нашем семействе никогда ничего приятного не происходит, – отозвалась Мег, которая была не в духе. – Корпим изо дня в день – никаких перемен и очень мало развлечений. Не лучше, чем каторжнику на ступальном колесе.

– Дай Бог терпения, ну и хандра же у тебя! – воскликнула Джо. – Впрочем, я не очень удивлена, бедняжка ты моя, потому что ты видишь, как отлично проводят время другие девушки, а сама только трудишься да трудишься из года в год. О, как было бы хорошо, если бы я могла создать для тебя иные обстоятельства, так же как я делаю это для моих героинь! Ты уже достаточно красива и достаточно добродетельна, так что мне осталось бы устроить так, чтобы какой-нибудь родственник неожиданно оставил тебе большое состояние. И тогда ты в один миг превратилась бы в богатую наследницу, холодно отнеслась бы ко всем тем, кто прежде смотрел на тебя свысока, поехала за границу и вернулась бы домой леди такой-то в полном блеске роскоши и изящества.

– В наши дни люди не получают наследство подобным образом; мужчинам приходится работать, а женщинам выходить замуж из-за денег. Это отвратительно несправедливый мир, – сказала Мег с горечью.

– Мы с Джо обеспечим состояние вам всем, подождите лет десять – и увидите, – вставила Эми, которая сидела в углу и «строила куличики» – так Ханна называла создание маленьких глиняных масок и моделей птиц и фруктов.

– Я не могу ждать и боюсь, что не очень верю в чернила и глину, хотя и благодарна вам за ваши добрые намерения.

Мег вздохнула и снова обернулась к побитому морозом саду; Джо застонала и, опустив локти на стол, поникла в безнадежной позе, но Эми продолжала энергично мять глину, а Бесс, сидевшая у другого окна, сказала с улыбкой:

– Целых два приятных события произойдут прямо сейчас: мама идет по улице и Лори бежит через сад с таким видом, словно хочет сообщить что-то очень хорошее.

Через минуту оба появились в гостиной – миссис Марч с обычным вопросом: «Не было ли письма от папы, девочки?», а Лори, чтобы сказать, как всегда, самым проникновенным тоном:

– Не хотите ли прокатиться в экипаже? Я занимался сегодня математикой до «каши» в голове и теперь собираюсь освежить мозги быстрой ездой. День мрачный, но воздух очень хорош. Я хочу отвезти Брука домой, так что будет весело, если не снаружи экипажа, то внутри. Поехали, Джо, ведь вы с Бесс поедете?

– Конечно, поедем.

– Большое спасибо, но я занята. – И Мег выдвинула свою рабочую корзинку, так как еще прежде согласилась с матерью, что лучше, по крайней мере для нее самой, не ездить часто с этим молодым человеком.

– Мы трое будем готовы через минуту! – крикнула Эми, выбегая, чтобы вымыть руки.

– Не могу ли я чем-нибудь помочь вам, наша мама? – ласково спросил Лори, склоняясь над стулом миссис Марч и, как всегда, с любовью глядя на нее.

– Нет, спасибо; вот только, может быть, будешь так добр – заглянешь на почту. Мы должны сегодня получить письмо, но почтальон не заходил. Папа обязателен, как солнце, но,

видимо, в пути произошла какая-то задержка.

Резкий звонок прервал ее слова, а минуту спустя вошла Ханна с какой-то бумажкой в руке.

– Одна из этих отвратительных телеграфных штучек, мэм, – сказала она, вручая телеграмму с таким видом, словно боялась, что бумага взорвется и наделает бед.

При слове «телеграф» миссис Марч с живостью схватила послание, прочла содержащиеся в нем две строчки и снова упала в кресло, такая бледная, словно эта маленькая бу-мажка пулей пронзила ее сердце. Лори бросился вниз за водой, Мег и Ханна подскочили, чтобы поддержать миссис Марч, а Джо испуганно прочла вслух:

МИССИС МАРЧ, ВАШ МУЖ ОПАСНО БОЛЕН. ПРИЕЗЖАЙТЕ НЕ-МЕДЛЕННО. С. ХЕЙЛ. N-СКИЙ ГОСПИТАЛЬ. ВАШИНГТОН.

Как тихо было в комнате, когда все слушали, затаив дыхание, как странно померк день и как внезапно показался изменившимся весь мир, когда девочки собрались вокруг матери с таким чувством, словно им предстояло утратить все счастье и опору их жизни. Вскоре миссис Марч пришла в себя, перечитала телеграмму и, протянув руки к дочерям, сказала тоном, который они запомнили на всю жизнь:

– Я поеду сразу, но, может быть, уже слишком поздно. О, дети, дети, помогите мне пережить это!

В течение нескольких минут в комнате слышались лишь всхлипывания, несвязные слова утешения, нежные обещания помощи и исполненный надежды шепот, тут же замиравший в слезах. Бедная Ханна оправилась первой и с неосознанной мудростью подала добрый пример остальным, ибо для нее работа была лучшим лекарством от всех скорбей.

– Да хранит Господь дорогого хозяина! Не буду я терять время на слезы, а сейчас же соберу ваши вещи, мэм, – сказала она с жаром, вытерла лицо передником, с чувством пожала хозяйке руку своей крепкой рукой и ушла работать за троих.

– Она права, нет времени плакать. Успокойтесь, дорогие, и дайте мне подумать.

Они попытались успокоиться, бедняжки, пока их мать села, бледная, но спокойная, и отвлеклась от своего горя, чтобы подумать, что делать с ними.

– Где Лори? – спросила она, когда собралась с мыслями и приняла решение о том, что необходимо сделать в первую очередь.

– Здесь, мэм. О, позвольте мне сделать что-нибудь! – воскликнул мальчик, торопливо выходя из соседней комна-ты, куда он раньше удалился, чувствуя, что первый приступ семейного горя слишком священен, чтобы его видели даже дружеские глаза.

– Отправь телеграмму, что я выезжаю немедленно. Следующий поезд уходит рано утром; этим поездом я и поеду.

– Что-нибудь еще? Лошади наготове; я могу поехать куда угодно, сделать что угодно, – сказал он с таким видом, словно был готов скакать на край света.

– Отвези записку тете Марч. Джо, дай мне перо и бумагу.

Оторвав чистый кусочек от одной из только что пере-писанных страниц, Джо придвинула матери стол. Она хо рошо понимала, что деньги для долгого, печального путе-шествия придется занять, и чувствовала, что могла бы сде-лать что угодно, лишь бы добавить хоть немного к этой сумме ради отца.

– Теперь поезжай, дорогой, только не убейся, не скачи на отчаянной скорости, в этом нет нужды.

Предупреждение миссис Марч было, очевидно, пропу-щено мимо ушей, так как пять минут спустя Лори промчался мимо окна на своей быстроногой лошади, скача так, словно спасал свою жизнь.

– Джо, сбегай ко мне на работу и скажи миссис Кинг, что завтра я не приду. По дороге купи то, что я перечислила в этой записке. Пусть запишут на мой счет. Все эти вещи понадобятся мне, я должна серьезно подготовиться к тому, чтобы ухаживать за папой. В госпиталях не всегда все есть. Бесс, сбегай и попроси у мистера Лоренса пару бутылок старого вина: я не так горда, чтобы не попросить ради папы; он получит все самое лучшее.

Эми, попроси Ханну принести черный сундук. Мег, пойдем, ты поможешь мне отыскать мои вещи, а то у меня туман в голове.

Необходимость одновременно писать, думать и распоряжаться могла, конечно же, привести в смятение бедную женщину, и Мег уговорила ее посидеть спокойно в своей комнате и позволить им самим взяться за работу. Все раз-летелись как листья, подхваченные порывом ветра, и тихого, счастливого дома не стало так неожиданно, как будто слова телеграммы были заклинанием злого волшебника.

Мистер Лоренс пришел вместе с Бесс торопливым шагом и принес с собой все то, что, по мнению доброго старика, могло пригодиться больному, а также самые дружеские обещания взять под свою защиту девочек на время отсутствия матери, чем очень ее утешил. Не было ничего, чего бы он не предлагал, — от собственного халата и до самого себя в качестве сопровождающего. Но последнее было невозможно; миссис Марч не желала и слышать о том, чтобы старик предпринял долгое путешествие, однако в глазах ее промелькнуло выражение сожаления, ибо тревога — плохой спутник для путешественника. Мистер Лоренс заметил этот взгляд, сдвинул тяжелые брови, в задумчивости потер руки и неожиданно ушел, сказав, что скоро вернется. Никто еще не успел вспомнить о нем снова, когда Мег, пробежавшая через переднюю с парой галош в одной руке и чашкой чая в другой, неожиданно столкнулась с мистером Бруком.

— Я очень расстроен случившимся, мисс Марч, — сказал он ласковым, спокойным тоном, который прозвучал очень приятно для ее смятенного духа. — Я пришел, чтобы предложить себя вашей матери в качестве сопровождающего. Мистер Лоренс отправляет меня с поручением в Вашингтон, и я буду рад, если окажусь ей там полезен.

Галоши упали и чай чуть не последовал за ними, когда Мег протянула руку с таким выражением благодарности на лице, что мистер Брук счел бы себя вполне вознагражденным и за гораздо большие жертвы, чем такая мелочь, как время, которое он собирался затратить, и услуги, которые собирался оказать.

— Как все вы добры! Мама согласится, я уверена, и для нас будет таким облегчением знать, что там есть кому о ней позаботиться. Большое, большое спасибо!

Мег говорила горячо, думая лишь о матери, пока что-то в выражении устремленных на нее карих глаз не заставило ее вспомнить об остывающем чае и предложить мистеру Бруку пройти в гостиную и подождать там, пока она позовет мать.

Все было уже обсуждено к тому времени, когда Лори вернулся от тети Марч с запиской, в которую была вложена просимая сумма; в нескольких строчках тетя Марч повторяла все то, что часто говорила и прежде, — она всегда твердила им, как это нелепо, чтобы Марч шел в армию, она всегда предсказывала, что добра от этого не жди, она надеется, что в следующий раз они прислушаются к ее совету. Миссис Марч сунула записку в огонь, деньги — в кошелек и продолжила приготовления к отъезду, плотно сжав губы с таким выражением, что Джо догадалась бы о его значении, если бы была рядом.

Короткий вечер подходил к концу; все поручения были выполнены, Мег и мать занимались необходимым шитьем, Бесс и Эми накрывали стол к чаю, а Ханна гладила, по ее выражению, «очертя голову», но Джо все не возвращалась. Они начали тревожиться, а Лори отправился искать ее, так как никто не знал, что могло взбесить ей в голову. Он, однако, разминутся с ней, и она вошла в гостиную с очень странным выражением, представлявшим собой смесь веселья и тревоги, удовлетворения и сожаления, которое озадачило семью не меньше, чем пачка денег, которую она положила перед матерью, сказав несколько сдавленным голосом:

— Это мой вклад в то, чтобы обеспечить папе удобства и привезти его домой!

— Дорогая, где ты это взяла? Двадцать пять долларов! Джо, я надеюсь, ты не совершила ничего безрассудного?

— Нет, это мое по праву. Я не побиралась, не брала в долг, не воровала. Я получила их честным путем, и, думаю, вы не осудите меня, так как я всего лишь продала то, что мне принадлежало.

С этими словами Джо сняла шляпу. Раздался всеобщий крик: ее роскошные волосы были коротко обстрижены.

– Твои волосы! Твои прекрасные волосы!

– О, Джо, как ты могла? Вся твоя краса!

– Дорогая моя девочка, в этом не было никакой нужды.

– Она больше не похожа на мою Джо, но я еще крепче люблю ее за то что она сделала!

– На судьбе нации это не отразится, так что не хнычь, Бесс. Это поможет мне излечиться от тщеславия, а то я начинала слишком гордиться моей шевелюрой. И мозгам пойдет на пользу, что эти космы убрали; моей голове теперь так восхитительно легко и прохладно, а парикмахер сказал, что скоро у меня будет отличный вид, как у кудрявого мальчика, и прическу легко будет держать в порядке. Я довольна, так что, пожалуйста, возьми деньги и давайте ужинать.

– Расскажи мне все, Джо. Я не совсем довольна, но не могу винить тебя; я знаю, как охотно ты преодолела свое «тщеславие», как ты это называешь, ради своей любви. Но, дорогая, это не было необходимо, и, боюсь, ты пожалеешь об этом уже на днях, – сказала миссис Марч.

– Нет, не пожалею! – отвечала Джо твердо, испытывая большое облегчение от того, что ее выходка не вызвала однозначного осуждения.

– Что тебя на это толкнуло? – спросила Эми, которой скорее пришло бы на ум расстаться с головой, чем с ее красивыми кудрями.

– Я горела желанием сделать что-нибудь для папы, – ответила Джо, когда все уселись за стол, ибо здоровая молодежь может есть с аппетитом даже в разгар тревог и волнений. – Мне было неприятно, что маме приходится столько брать в долг, и я знала, что тетя Марч будет ворчать; попроси у нее хоть ломаный грош, она и то ворчать будет. Мег отдала все свое трехмесячное жалованье в уплату за дом, а я на свое купила одежду для себя самой и поэтому сама себе была противна. Я была готова собственный нос продать, лишь бы достать денег.

– Ни к чему было чувствовать такое отвращение к себе, дитя мое; у тебя не было зимней одежды, и ты купила самое необходимое на свои собственные, трудом добытые деньги, – сказала миссис Марч, и взгляд ее согрел душу Джо.

– Сначала я даже не думала о том, что можно продать волосы, но, шагая по улице, не переставала размышлять, что бы такое я могла сделать, и чувство у меня было такое, что хотелось заскочить в какой-нибудь богатый магазин и всего там нахватать. А потом в окне парикмахерской я увидела выставленные косы с обозначенной ценой, и одна, черная, далеко не такая толстая, как моя, стоила сорок долларов. И мне вдруг пришло в голову, что у меня есть способ получить деньги. Я, не задумываясь, вошла и спросила, покупают ли они волосы и сколько дадут за мои.

– Не понимаю, как ты на это решилась, – сказала Бесс с благоговейным страхом.

– Меня встретил маленький человечек, у которого был такой вид, словно он только и занят тем, что помадит свои волосы. Он сначала уставился на меня так, будто не привык к тому, чтобы девушки заскакивали в его заведение и предлагали купить их волосы. Он сказал, что мои ему не нужны, что такой цвет не в моде, а прежде всего, он никогда не платит много за волосы: работы много надо вложить, и от этого они становятся дороги, и так далее. Уже становилось поздно, и я побоялась, что если не продать волосы сразу, то я вообще не смогу сделать это, а вы знаете, что если уж я взялась за дело, то терпеть не могу бросать. И я принялась уговаривать его взять мои волосы и сказала, почему так спешу. Наверное, это было глупо, но все же помогло – он передумал, потому что я разволновалась и рассказала всю историю, по своему обыкновению, без начала и конца, и его жена услышала и сказала с такой добротой: «Возьми ее волосы, Томас, помоги девушке. Я сделала бы то же самое ради нашего Джимми, если б у меня была хоть прядь волос, на которую нашелся бы покупатель».

– Кто такой Джимми? – спросила Эми, которая любила выяснять все сразу.

– Она сказала, что это ее сын и он в армии. Как такие вещи сближают незнакомых людей, не правда ли? И все время, пока мужчина стриг, она говорила и очень мило меня отвлекала.

– Разве у тебя не было ужасного чувства, когда упала первая прядь? – спросила Мег с содроганием.

– Я взглянула в последний раз на мои волосы, когда мужчина достал свой инструмент, и это было все. Я никогда не хнычу из-за таких пустяков. Хотя, признаюсь, у меня возникло странное чувство, когда я увидела милые, такие знакомые волосы, лежащие на столе, а на голове ощущала лишь короткие неровные концы. Это было почти как если бы я лишилась руки или ноги. Женщина перехватила мой взгляд и отделила длинный локон для меня, на память. Я дам его тебе, мама, просто чтобы он напоминал о прежнем великолепии, потому что с короткими волосами очень удобно и вряд ли я когда-нибудь снова отращу такую гриву.

Миссис Марч свернула волнистую каштановую прядь и положила в свой стол, где уже лежала другая, короткая и седая. Она сказала лишь: «Спасибо, дорогая», но что-то в ее лице заставило девочек переменить тему и заговорить как можно радостнее о доброте мистера Брука, о том, что завтра будет хорошая погода, и о том, как будет хорошо, когда папа вернется домой и они будут за ним ухаживать.

Никто не хотел идти в постель, пока в десять часов миссис Марч не сказала, отложив в сторону последнюю дошитую вещь: «Пора, девочки». Бесс подошла к фортепьяно и заиграла любимый папин псалом; все начали бодро, но потом одна за другой, не выдержав, расплакались, и под конец пела одна лишь Бесс, пела от всей души, ибо для нее музыка всегда была самым сладостным утешением.

– Идите спать и не болтайте. Завтра мы должны встать рано, и нужно постараться выспаться. Доброй ночи, любви-мые мои, – сказала миссис Марч, когда псалом отзвучал, так как никому не хотелось больше петь.

Они безмолвно поцеловали ее и пошли спать, так тихо, словно дорогой больной уже лежал в соседней комнате. Бесс и Эми скоро уснули, несмотря на глубокую тревогу, но Мег лежала без сна, и мысли у нее были такие серьезные, каких еще не было за всю ее короткую жизнь. Джо лежала неподвижно, и Мег думала, что сестра спит, пока приглушенное рыдание не заставило ее воскликнуть, одновременно дотронувшись до мокрой щеки:

– Джо, дорогая, что с тобой? Ты плачешь о папе?

– Нет, сейчас не о нем.

– О чем же?

– О моих... волосах! – вырвалось у Джо, тщетно пытавшейся задушить свое горе в подушке.

Это совсем не показалось забавным Мег, которая принялась целовать и ласкать сокрушенную героиню самым нежным образом.

– Я не жалею, – возразила Джо сдавленно. – И сделала бы то же самое завтра еще раз, если бы могла. Это только то, что есть во мне тщеславного, себялюбивого, расплакалось так глупо. Не говори никому; все уже прошло. Я думала, ты спишь, так что я просто хотела немного постонать в одиночестве над моей единственной и утраченной красотой. Почему ты не спишь?

– Мне не уснуть, я так тревожусь, – сказала Мег.

– Подумай о чем-нибудь приятном и быстро задремлешь.

– Я пыталась, но от этого сон совсем пропал.

– О чем ты думала?

– О красивых лицах... особенно о глазах, – ответила Мег, улыбаясь в темноте.

– Какие тебе больше всего нравятся?

– Карие... то есть иногда... голубые – прелестны.

Джо засмеялась; Мег сердито велела ей не болтать, потом любезно пообещала завить ей волосы и уснула, чтобы увидеть во сне свой воздушный замок.

Часы пробили полночь и в комнатах было очень тихо, когда фигура в белом

заскользила от постели к постели, где разглаживая покрывало, где поправляя подушку и за-мирая, чтобы остановить долгий, нежный взгляд на лице каждой спящей; поцеловать ее с безмолвным благословением и обратить к небу горячие молитвы, какие исходят лишь от матерей. Когда она подняла занавеску, за которой была мрачная ночь, из-за туч неожиданно прорвалась и озарила ее ярким светом луна, словно сияющее доброе лицо, которое, казалось, шептало в тишине: «Утешься, дорогая душа! Всег-да есть свет за облаками».

Глава 16

Письма

Рассвет был холодным и серым. Сестры зажгли лампу и прочли главу из своих маленьких книжек так серьезно, как никогда прежде; ибо теперь, когда надвинулась тень настоящей беды, эти книжки были полны поддержки и утешения. Пока девочки одевались, они договорились, что скажут «до свидания» радостно и с надеждой и отправят маму в это тревожное путешествие, не огорчив ее ни слезами, ни жалобами. Все казалось очень странным, когда они спу-стились вниз, – таким тусклым и неподвижным за окном и таким полным света и суеты в доме. Было непривычно завтракать в столь ранний час, и даже знакомое лицо Ханны казалось неестественным, когда она носилась по кухне, не сняв ночного чепца. В передней стоял уже упакованный дорожный сундук, на диване лежали плащ и шляпка матери, а сама она сидела за столом, пытаясь поесть, но выглядела такой бледной и утомленной бессонницей и тревогой, что девочкам было нелегко держаться в соответствии с приня-тым решением. Глаза Мег наполнялись слезами помимо ее воли, Джо не раз пришлось прятать лицо за чайником, а у младших девочек было серьезное, озабоченное выражение, словно печаль была для них непривычным переживанием. Говорили мало, но перед самым отъездом, когда уже ожи-дали экипаж, миссис Марч сказала девочкам, которые хло-потали вокруг нее – одна свертывала ее шаль, другая разглаживала завязки ее шляпы, третья надевала ей боты, а четвертая застегивала ее дорожную сумку:

– Дети, я оставляю вас на попечение Ханны и под защитой мистера Лоренса. Ханна – сама преданность, а наш добрый сосед будет оберегать вас как родных детей. Я не боюсь за вас, но очень хочу, чтобы вы правильно восприняли это несчастье. Не сокрушайтесь и не растрав-ляйте свое горе, пока меня не будет с вами, но и не ду-майте, что сможете утешиться, если будете праздны и по-стараетесь о нем забыть. Надейтесь и трудитесь и, что бы ни случилось, помните, что вы никогда не останетесь без Отца.

– Хорошо, мама.

– Мег, дорогая, будь осмотрительна, следи за сестрами, во всем советуйся с Ханной, а в случае каких-либо затруд-нений обращай к мистеру Лоренсу. Будь терпеливой, Джо, не унывай и не совершай опрометчивых поступков; пиши мне чаще и будь, моя решительная девочка, как всегда, готова помочь и ободрить нас всех. Бесс, утешайся музыкой и добросовестно исполняй свои маленькие обязанности по хозяйству, а ты, Эми, помогай сестрам всем, чем можешь, будь послушной и поддерживай в доме мир и покой.

– Непременно, мама! Непременно!

Стук колес приближающегося экипажа заставил всех вздрогнуть и прислушаться. Это была тяжелая минута, но девочки выдержали: ни одна не заплакала, ни одна не убежала, ни у одной не вырвалось жалобы, хотя у каждой было тяжело на сердце, когда они просили мать передать слова любви отцу и, произнося их, помнили, что, быть может, уже слишком поздно посылать их. Они спокойно поцеловали мать, нежно прижавшись к ней, и постарались как можно веселее махать ей вслед платками.

Лори и его дедушка пришли попрощаться с ней, и мистер Брук казался таким сильным, умным и добрым, что девочки тут же окрестили его «мистер Великодушный».

– До свидания, дорогие мои! Благослови и сохрани нас всех Господь! – шептала миссис Марч, целуя одно любимое личико за другим, и затем поспешила в экипаж.

Когда он уже катил прочь, из-за туч вышло солнце, и, обернувшись, мать увидела то,

что показалось ей добрым предзнаменованием, – маленькую группу у ворот, озаренную яркими лучами. Они тоже заметили это и улыбались и махали руками, и последнее, что увидела она, прежде чем экипаж свернул за угол, были четыре оживленных лица, а за ними, словно личная охрана, старый мистер Лоренс, верная Ханна и преданный Лори.

– Как все добры к нам! – сказала она, оборачиваясь, чтобы найти новое подтверждение этому в выражении почтительного сочувствия на лице мистера Брука.

– По отношению к вам это нетрудно, – отвечал молодой человек с таким заразительным смехом, что миссис Марч не могла не улыбнуться; и долгое путешествие началось с добрых предзнаменований – солнца, улыбок и веселых слов.

– У меня такое чувство, словно произошло землетрясение, – сказала Джо, когда соседи ушли домой завтракать, оставив их успокоиться и подкрепиться в одиночестве.

– Кажется, будто половина дома исчезла, – добавила Мег уныло.

Бесс приоткрыла рот, чтобы что-то сказать, но смогла лишь указать на кучу аккуратно заштопанных чулок, лежавших на рабочем столике матери, – свидетельство того, что даже в самые последние часы перед отъездом она думала о них и трудилась для них. Конечно, это была мелочь, но она поразила каждую из них в самое сердце; и, несмотря на намерение держаться мужественно, все они не выдержали и горько расплакались.

Мудрая Ханна выждала, пока слезы облегчили им душу, а затем и сама пришла на помощь, вооруженная кофейником.

– Ну вот, дорогие мои, помните, что ваша мамаша сказала, и не тревожьтесь. Давайте-ка выпьем по чашечке кофе, и возьмемся за дело, и будем поддерживать доброе имя семьи.

Кофе был редким угощением в их доме, и Ханна проявила немалую чуткость, сварив его в это утро. Никто не мог противиться ни ее убедительным кивкам, ни ароматному приглашению, исходившему из носика кофейника. Они подошли к столу, сменили носовые платки на салфетки, и через десять минут все опять было в порядке.

– «Надеяться и трудиться» – вот наш девиз, и давайте посмотрим, кто будет помнить о нем лучше всех. Я иду к тете Марч, как обычно. Ох и будет же она сегодня читать нотации! – сказала Джо, делая маленькие глотки и вновь обретая присутствие духа.

– Я пойду к моим Кингам, хотя гораздо охотнее осталась бы дома и занялась хозяйством, – сказала Мег, с сожалением думая о том, какие у нее, должно быть, красные глаза.

– Это ни к чему. Мы с Бесс отлично справимся с домашней работой, – вставила Эми с важным видом.

– Ханна скажет нам, что нужно сделать, и, когда вы придете домой, все уже будет готово, – добавила Бесс, без промедления вынимая мочалку и тазик для мытья посуды.

– Я думаю, что волнения – это очень интересно, – заметила Эми, задумчиво поедая сахар.

Девочки не сумели удержаться от смеха, и он принес им облегчение, хотя Мег все же покачала головой, глядя на юную особу, которая могла найти утешение в сахарнице.

Привычный вид полукруглых пирожков снова настроил Джо на серьезный лад, и когда они вдвоем с Мег вышли из дома, обе с грустью оглянулись на окно, за которым так привыкли видеть лицо матери. Его там не было, но Бесс не забыла об этой маленькой домашней традиции и стояла у окна, с улыбкой кивая им, словно розовощекий китайский мандарин.

– Как это похоже на мою Бесс! – сказала с благодарностью на лице Джо, взмахнув шляпой. – До свидания, Мег, надеюсь, Кинги не будут тебе сегодня досаждать. Не тревожься о папе, дорогая, – добавила она, расставаясь с сестрой.

– А я надеюсь, что тетя Марч не будет брюзжать. Твоя новая прическа тебе к лицу; вид совсем как у мальчика, и очень привлекательно, – ответила Мег, глядя на кудрявую голову, которая казалась до смешного маленькой на плечах высокой сестры, и стараясь не улыбаться.

– Это мое единственное утешение. – И, притронувшись к шляпе а-ля Лори, Джо

зашагала дальше, чувствуя себя как стриженная овечка в ветреный день.

Пришедшие известия об отце очень утешили девочек, ибо, хотя он и был опасно болен, само присутствие лучшей и нежнейшей из сиделок принесло ему ощутимую пользу. Мистер Брук присылал свои донесения ежедневно, и, в качестве главы семьи, Мег настояла на том, чтобы самой читать вслух сообщения, которые, по мере того как проходила неделя, становились все более и более оптимистичными. Сначала все горело желанием написать, и та или иная из сестер, преисполненная сознанием собственной важности из-за переписки с Вашингтоном, аккуратно всовывала пухлый конверт в почтовый ящик. Один из таких конвертов содержал типичные письма всей компании, и потому вообразим, что мы обокрали почту, и прочтем их.

Дражайшая мама!

Невозможно описать, как осчастливило нас твое последнее письмо; новости такие радостные, что мы и смеялись и плакали над ними. Как добр мистер Брук и как это удачно сложилось, что дела мистера Лоренса так долго удерживают его возле тебя, ведь он так полезен и тебе и нам. Все девочки – чистое золото. Джо помогает мне шить и настаивает на том, чтобы одной делать всю тяжелую работу. Я, вероятно, боялась бы, что она переутомится, если бы не была уверена, что этот «приступ добродетельности» долго не продлится. Бесс исполняет свои обязанности пунктуально и никогда не забывает того, что ей говорят. Она печалится об отце и выглядит задумчивой, оживляясь только за своим пианино. Эми прекрасно меня слушается, и я уделяю ей много внимания. Она сама расчесывает волосы, и я учу ее обметывать петли и штопать чулки. Она очень старается, и я думаю, что ты будешь довольна ее успехами, когда вернешься. Мистер Лоренс заботится о нас как старая наседка, по выражению Джо. Лори тоже очень добр и приветлив. Он и Джо стараются не давать нам унывать, но иногда мы очень грустим и чувствуем себя сиротами от того, что ты так далеко. Ханна – просто святая; она совсем не ворчит и всегда называет меня «мисс Маргарет», как, разумеется, и должно быть, и относится ко мне с уважением. Мы все здоровы и заняты делом, но очень хотим, днем и ночью, чтобы ты вернулась. Передай мой сердечный привет папе.

Вечно твоя Мег.

Эта записка, написанная красивым почерком на надушенной бумаге, представляла собой полную противоположность следующей, небрежно и наспех нацарапанной на большом листе тонкой заграничной бумаги, украшенном кляксами и всевозможными росчерками и завитушками:

Драгоценная моя мама!

Троекратное ура в честь дорогого папы! Брук – славный малый, сразу телеграфировал и дал нам знать, как только папе стало лучше. А когда пришло письмо, я бросилась на чердак и попыталась возблагодарить Господа за его доброту к нам, но только плакала и повторяла: «Как я рада! Как я рада!» Может быть, это сойдет за настоящую молитву? Ведь у меня в сердце было так много чувства. У нас часто бывает весело; и теперь я могу радоваться, потому что все такие отчаянно хорошие, – живешь как в голубином гнездышке. Вот бы ты посмеялась, если бы видела, как Мег сидит во главе стола и пытается изображать из себя мать семейства! Она становится все красивее с каждым днем, и я иногда в нее прямо-таки влюблена. Бесс и Эми – сущие ангелы, а я – ну, я – Джо и никогда никем иным не буду. О, я должна сказать тебе, что чуть не поссорилась с Лори. Я откровенно высказалась по поводу какой-то ерунды, а он обиделся. Я была совершенно права, но говорила не так, как следовало бы, и он ушел домой, сказав, что не придет больше, если я не попрошу прощения. А я заявила, что не попрошу,

и разозлилась. Это тянулось целый день, мне было так тяжело и так хотелось, чтобы ты была рядом. Мы с Лори оба такие гордые, и трудно попросить прощения, но я думала, что в конце концов он это сделает, потому что я и в самом деле была права. Но он не приходил, и уже вечером я вспомнила, что ты сказала мне накануне того дня, когда Эми провалилась в реку. Я почитала мою книжку, почувствовала себя лучше и решила не держать долго обиды. Я побежала к Лори, чтобы сказать ему, что жалею о случившемся. Мы встретились у калитки, он шел ко мне с таким же намерением. Мы оба засмеялись, попросили друг у друга прощения, и нам опять стало хорошо и спокойно.

Вчера, помогая Ханне стирать, я сочинила стих, и, так как папа любит мои безделки, я вкладываю эту мою «песнь», чтобы развлечь его. Обними его с огромнейшей любовью и поцелуй двенадцать раз за твою

безалаберную Джо.

ПЕСНЬ ИЗ МЫЛЬНОЙ ПЕНЫ

Корыта королева я
И весело пою!
Я стирку – славное из дел –
Люблю, как песнь мою.
Работу солнцу и ветрам
Я часто задаю.

Вот если б так же мы могли
Смыть с наших душ всю лень,
А с лиц унылых удалить
Любой печали тень,
Тогда настал бы на земле
Великий стирки день.

Коль труд полезный – наша цель,
В душе цветет покой.
Чей занят ум, тот незнаком
Ни с грустью, ни с тоской.
И нужно с сором выметать
Тревожных мыслей рой.

Пусть в Сердце много чувств живет,
Дум Голова полна,
Но с радостью скажу Руке:
Трудиться ты должна.
Я знаю, что работа мне
Полезна и нужна.

Дорогая мама!

Мне хватит места в этом письме только для того, чтобы послать привет и несколько засушенных маргариток от того корешка, который я взяла в саду и посадила дома для папы. Я читаю мою книжку каждое утро, стараюсь быть очень хорошей весь день, а на ночь пою папины любимые песни. Только «Райскую страну» я теперь петь не могу, я от нее плачу. Все очень добры, и мы счастливы, насколько это возможно без тебя. Эми хочет, чтобы я оставила ей остальную часть страницы, поэтому кончаю. Я не забыла закрыть шкафы и сундуки и завожу часы и

проветриваю комнаты каждый день. Поцелуй дорогого папу в ту щеку, которую он зовет моей. О, приезжайте скорее к вашей любящей
маленькой Бесс.

Ma chere mamma²⁸

Мы все здоровы я делаю все уроки и конфликтно веду себя с девочками – Мег говорит, что я имею в виду кор-ректно так что я привожу оба слова чтобы ты могла выбрать которое из них точнее. Я нахожу большое утешение в Мег она позволяет мне есть варенье каждый вечер за чаем Джо говорит что это мне очень полезно потому что от этого у меня улучшается характер. Лори не такой галантный как должен бы быть теперь когда я почти взрослая, он зовет меня «цыпка» и очень задевает мои чувства тем что говорит со мной по-французски очень быстро когда я скажумersi или bonjour²⁹ как это всегда делает Хэтти Кинг. Рукава моего голубого платья совсем протерлись и Мег пришила новые но спереди выглядит плохо и они голубее чем само платье. Мне тяжело но я не раздражаюсь мужественно переношу мои страдания но я хочу чтобы Ханна клала побольше крахмала когда стирает мои передники и варила гречневую кашу каждый день. Неужели она не может? Красивый у меня вышел вопросительный знак? Мег говорит что у меня ужасная пунктуация и правописание и я так уизвлена но Боже мой у меня так много дел мне некогда думать. Adieu, шлю огромный приветрара.

Ваша преданная дочь Эми Кертис Марч.

Дорогая миссис Марч!

Черкну вам только пару строк, чтобы сказать, что дела у нас идут первый сорт. Девочки – умницы и крутятся по хозяйству как заводные. Из мисс Мег выйдет хорошая хозяйка, у ней к етому дар, схватывает все на диво быстро. Джо любому очко вперед даст, так все проворно делает, да вот только никогда не остановится, чтоб подумать сперва, и никогда не знаешь, где у ней что выйдет. В понедельник она целое корыто настирала, только крахмал положила прежде, чем от мыла отполоскать, и розовое платье ситцевое подсинила, так я думала, помру от смеха. Лучше Бесс в мире не сыскать, и отличная из нее мне помощница, такая она предусмотрительная и надежная. Она всему старается научиться, ходит на рынок, даром что мала; счета ведет с моей помощью прямо чудо; я даю девочкам кофе только раз в неделю, как вы и велели, и держу их на простой здоровой пище. Эми не дуется, так как носит свои лучшие платья и ест сладкое. Мистер Лори на шалости горазд как всегда, и часто в доме все вверх дном; но он подбадривает девочек, и потому я даю ему полную волю. Старый мистер Лоренс каждый день шлет нам кучу всего; пожалуй, надо-едает даже, но я знаю, что он добра нам желает, да и не мое это дело чтой-то ему говорить. Хлеб мой поднялся, так что пока кончаю. Мое почтение мистеру Марчу. Надеюсь, это в последний раз у него воспаление лехких.

С уважением Ханна Мюллет.

Главной сиделке палаты № 2.

Все спокойно на Раппаханоке, войска в отличном со-стоянии, интендантская

²⁸ ma chere mamma – правильно: ma chere maman – моя дорогая мама

²⁹ bon jour – правильно: bonjour – здравствуйте

служба действует превосходно, До-машний Караул под командованием полковника Тедди всег-да на посту, главнокомандующий генерал Лоренс ежедневно проводит смотр войск, квартирмейстер Мюллет поддержи-вает порядок в лагере, а майор Лев выходит в пикет по ночам. По получении добрых вестей из Вашингтона был произведен салют из двадцати четырех орудий и парад в полной форме. Главнокомандующий шлет наилучшие по-желания, в чем к нему от всей души присоединяется

полковник Тедди.

Дорогая миссис Марч!

Девочки все здоровы, Бесс и мой мальчик ежедневно докладывают мне, как идут дела. Ханна – образцовая служанка и сторожит прекрасную Мег как грозный дра-кон. Рад, что погода стоит хорошая; молю Бога, чтобы Брук был полезен, и обращайтесь ко мне за помощью, если издержки окажутся больше, чем вы предполагали. Пусть ваш муж ни в чем не нуждается. Слава Богу, что он поправляется.

Ваш верный друг и покорный слуга Джеймс Лоренс.

Глава 17 «Маленькая Добросовестность»

В первую неделю того количества добродетели, что мож-но было найти в старом доме Марчей, с избытком хватило бы на всю округу. Это было поистине удивительным, ибо каждая, казалось, пребывала в неземном умонастроении и самопожертвование было в моде. Но когда первая тревога за отца улеглась, девочки незаметно для себя несколько ослабили свои похвальные усилия и начали возвращаться к прежним привычкам. Хотя они не забыли свой девиз, но «надеяться и трудиться» стали с меньшим жаром, а после огромного напряжения возникло чувство, что отдых – вполне заслуженная награда, и они предоставляли его себе в изрядном количестве.

Джо сильно простудилась из-за того, что плохо покрывала стриженую голову, и получила распоряжение оставаться дома, пока не поправится, так как тетя Марч не любила, чтобы ей читали вслух насморочным голосом. Джо обрадовалась и после энергичных поисков всего необходимого по всему дому, от чердака до подвала, успокоилась на диване, чтобы лечить свою простуду мышьяком³⁰ и книжками. Эми нашла, что домашние обязанности и искусство плохо совме-стимы, и вернулась к своим «куличикам». Мег продолжала ежедневно ходить к своим питомцам, а дома шила или думала, что шьет, но больше времени проводила за длинными письмами к матери и вновь и вновь перечитывала сообщения из Вашингтона. Одна лишь Бесс продолжала трудиться по-прежнему, лишь изредка предаваясь праздности или уны-нию. Каждый день она добросовестно исполняла свои ма-ленькие обязанности, а также и многие из обязанностей сестер, ибо те были забывчивы и хозяйство напоминало часы, маятник которых раскачивается по инерции. Когда ей становилось тяжело на сердце из-за тоски по матери и страха за отца, она убегала в гардеробную и прятала лицо в складках милого старого платья матери, чтобы немножко постонать и помолиться в одиночестве. Никто не знал, что возвращало ей бодрость после приступа печали, но все чувствовали, как добра и всем полезна Бесс, и стало обычным обращаться к ней за утешением или советом.

³⁰ лечить свою простуду мышьяком – неорганические препараты мышьяка употребляются в качестве общеукрепляющего и тонизирующего средства

Они не сознавали, что выпавшее на их долю испытание является проверкой характера, и стоило первому возбуждению пройти, как у них возникло чувство, что они показали себя с хорошей стороны и заслуживают похвал. Так оно, конечно, и было, но ошибка заключалась в том, что они перестали показывать себя с хорошей стороны, но узнали они об этой ошибке, только испытав немало тревог и горьких сожалений.

– Мег, может быть, ты сходишь к Хаммелям; ты же знаешь, мама велела нам не забывать о них, – сказала Бесс десять дней спустя после отъезда миссис Марч.

– Я слишком устала сегодня, – ответила Мег, с удовольствием покачиваясь в кресле с шитьем в руках.

– А ты, Джо, не могла бы сходить? – спросила Бесс.

– Слишком ненастная погода, а у меня ведь насморк.

– Я думала, он почти прошел.

– Он прошел настолько, чтобы я могла побегать в саду с Лори, но не настолько, чтобы пойти к Хаммелям, – сказала Джо со смехом, но несколько стыдясь своей непоследовательности.

– Почему ты не пойдешь сама? – спросила Мег.

– Я хожу к ним каждый день, но младенец болен, и я не знаю, что делать. Миссис Хаммель уходит на работу, а его нянчит Лотхен, но ему все хуже и хуже, и я думаю, что вам или Ханне следовало бы зайти к ним.

Бесс говорила очень горячо, и Мег пообещала, что сходит завтра.

– Попроси у Ханны что-нибудь вкусненькое и отнеси им, Бесс; тебе полезно прогуляться, – сказала Джо, добавив извиняющимся тоном: – Я пошла бы, но хочу дописать рассказ.

– У меня болит голова, и я устала. Я надеялась, что, может быть, кто-нибудь из вас сходит, – сказала Бесс.

– Эми сейчас вернется; она сбегает вместо нас, – предположила Мег.

– Хорошо, я немного отдохну и подожду ее.

Бесс прилегла на диван, остальные вернулись к своим занятиям, и Хаммели были забыты. Прошел час; Эми не появилась, Мег ушла к себе, чтобы примерить новое платье, Джо с головой погрузилась в свой рассказ, а Ханна сладко спала в кухне перед очагом. Бесс тихонько надела капор, наполнила корзинку кое-какой едой для бедных детей и вышла на промозглый воздух с тяжелой головой и печалью в кротких глазах. Было уже поздно, когда она вернулась, и никто не заметил, как она пробралась наверх и закрылась в комнате матери. Полчаса спустя Джо отправилась поискать что-то в «мамином шкафу» и там нашла Бесс, которая сидела на деревянной аптечке с очень печальным лицом, красными глазами и бутылочкой камфары в руке.

– Христофор Колумб! В чем дело? – воскликнула Джо, когда Бесс протянула руку, как бы предостерегая ее, и спросила торопливо:

– У тебя была скарлатина, да?

– Сто лет назад, тогда же, когда и у Мег. А что?

– Тогда я скажу тебе. О, Джо, ребенок умер!

– Какой ребенок?

– Ребенок миссис Хаммель; он умер у меня на коленях, прежде чем она вернулась! – воскликнула Бесс с рыданием.

– Бедняжка моя, какой ужас! Я должна была пойти вместо тебя, – сказала Джо с раскаянием, хватая сестру в объятия и усаживаясь в большое кресло матери.

– Нет, не ужас, Джо, я не испугалась, только это так печально! Я сразу увидела, что ему хуже, но Лотхен сказала, что ее мать пошла за доктором, и я взяла ребенка на руки, чтобы дать Лотти отдохнуть. Он, казалось, спал, но вдруг вскрикнул, вздрогнул, а потом остался лежать очень спокойно. Я пыталась согреть ему ножки, а Лотти дать молока, но он не шевелился, и я поняла, что он умер.

– Не плачь, дорогая! И что ты сделала?

– Я просто сидела и держала его осторожно, пока не пришла миссис Хаммель с доктором. Он сказал, что ребенок умер, и осмотрел Хейнриха и Минну, у которых болит горло. «Скарлатина, мэм. Следовало позвать меня раньше», – сказал он сердито. Миссис Хаммель ответила ему, что бедна и пыталась лечить ребенка сама, но теперь слиш-ком поздно, и она может лишь просить его помочь остальным и надеется на его милосердие. Тогда он улыбнулся и по-добрел, но все это было очень печально, и я плакала с ними, пока доктор вдруг не обернулся в мою сторону и не сказал мне, чтобы я шла домой и немедленно приняла белладонну, а иначе у меня будет скарлатина.

– Нет, не будет! – воскликнула Джо, в испуге при-жимая ее к себе. – О, Бесс, если ты заболеешь, я этого себе никогда не прощу! Что же делать?

– Не бойся, я думаю, что перенесу ее легко. Я посмот-рела в маминой книжке и нашла, что скарлатина начинается с головной боли, боли в горле и такого чувства недомогания, как у меня, так что я приняла белладонну, и мне стало лучше, – сказала Бесс, прикладывая холодные руки к пы-лающему лбу и пытаясь казаться здоровой.

– Если бы мама была дома! – воскликнула Джо, хватая «мамину книжку» и чувствуя, что Вашингтон без-мерно далеко. Она прочла страницу, взглянула на Бесс, пощупала ее лоб, заглянула в горло и затем сказала серьезно: – Ты была с ребенком каждый день более не-дели; так что, боюсь, ты заболеешь, Бесс. Я позову Ханну, она знает все о болезнях.

– Не позволяй Эми заходить ко мне; она не болела скарлатиной, и я очень боюсь заразить ее. А вы с Мег не заболеее снова? – спросила Бесс встревоженно.

– Думаю, что нет. Да пусть бы я и заболела, поделом бы мне было, себялюбивой свинье! Позволила тебе пойти, а сама осталась писать свою чушь! – пробормотала Джо и отправилась советоваться с Ханной.

Добрая душа мгновенно очнулась от сна и сразу взяла дело в свои руки, заверив Джо, что беспокоиться нечего, что у всех бывает скарлатина и что, если правильно лечить, никто от нее не умирает, – всему этому Джо поверила и с чувством облегчения последовала за Ханной в комнату Мег. Втроем они вернулись к больной.

– Теперь я вам скажу, как мы поступим, – заявила Ханна, осмотрев и расспросив Бесс. – Мы позовем доктора Бэнгса, просто осмотреть тебя, милочка, и убедиться, что мы не ошиблись. Эми на время отправим к тете Марч, чтобы ей ничего не грозило, а одна из вас, девочки, не пойдет на работу и останется дома с Бесс на денек-другой, чтобы ей не скучать.

– Разумеется, останусь я; я старшая, – начала Мег; было видно, что ее мучает тревога и угрызения совести.

– Нет, останусь я. Это моя вина, что она заболела; я обещала маме, что буду ходить по всяким поручениям, и не сдержала слова, – сказала Джо с решимостью в голосе.

– Кого ты хочешь, Бесс? Ведь достаточно одной, – сказала Ханна.

– Джо, пожалуйста. – И Бесс с довольным видом скло-нила голову к сестре на грудь, окончательно решив вопрос.

– Я пойду и скажу Эми, что она поедет к тете, – уходя, проронила Мег, немного обиженная, однако в целом, пожалуй, даже с облегчением, так как она, в отличие от Джо, не любила ухаживать за больными.

Эми открыто взбунтовалась и со страстью заявила, что лучше заболееет скарлатиной, чем пойдет к тете Марч. Мег уговаривала, просила, приказывала – все напрасно. Эми торжественно поклялась, что не пойдет, и Мег в отчаянии отступилась от нее и пошла к Ханне, чтобы спросить, что делать. Прежде чем она вернулась, в гостиную зашел Лори и обнаружил там рыдающую Эми, уткнувшуюся головой в диванные подушки. Она рассказала обо всем, ожидая уте-шения, но Лори только сунул руки в карманы и заходил по комнате, негромко насвистывая и сдвинув брови в глу-бокой задумчивости.

Потом он сел рядом с ней и сказал самым вкрадчивым тоном:

– Слушай, будь разумной маленькой женщиной и сде-лай, как они говорят. Ну-ну, не плачь, послушай, что я придумал. Ты пойдешь к тете Марч, а я буду приезжать и брать тебя покататься или прогуляться пешком; мы от-лично проведем время. Разве это не лучше, чем

хныкать тут?

– Я не хочу, чтобы меня отсылали, как будто я ме-шаю, – начала Эми обиженным тоном.

– Помилуй, детка, ведь это делается, чтобы ты осталась здорова. Ты же не хочешь заболеть, правда?

– Конечно нет, но я думаю, что все равно заболею, потому что я была с Бесс все это время.

– Именно поэтому тебе надо немедленно уходить, так чтобы ты могла избежать болезни. Я думаю, что перемена воздуха и обстановки поможет тебе остаться здоровой или, если ты все же заболеешь, перенести болезнь легче. Я советую тебе отправляться как можно скорее. Скарлатина, мисс, это вам не шутки.

– Но у тети Марч ужасная скука, и она такая серди-тая, – сказала Эми довольно испуганно.

– Скучно не будет, если я буду заскакивать каждый день, рассказывать, как себя чувствует Бесс, брать тебя на прогулку. Старой леди я нравлюсь, и я постараюсь быть с ней как можно милее, так что она не станет пилить нас, что бы мы ни делали.

– Ты покатаешь меня в маленькой колясочке на Ша-луне?

– Клянусь честью.

– И приходиться будешь каждый день?

– Вот увидишь.

– И возьмешь меня назад, как только Бесс поправится?

– В ту же минуту.

– И сводишь в театр, честно?

– В десяток театров, если удастся.

– Ну... я думаю... я пойду, – сказала Эми медленно.

– Молодец! Позови Мег и скажи, что ты уступила, – ответил Лори, одобрительно похлопав ее по спине, что рассердило Эми даже больше, чем слово «уступила».

Мег и Джо, сбежавшие вниз, увидели свершившееся чудо, и Эми, чувствуя себя всеми любимой и очень само-отверженной, обещала уйти к тете Марч, если доктор скажет, что Бесс больна.

– Как там она, бедняжка? – спросил Лори, так как Бесс была его любимицей и он тревожился о ней больше, чем желал показать.

– Лежит на маминой кровати. Ей лучше. Смерть ребенка произвела на нее тяжелое впечатление, но я надеюсь, что ее болезнь – всего лишь простуда. Ханна *говорит*, что тоже так думает, но *выглядит* обеспокоенной, и от этого мне тревожно, – ответила Мег.

– Какой это ужасный мир! – сказала Джо, в волнении взъерошивая волосы. – Не успеешь выбраться из одной беды, как сваливается другая. Похоже, не за что уцепиться теперь, когда мама уехала, и я в полной растерянности.

– Ну, не делай из себя дикобраза, тебе это не идет. Приглажь свою шевелюру, Джо, и скажи лучше, должен ли я отправить телеграмму вашей маме или сделать что-то еще? – спросил Лори, который так и не смог примириться с тем, что его друг утратил свою единственную красу.

– Это-то меня и волнует, – сказала Мег. – Мне кажется, что нам следует известить маму, если Бесс действительно больна, но Ханна говорит, что этого делать нельзя, потому что мама не может оставить папу и известие только встревожит их. Бесс скоро поправится, и Ханна точно знает, что делать, а мама говорила, что мы должны слушаться ее, так что мы, вероятно, должны подчиниться, но мне кажется, что это не совсем правильно.

– Хм, не знаю. Может быть, вы поговорите с дедушкой, после того как у вас побывает доктор.

– Обязательно поговорим. Джо, сходи и немедленно пригласи доктора Бэнгса, – распорядилась Мег. – Мы не можем ничего решать, пока он не придет.

– Оставайся на месте, Джо. Я посыльный в этом заведении, – сказал Лори, взявшись за

шляпу.

– Боюсь, что ты занят, – начала Мег.

– Нет, я сделал все уроки на сегодня.

– Ты учишься и в каникулы? – спросила Джо.

– Беру пример с соседок, – прозвучал ответ Лори, когда он повернулся на каблуках и выскочил из комнаты.

– Я возлагаю большие надежды на моего мальчика, – заметила Джо, с одобрительной улыбкой глядя, как он перескакивает через изгородь.

– Он очень хорошо проявил себя... для мальчика его возраста, – таков был довольно неблагодарный ответ Мег; эта тема ее не занимала.

Пришел доктор Бэнгс, сказал, что у Бесс все признаки скарлатины, и выразил надежду, что она перенесет ее легко, хотя заметно помрачнел, услышав о Хаммелях. Эми было приказано немедленно уходить, и, снабженная лекарствами, чтобы предотвратить угрозу здоровью, она отбыла в большем волнении в сопровождении Джо и Лори.

Тетя Марч приняла их со своим обычным гостеприимством.

– А теперь что вам нужно? – спросила она, внимательно взглянув сквозь очки, в то время как попугай, сидевший на спинке ее стула, выкрикнул:

– Убирайся! Мальчишкам тут не место!

Лори отступил к окну, а Джо изложила суть дела.

– Так я и знала. Чего же еще ждать, если вам позволяют болтаться среди бедняков? Эми может остаться и помогать мне, если она не больна, но вид у нее такой, что я не сомневаюсь – она заболит. Не плачь, детка, терпеть не могу, когда хлюпают носом.

Эми была готова заплакать, но в это время Лори утраченной дернул попугая за хвост, отчего у изумленного попугая вырвался хриплый крик и возглас: «Боже, благослови мои ботинки!» Это было так забавно, что Эми засмеялась, вместо того чтобы заплакать.

– А что пишет ваша мать? – спросила старая леди неприветливо.

– Папе гораздо лучше, – отвечала Джо, с усилием сохраняя серьезный вид.

– О, вот как? Ну, это ненадолго, я полагаю. Марч никогда не был вынослив, – таков оказался ободряющий ответ.

– Ха-ха! Не падай духом! Возьми понюшку, прощай, прощай! – пронзительно завизжал попугай, пританцовывая на своей жердочке, и вцепился когтями в чепец старой дамы, когда Лори ушибнул его сзади.

– Замолчи ты, дерзкая старая птица! А тебе, Джо, лучше прямо сейчас отправляться домой; неприлично болтаться в такой поздний час с этим пустоголовым мальчишкой...

– Замолчи ты, дерзкая птица! – закричал попугай, со-скакивая со стула и бросаясь вперед, чтобы клюнуть «пустоголового мальчишку», который трясся от смеха, вызванного этой последней репликой.

«Боюсь, что мне этого не вынести, но я попытаюсь», – подумала Эми, оставшись наедине с тетей Марч.

– Проваливай, ты, чучело! – завизжал попугай, и при этом грубом заявлении Эми не смогла удержаться от всхлипывания.

Глава 18 Мрачные дни

Бесс действительно заболела скарлатиной, и состояние ее было хуже, чем все, кроме Ханны и доктора, подозревали. Девочки почти ничего не знали о болезнях, а мистеру Лоренсу не позволили посетить больную, так что Ханна делала все, как считала нужным, а занятый доктор Бэнгс старался как мог, но во многом полагался на Ханну, как отличную сиделку. Мег оставалась дома, чтобы не занести болезнь в дом Кингов, и занималась хозяйством. Она испытывала немалую тревогу и даже чувство вины, когда отправляла матери письма, в которых не было никаких упоминаний о болезни Бесс. Мег не считала

правильным обманывать мать, но ей было приказано подчиняться Ханне, а та и слышать не хотела о том, чтобы «писать миссис Марч и волновать их из-за этого-то пустяка». Джо целиком посвятила себя Бесс, проводя с ней дни и ночи, – не слишком тяжелый труд, ибо Бесс была очень терпеливой и безропотно переносила все страдания, до тех пор пока оставалась в сознании. Но бывали периоды, когда во время приступа лихорадки она начинала бормотать хриплым, пре-рывающимся голосом, играть на покрывале, словно это было ее любимое маленькое пианино, и пыталась петь, но горло ее было таким опухшим, что там не оставалось места для мелодии; периоды, когда она не узнавала знакомые лица у своей постели, называла их другими именами и умоляюще звала маму. Тогда Джо пугалась, Мег просила, чтобы ей было позволено написать правду, и даже Ханна говорила, что «подумает об этом, хотя *пока* опасности нет». Письмо из Вашингтона прибавило волнений: у мистера Марча на-ступил рецидив и о возвращении домой нельзя было и думать еще долгое время.

Какими мрачными казались теперь дни, каким печальным и унылым все вокруг, как тяжело было на сердце у сестер, когда они трудились и ждали, а тень смерти витала над некогда счастливым домом! И тогда-то Маргарет, сидя в одиночестве, со слезами, часто капающими на шитье, осоз-нала, как богата была она прежде тем, что более драгоценно, чем любая роскошь, какую можно купить за деньги, – лю-бовью, благополучием, покоем и здоровьем, настоящими сокровищами жизни. И тогда-то Джо, живя в затененной комнате, где перед ее глазами постоянно была страдающая маленькая сестра, а в ушах звучал ее жалобный голос, научилась видеть красоту и прелесть натуры Бесс, чувство-вать, как глубока нежная привязанность к ней в каждом из сердец, и признавать ценность бескорыстного стремления Бесс жить для других и поддерживать благополучие в доме с помощью тех простых добродетелей, которыми все могут обладать и которые все должны любить и ценить больше, чем талант, богатство или красоту. А Эми, в своей ссылке, горела желанием вернуться домой, чтобы трудиться ради Бесс, чувствуя, что теперь никакая работа не будет для нее тяжелой или скучной, и вспоминая с горечью и раскаянием о том, сколько раз выполняли за нее забытую работу ста-рательные руки сестры. Лори то и дело являлся в дом, словно беспокойный дух, а мистер Лоренс запер рояль, не в силах вынести этого напоминания о юной соседке, которая так часто в сумерки услаждала его слух своей игрой. Всем не хватало Бесс. Молочник, булочник, бакалейщик и мясник осведомлялись о ее здоровье, бедная миссис Хаммель при-ходила, чтобы попросить прощения за свою неосмотритель-ность и получить ткань на саван для Минны, соседи при-сылали всевозможные лакомства и добрые пожелания, так что даже самые близкие ей люди были удивлены, обнаружив, как много друзей имела застенчивая Бесс.

Тем временем она лежала в постели со старой Джоанной под боком, ибо даже в бреду не забывала о своей несчастной протее. Она очень скучала о своих кошках, но не позволяла принести их из опасений, как бы они не заболели, и неизменно была полна тревоги о Джо. Она передавала Эми полные любви послания, просила сообщить маме, что скоро ей напишет, и часто умоляла дать ей бумагу и карандаш и пыталась написать хоть слово, чтобы папа не подумал, что она забыла о нем. Но скоро даже эти непродолжительные периоды сознания кончились, и она часами металась в по-стели с несвязными словами на устах или проваливалась в тяжелый, не приносящий отдыха сон. Доктор Бэнгс захо-дил дважды в день, Ханна не ложилась спать по ночам, Мег держала в столе уже написанную телеграмму, чтобы можно было отправить ее в любую минуту, а Джо не отходила от постели Бесс.

Первое декабря оказалось по-настоящему зимним днем – дул пронизывающий ветер, валил снег, и год, казалось, готовился к своей предстоящей кончине. Зашед-ший в это утро доктор Бэнгс долго глядел на Бесс, затем с минуту подержал в своих руках ее горячую руку и, за-ботливо положив ее на покрывало, тихо сказал Ханне:

– Если миссис Марч *может* оставить своего мужа од-ного, лучше послать за ней.

Ханна кивнула без слов, губы ее нервно подергивались; Мег упала в кресло; силы, казалось, оставили ее при звуке этих слов, а Джо, постояв с минуту, очень бледная, бросилась в гостиную, схватила телеграмму и, накинув на себя пальто, выбежала в метель.

Она скоро вернулась и бесшумно сняла пальто в передней, когда вошел Лори с письмом, в котором сообщалось, что мистер Марч снова поправляется. Джо прочла его с благодарностью, но, казалось, оно не сняло тяжесть с ее сердца, а на лице ее было написано такое отчаяние, что Лори поспешил спросить:

– В чем дело? Ей хуже?

– Я отправила телеграмму маме, – сказала Джо с трагическим видом, пытаясь стянуть боты.

– Браво, Джо! Ты сделала это по собственному почину? – спросил Лори и, видя, как дрожат у нее руки, усадил ее на стул и снял непослушные боты.

– Нет, доктор велел.

– О, Джо, неужели так плохо? – воскликнул Лори с испугом.

– Да. Она не узнает нас, она даже не говорит теперь о стаях зеленых голубей, как она называла виноградные листья на обоях, она непохожа на мою Бесс, и нет никого, кто помог бы нам вынести это. Мама и папа в Вашингтоне, а Бог кажется теперь так далеко, что я не могу найти Его.

Слезы ручьями бежали по лицу бедной Джо, она протянула руку в беспокойном жесте, словно пробираясь ощупью в темноте, и Лори взял ее руку в свою и шепнул так внятно, как позволял ему комок, стоявший в горле:

– Я здесь. Обопрись на меня, Джо, дорогая!

Она не могла говорить, но «оперлась», и горячее пожатие дружеской руки утешило ее страдающее сердце; оно словно подвело ее ближе к Божественной Руке, которая одна могла поддержать ее в этой горе. Лори очень хотел сказать что-нибудь нежное и успокаивающее, но не мог найти подходящих слов и стоял молча, нежно глядя ее склоненную голову, как это делала обычно ее мать. И это было самое подходящее из всего, что он мог сделать, утешающее боль гораздо лучше, чем самые красноречивые слова, и Джо чувствовала невысказанное сострадание и в молчании узнавала ту сладкую отраду, какую любовь приносит в горе. Вскоре она осушила слезы, принесшие ей облегчение, и подняла на него благодарный взгляд.

– Спасибо, Тедди, теперь мне легче. Я не чувствую себя такой одинокой и постараюсь вынести наихудшее, если оно произойдет.

– Не теряй надежды, это поможет тебе, Джо. Скоро вернется ваша мама, и тогда все будет в порядке.

– Я так рада, что папе лучше; теперь ей будет не так тяжело покинуть его. Боже мой! Кажется, что все несчастья свалились разом и самая большая тяжесть пришлось на мои плечи, – вздохнула Джо, расправляя мокрый носовой платок на коленях, чтобы просушить его.

– Мег не помогает тебе? – спросил Лори с негодованием.

– О, она старается, но она не может любить Бесс так, как люблю ее я, и Мег не будет так не хватать ее, как мне. Бесс – моя совесть, и я не могу смириться с такой потерей. Не могу! Не могу!

Джо снова закрыла лицо мокрым носовым платком и заплакала, особенно отчаянно именно потому, что в предыдущие дни старалась держаться бодро и ни разу не пролила ни слезинки. Лори закрыл глаза рукой, но не мог заговорить, пока не проглотил комок в горле и не успокоил дрожь губ. Может быть, это было не по-мужски, но он ничего не мог поделать с собой, и я этому рада. На-конец, когда рыдания Джо стали тише, он сказал с надеждой:

– Я не верю, что она умрет; она такая хорошая, и мы все так горячо ее любим; я не верю, что Бог заберет ее от нас так скоро.

– Хорошие и любимые люди всегда умирают, – простонала Джо, но плакать перестала; слова друга подбодрили ее, несмотря на собственные страхи и сомнения.

– Бедняжка, ты совсем измотана. Отчаиваться – это так на тебя непохоже. Перестань. Я подбодрю тебя в один миг.

Лори убежал, прыгая через две ступеньки, а Джо положила свою измученную голову

на маленький коричневый капор Бесс, который никто и не подумал тронуть со стола, где она оставила его. Должно быть, он обладал волшебной силой, ибо смиренный дух его кроткой обладательницы, казалось, проник в Джо, и, когда Лори спустился бегом со стаканом вина в руке, она взяла стакан с улыбкой и сказала бодро:

– За здоровье моей Бесс! Ты отличный доктор, Тедди, и такой надежный друг. Как смогу я отблагодарить тебя? – добавила она, когда вино дало новые силы ее телу, так же как прозвучавшие ранее слова – ее страдающей душе.

– Придет время, и я приплюну тебе мой счет; а пока я дам тебе еще кое-что, что согреет твое сердце лучше целой кварты вина, – сказал Лори; на лице его было удовлетворение, которое он с трудом пытался скрыть.

– Что такое? – воскликнула Джо, на мгновение забыв от удивления о своем горе.

– Вчера я послал телеграмму вашей маме, и Брук от-ветил, что она выезжает. Она будет здесь сегодня вечером, и все будет в порядке. Ты рада, что я это сделал?

Лори говорил очень быстро, он сильно покраснел и был взволнован и смущен, так как прежде держал свой план в секрете из боязни разочаровать девочек или повредить Бесс. Джо вся побелела и вскочила со стула, а когда он умолк, она в то же мгновение придала ему уверенности тем, что закинула руки ему на шею и выкрикнула в порыве радости:

– О, Лори! О, мама! Я так рада!

На этот раз она не заплакала, но засмеялась нервно, задрожала и прильнула к своему другу, словно совсем по-терьяла голову от этого неожиданного известия.

Лори, хотя и явно удивленный, действовал с полным присутствием духа; он ласково похлопал ее по спине и, обнаружив, что она приходит в себя, добавил к этому один или два робких поцелуя, что сразу привело Джо в чувство. Держась за перила, она мягко отстранила его и сказала чуть слышно:

– О, нет, не надо! Я не хотела этого; ужасно, что я так себя веду, но ты такой милый, что сделал это, невзирая на Ханну, и я просто не могла не налететь на тебя. Расскажи мне все и не давай мне больше вина, а то вот что получается.

– Я не против, – засмеялся Лори, поправляя галстук. – Понимаешь, я очень нервничал, и дедушка тоже. Мы по-думали, что Ханна превышает свои полномочия и ваша мама должна обо всем знать. Она никогда не простила бы нам, если бы Бесс... ну, если бы с Бесс что-нибудь случилось, ты понимаешь. Так что я убедил дедушку в том, что самое время для нас что-то предпринять, и вчера помчался на почту. Доктор выглядел вчера очень озабоченным, но Ханна чуть не сняла с меня голову, когда я предложил послать телеграмму. Я не выношу, когда мной командуют, и от этого только укрепился в моей решимости – и так и по-ступил. Твоя мама приедет, я знаю. Последний поезд в два часа ночи; я поеду встречать ее, а вам нужно только скрыть свой восторг и не тревожить Бесс, пока эта благословенная женщина не доберется сюда.

– Лори, ты ангел! Смогу ли я когда-нибудь отбла-годарить тебя?

– Налети на меня еще разок; мне это, пожалуй, при-шлось по вкусу, – сказал Лори с озорным видом, чего с ним уже две недели не бывало.

– Нет, спасибо. Я сделаю это через посредника, когда придет твой дедушка. Не дразни меня, иди лучше домой и отдохни, ведь тебе предстоит полночи не спать. Благослови тебя Бог, Тедди!

Джо отступила в угол, а закончив свою речь, стреми-тельно скрылась в кухне, где уселась на стол и сообщила собравшимся кошкам, что она «счастлива, ах как счастлива!», в то время как Лори направился домой, чувствуя, что удачно справился с делом.

– Это самый навязчивый мальчишка, какого я в жизни видела, но я его прощаю и надеюсь, что миссис Марч скоро здесь будет, – сказала Ханна с явным облегчением, когда Джо сообщила ей добрую весть.

Мег ощутила тихую радость, а затем долго размышляла над письмом, принесенным Лори, пока Джо приводила в порядок комнату больной, а Ханна «на скорую руку» стря-пала пироги по случаю приезда «нежданных гостей». Каза-лось, дыхание свежего воздуха

пронеслось по дому и что-то более прекрасное, чем солнечный свет, озарило тихие комна-ты. Все словно почувствовали эту исполненную надежд пе-ремену; птичка Бесс снова начала щебетать; на розовом кустике Эми, росшем на подоконнике, нашли полураспустив-шийся цветок; огонь в каминах, казалось, горел с необычной яркостью; и каждый раз, когда девочки встречались, их бледные лица озарялись улыбкой и они обнимали друг друга, шепча ободряюще: «Мама едет, дорогая! Мама едет!» Радо-вались все, кроме Бесс; она лежала в тяжелом оцепенении, равно не сознающая ни надежды и радости, ни сомнения и опасности. Это было жалостное зрелище: некогда розовое личико – такое изменившееся и безучастное; некогда заня-тые ручки – такие слабые и изможденные; некогда улыба-ющиеся губы – совершенно неподвижные; некогда краси-вые, ухоженные волосы – спутавшиеся и рассыпавшиеся по подушке. Весь день лежала она так, только порой приподни-маясь, чтобы пробормотать: «Воды!» – губами, так спекши-мися от жара, что едва можно было разобрать это слово; весь день Джо и Мег не отходили от нее, наблюдая, ожидая, надеясь и полагаясь на Бога и мать; и весь день валил снег, завывал неистовый ветер, а часы тянулись мучительно мед-ленно. Но наконец пришла ночь, и каждый раз, слыша бой часов, сестры, по-прежнему сидевшие по обеим сторонам постели, обменивались радостными взглядами, ибо каждый час приближал помощь. Заходил доктор и сказал, что около полуночи, вероятно, следует ожидать перемены к лучшему или к худшему и что к тому времени он вернется.

Ханна, совершенно измученная, легла на диванчик в ногах постели и быстро уснула; в гостиной шагал из угла в угол мистер Аоренс, чувствуя, что ему легче было бы встре-титься лицом к лицу с целой батареей мятежников-южан, чем увидеть встревоженное лицо миссис Марч, когда она войдет в дом; Лори лежал на ковре, делая вид, что спит, но на самом деле неподвижно глядел в огонь задумчивым взглядом, де-лавшим его глаза необыкновенно нежными и ясными.

Девочки запомнили эту ночь на всю жизнь; сон не шел к ним, когда они несли свое дежурство с тем ужасным ощущением бессилия, которое охватывает нас всех в подоб-ные часы.

– Если Господь сохранит Бесс, я никогда больше не буду жаловаться на жизнь, – прошептала Мег с жаром.

– Если Господь сохранит Бесс, я постараюсь любить Его и служить Ему всю мою жизнь, – ответила Джо так же горячо.

– Лучше бы у меня не было сердца, так оно болит, – вздохнула Мег, помолчав.

– Если жизнь часто бывает так тяжела, то я вообще не представляю, как мы ее вынесем, – добавила сестра без-надежно.

В это мгновение часы пробили полночь, и обе, забыв о себе, стали наблюдать за Бесс; им показалось, что проис-ходит какая-то перемена в ее бледном, изнуренном лице. Дом был безмолвен как могила, ничто, кроме завывания ветра, не нарушало глубокой тишины. Усталая Ханна по-прежнему спала, и только сестры видели неясную тень, которая, казалось, легла на постель больной. Прошел час, но ничто не изменилось, лишь Лори, стараясь не шуметь, вышел из дома и уехал на станцию. Еще час – по-прежнему никого; тревожные мысли о задержке из-за метели, о не-счастном случае в пути и, что хуже всего, об огромном горе в Вашингтоне преследовали бедных девочек.

Был уже третий час, когда Джо, которая стояла у окна, думая о том, как безотрадно выглядит мир за этой крутя-щейся пеленой снега, услышала какой-то звук возле кровати и, быстро обернувшись, увидела, что Мег опустилась на колени перед стулом матери и закрыла лицо руками. Ужас-ный страх обдал Джо холодом, когда она подумала: «Бесс умерла, а Мег боится сказать мне».

Она мгновенно вернулась на свой пост у кровати, и от волнения ей показалось, что произошла значительная пе-ремена. Горячечный румянец и выражение страдания ис-чезли, и любимое лицо казалось таким бледным и мирным в этом полном покое, что у Джо не было желания плакать или стенать. Низко склонившись над любимейшей из сестер, она

поцеловала влажный лоб, вложив в поцелуй всю душу, и нежно шепнула: «Прощай, моя Бесс, прощай!»

Ханна, словно пробужденная неожиданным толчком, очнувшись от сна и поспешила к постели. Она взглянула на Бесс, коснулась ее рук, прислушалась к ее дыханию, а затем, набросив себе на голову передник, села и, раскачиваясь взад и вперед, шепотом воскликнула:

– Лихорадка прошла; она спит по-настоящему; кожа влажная; дышит она легко. Слава Тебе Господи!

Прежде чем девочки смогли поверить в эту счастливую правду, пришел доктор, чтобы подтвердить ее. Был он человеком невзрачным, но им показалось, что лицо у него неземной красоты, когда он улыбнулся и сказал, отечески глядя на них:

– Да, дорогие мои, я думаю, что девочка выживет. Соблюдайте тишину, пусть она спит, а когда проснется, дайте ей...

Что нужно дать, ни одна из сестер не слышала: обе выскользнули в темную переднюю и, присев на ступеньку лестницы, крепко обнялись; радость переполняла их сердца, и слова казались лишними. Когда они вернулись, верная Ханна поцеловала их и крепко прижала к себе. Бесс лежала, подложив руку под щеку, как это обычно бывало прежде; пугающая бледность прошла, девочка дышала спокойно, словно только что уснула.

– Если бы только мама приехала сейчас! – сказала Джо, когда зимняя ночь начала приближаться к рассвету.

– Смотри, – сказала Мег, подходя к ней с белой полу-раскрывшейся розой в руке. – Я думала вчера, что она вряд ли распустится за ночь, чтобы можно было вложить ее в руку Бесс, если она... уйдет от нас. Но она распустилась, и теперь я поставлю ее в мою вазу у постели Бесс, и, когда наша любимица проснется, первое, что она увидит, будут маленькая розочка и мамино лицо.

Никогда солнце не вставало так красиво и никогда мир не казался таким прелестным, каким предстал он перед утомленными бессонницей глазами Мег и Джо, когда они сидели у окна, вглядываясь в раннее утро после своего долгого и печального ночного бодрствования.

– Можно подумать, что это волшебный мир, – сказала Мег, чуть заметно улыбаясь и глядя на спящую блеском картину за окном.

– Слышишь? – воскликнула Джо, вскочив на ноги. Да, это был звук колокольчиков у входной двери внизу, крик Ханны, а затем радостный шепот Лори:

– Девочки, она приехала! Она приехала!

Глава 19 Завещание Эми

В то время, когда все это происходило дома, переселив-шейся к тете Марч Эми тоже приходилось нелегко. Она остро переживала свою ссылку и впервые в жизни осознала, как ее любили и баловали дома. Тетя Марч никогда никого не баловала, она не одобряла таких вещей; но она желала проявить доброту по отношению к благовоспитанной маленькой девочке, которая ей очень понравилась; тетя Марч вообще питала слабость к детям своего племянника, хотя и не считала нужным признаваться в этом. Она была уверена, что делает все возможное, чтобы Эми было хорошо, но, Боже мой, как она заблуждалась. Некоторые старые люди остаются молоды душой, несмотря на морщины и седину; они могут посочувствовать детям в их маленьких горестях и радостях, сделать так, чтобы те чувствовали себя как дома, и облечь мудрые наставления в форму приятной игры, даря дружбой и завоевывая ее самым чарующим образом. Но тетя Марч не обладала подобным талантом и очень досаждала Эми своими правилами и распоряжениями, своим чопорным обращением и долгими, нудными беседами. Обнаружив, что девочка гораздо более послушна и приветлива, чем ее сестра, старая леди сочла своим долгом постараться, насколько это возможно, нейтрализовать дурные последствия свободы и снисходительности, царивших, по ее мнению, в доме племянника. Она взяла Эми в руки и

воспитывала ее так, как саму ее воспитывали лет шестьдесят назад, – процесс, наполнивший ужасом душу Эми, которая почувствовала себя мухой, попавшей в сети очень строгого паука. Каждое утро она должна была мыть чашки и начищать до блеска старинные ложки и пузатый серебряный чайник. Затем нужно было вытереть пыль в комнате – и какой же мучительной была эта работа! Ни одна пылинка не ускользала от взора тети Марч, а у всей мебели были замысловатые резные ножки, которые никогда не удавалось вытереть как следует. Затем требовалось накормить попугая, расчесать собачку и десяток раз пробежать вверх и вниз по лестнице с разными поручениями, так как старая леди была хромой и редко покидала свое большое кресло. После этих утомительных трудов она должна была учить уроки, что являлось ежедневным испытанием всех добродетелей, какими она обладала. Затем ей предоставлялся один час, чтобы погулять или поиграть, и сколько наслаждения приносил он ей! Лори приходил каждый день и улещивал тетю Марч, пока та не позволяла Эми отправиться с ним на прогулку, и тогда они ходили пешком или катались в эки-паже и отлично проводили время. После обеда она должна была читать вслух и сидеть тихо, если старая леди заснет, что обычно случалось уже на первой странице. Затем по-являлось лоскутное покрывало или неподрубленные поло-тенца, и Эми шила, с внешней кротостью и протестом в душе, до самых сумерек, когда ей позволялось заняться до чая чем она хочет. Вечера были хуже всего, так как тетя Марч обычно пускалась в длинные рассказы о своей молодости, которые были столь неописуемо скучны, что Эми всегда была рада отправиться в постель, намереваясь оп-лакать там свою горькую участь; впрочем, обычно она за-сыпала, успев выдать лишь одну или две слезинки.

Эми чувствовала, что если бы не Лори и старая Эстер горничная тети Марч, ей ни за что не удалось бы пережить это тяжелое время. Одного попугая было достаточно, чтобы свести ее с ума, так как он скоро почувствовал, что она не в восторге от него, и мстил ей, озорничая, как только мог. Он дергал ее за волосы каждый раз, когда ей случалось оказаться рядом с ним; стоило ей вычистить его клетку как он тут же опрокидывал миску с молоком и хлебом чтобы досадить ей; клевал пуделя, чтобы тот лаял, когда старая леди задремывала; обзывал Эми в присутствии го-стей – и во всех отношениях вел себя как заслуживающая осуждения старая птица. Она не выносила и пуделя – жирного, злого пса, который рычал и лаял на нее, когда она занималась его туалетом, и который заваливался на спину, задрав в воздух все четыре лапы, с самым идиотский выражением на морде, когда хотел есть, а случалось это раз десять в день. Кухарка была сварлива, кучер глух, и одна лишь Эстер уделяла хоть какое-то внимание юной леди.

Эстер была француженка, много лет жившая с «мадам» как она называла свою госпожу. Старая леди изрядно ти-ранила ее, хотя не могла без нее обойтись. Ее настоящее имя было Эстелла, но тетя Марч приказала ей переменить его, и та повиновалась, при условии, что от нее никогда не потребуют отказаться от ее религии. Она полюбила «маде-муазель» и иногда, когда Эми сидела с ней, пока она крах-малила и гладила кружева «мадам», развлекала ее рассказами о своей жизни во Франции. Она также позволяла Эми бродить по огромному дому и разглядывать любопытные и красивые вещи, которыми были заполнены большие шкафы и старинные сундуки, ибо тетя Марч собирала и хранила всякий ненужный хлам не хуже сороки. Наибольшее восхищение вызывал у Эми ларец индийской работы ее множеством маленьких ящичков, отделений, тайничков, в которых хранились всевозможные украшения – одни драгоценные, другие просто интересные, все более или менее старинные. Разглядывать и сортировать эти вещицы были для Эми огромным удовольствием, особенно занимали ее ящички, в которых на бархатных подушечках покоились ювелирные изделия, сорок лет назад служившие украше-нием прекрасной леди. Среди них были гранатовый браслет, жемчуг, который отец подарил ей к свадьбе, бриллианты – подарок жениха, траурные кольца и булавки из черного янтаря, старинные медальоны с портретами умерших друзей и изображениями плакучих ив внутри, сделанными из их волос, детский браслетик, который носила одна из ее ма-леньких дочек, большие часы дяди Марча, с подвешенной к ним красной печаткой, которой играло так много детских рук;

в отдельной коробочке лежало обручальное кольцо тети Марч, слишком маленькое теперь для ее пухлых пальцев, но заботливо хранимое как самая большая драгоценность.

– Что взяли бы вы, мадемуазель, если бы могли вы-бирать? – спросила Эстер, которая всегда сидела рядом, наблюдая, а затем запирая драгоценности.

– Больше всего мне нравятся бриллианты, но здесь нет ожерелья, а я люблю ожерелья, это так привлекательно. Так что я выбрала бы вот это, если бы было можно, – ответила Эми, с восхищением глядя на нить золотых и эбеновых бусин, на которой висел такой же черный, с золотом, тяжелый крест.

– Я тоже очень хотела бы это, но не как ожерелье, о, нет! Для меня это четки, и в этом качестве я, как добрая католичка, стала бы использовать их, – сказала Эстер, печально созерцая красивую вещь.

– То есть вы хотели бы использовать это как ту нитку деревянных бусин с приятным запахом, которая висит на вашем зеркале? – спросила Эми.

– Вот именно, чтобы молиться. Это было бы приятно святым, если кто-то молится, перебирая такие прелестные четки, вместо того чтобы носить их как пустое украшение.

– Кажется, вы находите большое утешение в молитвах, Эстер; вы всегда спускаетесь вниз такая спокойная и умиротворенная. Хорошо бы мне тоже так.

– Если бы вы, мадемуазель, были католичкой, вы обрели бы истинное утешение; но раз это не так, хорошо бы вам хотя бы уединяться каждый день, чтобы поразмышлять и помолиться, как это делала моя добрая хозяйка, у которой я служила, прежде чем перейти к мадам. У нее была Маленькая часовня, и там она находила утешение во многих скорбях.

– Будет это правильно, если я начну делать то же самое? – спросила Эми, которая в своем одиночестве чувствовала потребность в какой-то поддержке и обнаружила, что почти совсем забыла о своей маленькой книжечке, как только рядом не стало Бесс, чтобы напоминать об этом.

– Это было бы великолепно и очаровательно, и я охотно приготовлю для этой цели маленькую гардеробную, если хотите. Ничего не говорите мадам, но, когда она спит, пойдите туда и посидите в одиночестве, чтобы подумать хорошие думы и попросить доброго Бога сохранить вашу сестру.

Эстер была очень набожной и дала свой совет вполне искренне; у нее было отзывчивое сердце, и она очень сочувствовала сестрам в это тревожное для них время. Эми идея понравилась, и она позволила приготовить светлую гардеробную рядом со своей комнатой, в надежде, что это принесет ей облегчение.

– Хотела бы я знать, куда попадут все эти красивые вещи, когда тетя Марч умрет, – сказала она, медленно кладя на место блестящие четки и закрывая одну за другой коробочки с драгоценностями.

– К вам и к вашим сестрам. Я знаю; мадам сказала мне по секрету. Я подписывала ее завещание как свидетельница; и как там записано, так и будет, – шепнула Эстер, улыбаясь.

– Как мило! Но я хотела бы, чтобы она отдала их нам сейчас. Хорошо, что ее намерение зафиксировано, но как долго ждать! – заметила Эми, бросая последний взгляд на бриллианты.

– Вы и ваши сестры еще слишком молоды для того, чтобы носить эти украшения. Первая из вас, у которой появится жених, получит жемчуг – так сказала мадам; и я полагаю, что маленькое бирюзовое колечко будет подарено вам перед тем, как вы вернетесь домой, так как мадам очень нравится ваше хорошее поведение и очаровательные манеры.

– Вы так думаете? О, я буду кроткой как ягненок, лишь бы получить это прелестное колечко! Оно гораздо красивее, чем у Китти Брайант. Несмотря на все, тетя Марч мне все-таки нравится. – И Эми примерила голубое колечко с восхищением на лице и твердой решимостью заслужить награду.

С этого дня она была образцом послушания, и старая леди самодовольно любовалась успехами своего метода воспитания. Эстер принесла в гардеробную маленький столик, поставила перед ним табурет, а над ним повесила картину, взятую в одной из нежилых

комнат. Она полагала, что картина не имеет особой ценности, но полотно было подходящим по сюжету, и она взяла его в полной уверенности, что мадам никогда не узнает об этом и не обеспокоится, даже если и узнает. Это была, однако, очень ценная копия одной из замечательнейших картин, и глаза Эми, восприимчивые к красоте, никогда не уставали смотреть на прекрасное лицо богоматери, в то время как душу ее согревали нежные мысли о собственной маме. На столе она положила свое Евангелие и книжку псалмов, а в вазу всегда ставила лучшие из цветов, какие приносил ей Лори, и каждый день ходила туда «посидеть в одиночестве, подумать хорошие думы и попросить доброго Бога сохранить ее сестру». Эстер дала ей четки из черных бусин, с серебряным крестом, но Эми просто повесила их на стену, сомневаясь, уместно ли их использование для протестантских молитв.

И не было во всем этом никакой неискренности, ибо, оказавшись одна, за пределами безопасного родного гнезда, она ощутила настолько острую необходимость опереться на чью-либо добрую руку, что инстинктивно обратилась к сильному и нежному Другу, окружающему отеческой любовью своих маленьких детей. Ей не хватало помощи матери, чтобы понять себя и владеть собой, но, наученная, куда обратить взор за помощью, она делала все, что было в ее силах, чтобы найти верную стезю и вступить на нее с надеждой. Но Эми была юным пилигримом, и в эти дни ноша ее казалась ей очень тяжелой. Она старалась забыть о себе, думая только о других, сохранять бодрость и быть довольной тем, что поступает правильно, пусть даже никто этого не видит и не хвалит ее. В этом своем стремлении стать очень, очень хорошей она решила прежде всего, подобно тете Марч, написать завещание, с тем чтобы, если она все-таки заболеет scarlatinой и умрет, ее имущество могло быть распределено справедливо и великодушно. Она решилась на это, несмотря на то что для нее было мучительно даже подумать о том, чтобы отказаться от маленьких сокровищ, которые в ее глазах были не меньшими драгоценностями, чем бриллианты старой леди.

В один из часов, отведенных для игры, она написала этот важный документ, приложив немало стараний и воспользовавшись помощью Эстер в том, что касалось некоторых юридических терминов, и, когда добродушная францу-женка вывела под ним свое имя, Эми испытала облегчение и отложила завещание, чтобы потом показать его Лори, которого хотела сделать вторым свидетелем. День был дождливый, и, взяв с собой для компании попугая, она пошла наверх, чтобы поиграть в одной из больших комнат. В этой комнате стоял платяной шкаф, полный старинных нарядов, которые Эстер позволяла ей брать для игры, и ее любимым развлечением было облачаться в выцветшую парчу и гордо выступать перед высоким зеркалом, делая величественные реверансы и метя пол длинным шлейфом с шелестом, утешавшим ее слух. В этот день она так увлеклась, что не слышала звонка Лори и не видела, как он подглядывает за ней, когда она с серьезным видом прохаживалась взад и вперед, поигрывая веером и вскидывая голову, увенчанную большим розовым тюрбаном, который выглядел очень странно в сочетании с голубым парчовым платьем и торчащей из-под него желтой пикейной юбкой. Ей приходилось передвигаться осторожно, так как на ногах у нее были туфли на высоких каблуках, и, как впоследствии Лори рассказывал Джо, было забавно смотреть, как она семенит в своем разноцветном наряде, а попка бочком, задирая голову, шагает следом, стараясь подражать ей, и иногда останавливается, чтобы поохотиться или выкрикнуть:

– Ну не прелесть ли мы? Убирайся, чучело! Помалкивай! Поцелуй меня, душечка! Ха! Ха!

С трудом подавив взрыв хохота, дабы не оскорбить ее величество, Лори постучал и встретил любезный прием.

– Сядь, отдохни, пока я уберу эти вещи, а потом я собираюсь посоветоваться с тобой по одному очень серьезному вопросу, – сказала Эми, предварительно показавшись ему во всем своем великолепии и загнав попугая в угол. – Одно мучение с этой птицей, – продолжила она, снимая с головы розовую гору, в то время как Лори усаживался верхом на стул. – Вчера, когда тетя уснула, а я старалась сидеть тихо как мышка, попка начал визжать и метаться в

клетке. Я подошла, чтобы выпустить его, и увидела, что к нему забрался большой паук. Я выкинула паука из клетки, и он убежал под книжный шкаф; попка пошел прямо за ним, наклонился, заглянул под шкаф и сказал, как всегда забавно подмигивая: «Выходи прогуляться, дорогой!» Я не могла удержаться от смеха, и от этого попка стал ругаться, а тетя проснулась и отчитала нас обоих.

– Ну и как? Паук принял приглашение старика? – спросил Лори, зевая.

– Да, вылез, и попка убежал, испугавшись до смерти, вскарабкался на кресло тети и кричал оттуда: «Держи ее! Держи ее! Держи ее!», пока я гонялась за пауком.

– Это ложь! О Боже! – крикнул попугай, клюнув Лори в носок ботинка.

– Я свернул бы тебе шею, если б ты был мой, ты, старый мучитель! – воскликнул Лори, потрясая кулаком перед птицей, которая склонила голову набок и серьезно прокаркала:

– Аллилуйя! Да будут благословенны твои пуговицы, дорогой!

– Вот, я готова, – сказала Эми, закрывая платяной шкаф и вынимая из кармана бумагу. – Я хочу, чтобы ты это прочитал и сказал мне, все ли здесь правильно и законно. Я чувствую, что должна сделать это, так как все может случиться, а я не хочу никаких недобрых чувств над моей могилой.

Лори закусил губу и, слегка отвернувшись от своей меланхоличной собеседницы, прочел следующий документ, написанный с похвальной серьезностью и учетом правописания:

Моя последняя воля и завещание

Я, Эми Куртис Марч, находясь в здравом уме и твердой памяти, оставляю все мое земное имущество – viz³¹, то есть поименно:

Моему отцу – мои лучшие рисунки, эскизы, карты и прочие произведения, вместе с рамками. Также мои 100 долларов – в его полное распоряжение.

Моей матери – всю мою одежду, кроме голубого передника с карманами; также мой портрет и мой медальон, с чувством глубокой любви.

Моей дорогой сестре Маргарет я отдаю мое бирюзовое колечко (если я его получу); также мою зеленую коробку с голубками на крышке; также мой кусочек настоящих кружьев, чтобы носить на шее, и ее портрет моей работы на память о ее «маленькой девочке».

Джо я оставляю мою брошь, склеенную сургучом; также мою бронзовую чернильницу – крышку от нее она сама потеряла – и моего драгоценного гипсового кролика, потому что мне жаль, что я сожгла ее книжку.

Бесс (если она переживет меня) я оставляю моих кукол, письменный столик, веер, мои полотняные воротнички и мои новые домашние туфли, если она похудеет за время болезни и сможет носить их. И с этим я также оставляю ей мои сожаления, что смеялась над старой Джоанной.

Моему другу и соседу Теодору Лоренсу я завещаю мою папку из папе машье и мою глиняную модель лошади, хотя он и сказал, что у нее нет шеи. Также за его огромную доброту ко мне в горький для меня час любую из моих художественных работ по его выбору, лучшие всего r Dame³².

Нашему почтенному благодетелю мистеру Лоренсу я оставляю мою лиловую коробку со стеклышком в крышке, которая очень пригодится ему для карандашей и перьев и будет напоминать ему о покойной девочке, которая благодарит его за милости, оказанные ее семье, и особенно Бесс.

Я желаю, чтобы моя любимая подруга Китти Брайант получила голубой шелковый

³¹ viz – сокращенно от videlicet – а именно, то есть (лат.)

³² Notre Dame – правильно, Notre Dame – Богородица, дева Мария

передник и колечко из золотого бисера вместе с прощальным поцелуем.

Ханне я отдаю шляпную картонку, которую она хотела взять, и все лоскутные покрывала, в надежде, что она будет вспоминать обо мне всякий раз, когда увидит их.

И теперь, распорядившись самым ценным моим имуществом, я пребываю в надежде, что все будут удовлетворены и не станут порицать усопшую. Я прощаю всех и верю, что все мы встретимся, когда прозвучит трубный глас. Аминь.

К сему завещанию мою руку и печать прилагаю в день 20 ноября Anni Domino³³ 1861.

Эми Кертис Марч

Свидетели:

Эстелла Вальнор, Теодор Лоренс.

Последнее имя было вписано карандашом, и Эми объяснила, что Лори должен вписать его чернилами и надлежащим образом запечатать бумагу.

– С чего тебе пришло такое в голову? Кто-нибудь говорил тебе, что Бесс раздала свои вещи? – спросил Лори сдержанно, когда Эми положила перед ним кусочек красной тесьмы, сургуч и поставила чернильницу.

Она объяснила, а затем спросила с тревогой:

– Что ты сказал о Бесс?

– Мне жаль, что я заговорил об этом, но, раз уж так случилось, я скажу тебе. Ей было очень плохо на днях, и она сказала Джо, что хочет отдать свое пианино Мег, кошек – тебе, а бедную старую куклу – Джо, чтобы она заботилась о ней ради Бесс. Ей было грустно, что она так мало может оставить, и она просила передать остальным из нас по пряди ее волос и ее сердечный привет дедушке. Ей и в голову не пришло писать завещание.

Говоря это, Лори подписывал и запечатывал и не поднимал глаз, пока большая слеза не упала на бумагу. Лицо Эми было расстроенным, но она лишь сказала:

– А нельзя ли добавить к завещанию что-нибудь вроде *поскриптома*?

– Можно, это называется «кодицилл»³⁴.

– Тогда добавь к моему – я хочу, чтобы все мои волосы были отрезаны и розданы моим друзьям. Я забыла об этом, но хочу, чтобы это было сделано, пусть даже это и испортит мою внешность.

Лори выполнил просьбу, с улыбкой думая об этой последней и величайшей жертве, принесенной Эми. Затем он около часа развлекал ее и проявил большое участие, узнав о ее горестях. Но когда он собрался уходить, Эми удержала его и шепнула дрожащими губами:

– Бесс в опасности?

– Боюсь, что да, но мы должны надеяться на лучшее, так что не плачь, дорогая. – И Лори обнял ее братским жестом, который принес ей облегчение.

Когда он ушел, она удалилась в свою маленькую часовню и, сидя в сумерках, молилась о Бесс со струящимися по лицу слезами и болью в сердце, чувствуя, что и миллион бирюзовых колечек не утешит ее, если она потеряет свою кроткую маленькую сестру.

Глава 20 Признания

Я думаю, что мне не найти слов, чтобы рассказать о встрече матери и дочерей; такие прекрасные часы хорошо пережить, но очень трудно описать, так что я оставляю это воображению моих читателей и просто скажу, что дом был полон настоящего счастья и что

³³ Anni Domino – правильно, Anno Domini – наша эра

³⁴ кодицилл – дополнительные распоряжения к завещанию (юридический термин)

робкая надежда Мег сбылась: когда Бесс очнулась от долгого, целительного сна, первое, на что упал ее взгляд, были маленькая роза и лицо матери. Она была слишком слаба, чтобы удивиться чему-либо, и только улыбнулась и, заключенная в нежные объятия, прильнула к матери, чувствуя, что ее страстное желание наконец осуществилось. Затем она снова уснула, а девочки принялись ухаживать за матерью, так как она не могла разжать ху-денькую кисть, сжимавшую ее руку даже во сне.

Ханна соорудила для путешественницы поразительный завтрак, не зная, как еще дать выход своему волнению, а Мег и Джо кормили мать, как почтительные молодые аисты, и слушали ее отчет о состоянии отца, об обещании мистера Брука остаться в Вашингтоне, чтобы ухаживать за ним, о задержке в пути, вызванной метелью, и о невыразимом облегчении, которое принесло ей полное надежды лицо Лори, когда, измученная усталостью, тревогой и холодом, она прибыла на станцию.

Каким странным и вместе с тем приятным был этот день! Такой ослепительный и радостный за стенами дома, ибо весь мир, казалось, приветствовал первый снег; такой тихий и спокойный в стенах дома, так как все спали, утом-ленные бессонной ночью, и кругом царила торжественная тишина, в то время как клюющая носом Ханна несла стражу у дверей. С блаженным чувством людей, стряхнувших тя-желую ношу, Мег и Джо закрыли усталые глаза и лежали неподвижно, словно потрепанные бурей корабли, благополучно вставшие на якорь в тихой гавани. Миссис Марч не отходила от Бесс и отдыхала в большом кресле, часто про-сыпаясь, чтобы взглянуть на свою девочку, коснуться ее и склониться над ней, как скупец над вновь обретенным со-кровищем.

Тем временем Лори помчался к Эми, чтобы обрадовать ее, и так хорошо рассказал всю историю, что тетя Марч сама захлопала носом и даже ни разу не сказала свое «я же говорила». Эми проявила при этом такую силу воли, что я полагаю, «хорошие думы» в маленькой часовне дей-ствительно начали приносить свои плоды. Она быстро осу-шила слезы, умерила желание немедленно увидеть мать и даже не подумала о бирюзовом колечке, когда старая леди искренне согласилась с мнением Лори, что Эми показала себя «замечательной маленькой женщиной». Даже на по-пугая это, казалось, произвело впечатление, так как он назвал ее «хорошей девочкой», благословил ее пуговицы и уговаривал ее «выйти прогуляться» самым приветливым тоном. И она охотно прогулялась бы в этот ясный морозный полдень, но, обнаружив, что Лори валится с ног от уста-лости, несмотря на все его мужественные усилия скрыть это обстоятельство, она уговорила его полежать на диване, пока она напишет матери записку. Это заняло у нее немало времени, и, когда она вернулась, он спал, растянувшись на диване, с руками, заложенными под голову, а тетя Марч, задернув шторы, сидела, ничего не делая, в приступе не-обычной доброты.

Спустя некоторое время они начали бояться, что он не проснется до вечера, и я уверена, что так бы оно и было, если бы не успешно разбудивший его радостный крик Эми, увидевшей в дверях мать. Возможно, немало было в тот день счастливых девочек в городе и его окрестностях, но, по моему личному мнению, Эми была счастливее всех, когда сидела на коленях у матери и рассказывала ей о своих огорчениях, получая утешение и вознаграждение в виде одобрительных улыбок и нежных ласк. Они были вдвоем в часовне, против которой мать не стала возражать, когда узнала о цели ежедневного уединения.

– Напротив, мне очень нравится, дорогая, – сказала она, переводя взгляд с пыльных четок и истрепанной ма-ленькой книжечки на прекрасную картину, увитую гирлян-дой вечнозеленых листьев. – Это замечательная идея – отвести себе какое-то место, где можно побыть в тишине, когда что-то тревожит или гнетет нас. В этой жизни нам нередко бывает тяжело, но мы всегда можем вынести любое бремя, если знаем, где просить помощи. Я думаю, моя девочка, ты тоже учишься этому.

– Да, мама, и, когда я вернусь домой, отведу угол в большой гардеробной, чтобы положить там мои книжки и повесить копию этой картины, которую я попыталась сде-лать. Лицо женщины вышло не очень хорошо – оно слиш-ком красивое, мне так не нарисовать, – но ребенок получил-ся лучше, и я Его очень люблю. Мне приятно думать, что Он тоже

когда-то был маленьким, потому что тогда мне не кажется, что я далеко от Него, и это мне помогает.

Когда Эми указала на улыбающееся лицо младенца Христа, сидящего на коленях Богоматери, миссис Марч увидела на поднятой руке нечто такое, что вызвало у нее улыбку. Она ничего не сказала, но Эми поняла этот взгляд и после минутного замешательства добавила серьезно:

– Я хотела сказать тебе, но забыла. Тетя дала мне сегодня это кольцо; она позвала меня к себе, поцеловала, надела его мне на палец и сказала, что я – ее гордость и что она хотела бы, чтобы я осталась у нее навсегда. Она дала мне и эту смешную штучку, чтобы кольцо не свалилось, а то оно слишком большое. Мне хотелось бы носить его; можно, мама?

– Оно очень красивое, но я думаю, что ты слишком мала для таких украшений, Эми, – ответила миссис Марч, глядя на маленькую пухлую руку с полоской небесно-голубых камешков на указательном пальце и странной застежкой из двух крошечных золотых рук, сцепленных вместе.

– Я постараюсь не быть тщеславной, – сказала Эми. – Я думаю, что оно нравится мне не только потому, что оно такое красивое. Я хочу носить его, как та девушка в рассказе носила браслет, – носить, чтобы он напоминал мне о чем-то.

– О пребывании у тети Марч? – спросила мать, за-смеявшись.

– Нет, напоминать мне, что я не должна думать лишь о себе. – Эми казалась такой серьезной и искренней в своих намерениях, что мать перестала смеяться и внимательно выслушала предлагаемый маленький план.

– Я много думала в последнее время о моей «котомке» недостатков, и себялюбие – самый большой из них, так что теперь я собираюсь приложить все силы, чтобы избавиться от него, если сумею. Бесс не эгоистка, и именно поэтому все любят ее, и всем так тяжело от одной мысли потерять ее. Людям не было бы и вполтину так тяжело, если бы это я заболела, да я и не заслуживаю их тревог. Но я хотела бы, чтобы множество друзей любили меня и скучали обо мне, поэтому я собираюсь изо всех сил стараться быть такой, как Бесс. Я могу забыть о своем решении, но если у меня всегда будет с собой что-нибудь, напоминающее об этом, то, я думаю, у меня будет получаться лучше. Можно мне попробовать?

– Конечно, но я больше верю в уголок в гардеробной. Носи свое колечко, дорогая, и старайся. Я думаю, ты при-дешь к цели, ведь искреннее желание быть хорошей – залог успеха. Теперь я должна вернуться к Бесс. Не падай духом, доченька, скоро ты вернешься к нам.

В тот же вечер, когда Мег писала отцу отчет о благо-получном прибытии путешественницы, Джо проскользнула вверх, в комнату Бесс, и, застав мать на обычном месте, с минуту стояла в нерешительности, глядя на нее и озабо-ченно теребя свою шевелюру.

– В чем дело, дорогая? – спросила миссис Марч, про-тянув руку, с выражением лица, располагающим к откро-венности.

– Я хочу кое-что сказать тебе, мама.

– О Мег?

– Как ты сразу угадала! Да, о ней; и хотя это мелочь, меня она тревожит.

– Бесс спит, говори тихо и Расскажи мне обо всем. Надеюсь, этот Моффат не был здесь? – спросила миссис Марч довольно резко.

– Нет, я захлопнула бы дверь перед его носом, ес-ли б он посмел, – сказала Джо, устраиваясь на полу у ног матери. – Прошлым летом Мег забыла свои перчатки у Лоренсов, а назад получила только одну. Мы совсем забыли об этом, пока Тедди не сказал мне, что вторая перчатка у мистера Брука. Он держит ее в кармане жилета и однажды выронил; Тедди стал дразнить его, и тогда мистер Брук признался, что ему нравится Мег, но он не смеет сказать об этом, потому что она так молода, а он так беден. Вот, разве это не ужасно?

– Ты думаешь, что он нравится Мег? – спросила Миссис Марч, обеспокоенно взглянув

на нее.

– Спаси и помилуй! Я ничего не знаю о любви и прочей подобной чепухе! – воскликнула Джо с забавной смесью интереса и презрения. – В романах у девушек это проявляется в том, что они вздрагивают и краснеют, падают в обморок, худеют и ведут себя как дуры. Что до Мег, она ничего такого не делает: она ест, пьет и спит как разумное существо, прямо смотрит мне в лицо, когда я говорю об этом человеке, и только немножко краснеет, когда Тедди отпускает шуточки насчет влюбленных. Я запретила ему это делать, но он не слушается.

– Значит, ты думаешь, что Мег *не* проявляет интереса к Джону?

– К кому? – воскликнула Джо, удивленно уставившись на мать.

– К мистеру Бруку. Теперь я называю его Джоном; Мы начали называть его так в госпитале, и ему это нравится.

– О Боже! Я знала, что ты встанешь на его сторону: он был добр к папе, и ты не прогонишь его, и позволишь Мег выйти за него замуж, если она захочет. Какая подлость! Поехать ухаживать за папой и помогать тебе, только чтобы добиться вашего расположения. – И Джо опять дернула себя за волосы в порыве гнева.

– Дорогая моя, не сердись; я расскажу тебе, как все вышло. Джон поехал со мной по просьбе мистера Лоренса и так преданно заботился о нашем бедном папе, что мы не могли не полюбить его. Он был совершенно откровенен и честен в том, что касается Мег; он рассказал нам, что любит ее, но хочет заработать денег на хороший дом, прежде чем предложит ей выйти за него замуж. Он хотел только нашего позволения любить ее, и трудиться для нее, и права добиться ее любви, если сумеет. Он действительно превосходный молодой человек, и мы не могли отказать выслушать его, хотя я не соглашусь, чтобы Мег была помолвлена так рано.

– Конечно нет; это была бы просто дурь! Я знала, что затевается что-то недоброе, я это чувствовала, но дело даже хуже, чем я могла вообразить. Хорошо бы я сама могла жениться на Мег, чтобы она благополучно оставалась с нами.

Этот необычный способ разрешения проблемы вызвал у миссис Марч улыбку, но затем она сказала серьезно:

– Джо, я доверяю тебе и надеюсь, что пока ты ничего не скажешь Мег. Когда Джон вернется и я увижу их вместе, я лучше смогу судить о ее чувствах к нему.

– Она посмотрит в его красивые глаза, о которых иногда говорит, – и все будет кончено. У нее такое мягкое сердце, оно тает как масло на солнце, стоит кому-нибудь нежно посмотреть на нее. Она читала короткие записки, которые он присылал, дольше, чем твои письма, и ущипнула меня, когда я об этом сказала, и ей нравятся карие глаза, и она не считает, что Джон – отвратительное имя, и она возьмет и влюбится в него, и тогда прощай покой, и веселье, и хорошие времена. Я все это предвижу! Они будут кружить влюбленной парочкой возле дома, а нам придется увертываться, чтобы они на нас не наткнулись. Мег будет всецело этим поглощена, и никакого прока мне от нее больше; Брук так или иначе накопит денег, увезет ее и пробьет брешь в семье; и сердце мое будет разбито, и все будет до отвращения неудобно. О, Боже мой! Почему мы все не мальчики, тогда не было бы никаких хлопот!

Джо уперла подбородок в колени и в этой позе, выражающей отчаяние, потрясла кулаком в адрес заслуживающего всяческого осуждения Джона. Миссис Марч вздохнула, и Джо подняла глаза, на лице ее было написано облегчение.

– Тебе это тоже не нравится, мама? Я рада. Давай скажем ему, чтобы не вмешивался в наши дела, и Мег об этом ни слова не говори, и все будем счастливы вместе, как всегда.

– Напрасно я вздохнула, Джо. То, что каждая из вас должна со временем зажить своим домом, и естественно и правильно, но я хотела бы держать моих девочек при себе сколько смогу, и мне жаль, что это случилось так скоро, ведь Мег еще только семнадцать и пройдет несколько лет, прежде чем Джон сможет обзавестись домом. Твой отец и я согласились, что она не должна связывать себя никакими обязательствами или выходить замуж, пока ей не

исполнится двадцать. Если они с Джоном любят друг друга, то могут подождать и тем самым проверить свою любовь. Она очень совестливая, и я не боюсь, что она может поступить с ним жестоко. Красивая моя, добросердечная девочка! Я надеюсь, все у нее сложится счастливо.

– Разве ты не предпочла бы, чтобы она вышла за богатого? – спросила Джо, когда голос матери дрогнул на последних словах.

– Деньги – хорошая и полезная вещь, Джо, и я надеюсь, мои девочки никогда не испытают ни жестокой нужды, ни слишком больших искушений. Я хотела бы знать, что у Джона прочное положение и достаточный доход, чтобы не залезать в долги и устроить Мег с удобствами. Я не ищу великолепного состояния, заметного положения в обществе или громкого имени для моих дочерей. Если знатность и деньги придут с любовью и добродетелью, я приму их с благодарностью и буду рада вашему богатству, но я по опыту знаю, сколько подлинного счастья можно найти в обычном маленьком доме, где зарабатывают на хлеб ежедневным трудом, а некоторые лишения придают особую прелесть немногочисленным радостям. Я согласна на то, что Мег начнет жизнь в скромных условиях, ибо, если я не ошибаюсь, у нее будет такое сокровище, как доброе мужское сердце, а это лучше, чем любое состояние.

– Я понимаю, мама, и вполне согласна, но все-таки разочарована насчет Мег, потому что я надеялась, что она в конце концов выйдет замуж за Тедди и будет жить в роскоши до конца своих дней. Разве это не было бы хорошо-шо? – спросила Джо, подняв глаза и с оживлением на лице.

– Он моложе ее, ты же знаешь, – начала миссис Марч, но Джо прервала ее:

– Совсем чуть-чуть, он старше своего возраста, и вы-сокий, и вести себя может совсем как взрослый, когда захочет. А потом он богатый, и щедрый, и добрый, и всех нас любит, и мне жаль, что моим планам помешали.

– Боюсь, Лори едва ли достаточно взрослый для Мег, и, вообще, пока еще он слишком непостоянный, чтобы кто-либо мог на него положиться. Не строй планов, Джо, а соединять твоих друзей предоставь времени и их собственным сердцам. Мы не можем без риска вмешиваться в такие дела, и лучше не забивать себе голову «романтической чепухой», как ты это называешь, чтобы не портить дружбу.

– Хорошо, не буду, но мне очень жаль, что дела идут вкривь и вкось и все так осложняется, когда дерни тут и надрежь там – и все будет в порядке. Хотела бы я, чтобы мы носили на голове утюги, которые не давали бы нам вырастать. Но бутоны станут розами, а котята – кошками; такая жалость!

– Что ты тут толкуешь об утюгах и кошках? – спросила Мег, тихонько проскользнув в комнату с готовым письмом в руке.

– Так, одна из моих глупых тирад. Я иду спать; пошли, Мег, – сказала Джо, разворачиваясь, как раскладная игрушка-головоломка.

– Все хорошо; и красиво написано. Добавь, пожалуйста, что я передаю привет Джону, – сказала миссис Марч, пробежав глазами письмо и возвращая его дочери.

– Ты называешь его Джоном? – спросила Мег, улыбаясь; ее простодушные глаза открыто смотрели в глаза матери.

– Да, теперь он нам как сын, и мы очень любим его, – отвечала миссис Марч.

– Я этому рада, он так одинок. Доброй ночи, мама, дорогая. Так невыразимо успокоительно, что ты здесь, – прозвучал ответ Мег.

Поцелуй, которым проводила ее мать, был нежным, а когда она ушла, миссис Марч сказала со смешанным удовлетворением и сожалением:

– Она еще не любит Джона, но скоро этому научится.

Глава 21

Лори – нарушитель спокойствия и Джо – умиротворительница

На следующее утро лицо Джо весьма заслуживало того, чтобы на него взглянуть, так как новый секрет изрядно тяготил ее и оказалось трудным не напускать на себя таинственный и важный вид. Мег заметила это, но даже не потрудилась о чем-либо расспрашивать, ибо знала, что лучший подход к Джо тот, который основан на законе проти-воположностей, и была уверена, что та расскажет все сама, если не задавать вопросов. Поэтому она была несколько удивлена, когда молчание не было нарушено, а Джо начала обращаться с ней покровительственно, что явно рассердило Мег, и она, в свою очередь, изобразила величественную сдержанность и целиком предалась заботам о матери. В результате Джо оказалась предоставленной самой себе, так как миссис Марч сменила ее в качестве сиделки, а ей велела отдыхать, гулять и развлекаться после долгого затворничества. Эми все еще оставалась у тети Марч, и потому Джо могла найти прибежище лишь в Лори; но, как ни любила она его общество, теперь оно, пожалуй, пугало ее: она боялась, что этот неисправимый проказник выманит у нее ее секрет.

Она была совершенно права, так как стоило озорнику заподозрить существование тайны, как он твердо решил раскрыть ее и устроил Джо жизнь, полную мучений. Он подольщался, подкупал, высмеивал, угрожал и бранил; при-творялся равнодушным, чтобы затем застать ее врасплох и вырвать правду; то объявлял, что все знает, то – что ему все равно; и наконец благодаря упорству убедился в том, что дело касается Мег и мистера Брука. Раздраженный тем, что наставник не посвятил его в свою тайну, Лори пустил в ход всю свою изобретательность, чтобы придумать подходящее возмездие за такое пренебрежение.

Тем временем Мег, очевидно, забыла о тайне Джо и была поглощена приготовлениями к возвращению отца, но вдруг в ней произошла какая-то неожиданная перемена, и день или два она была сама не своя. Она вздрагивала, когда к ней обращались, краснела, когда на нее смотрели, была очень молчалива и сидела за шитьем с робким, обес-покоенным выражением лица. На расспросы матери она отвечала, что все в порядке, а от Джо отделалась, просто попросив, чтобы та оставила ее в покое.

– Она чувствует, что это носится в воздухе – любовь, я имею в виду – и заболевает очень быстро. У нее уже большая часть симптомов – дрожит и сердится, не ест, лежит без сна и хандрит по углам. Сегодня я застала ее, когда она пела песню, которую он перевел для нее, а один раз, говоря о нем, она назвала его, так же как и ты, Джоном и покраснела как мак. Что же нам теперь делать? – спросила Джо с видом полной готовности на любые действия, вплоть до насильственных.

– Ничего, только ждать. Оставь ее в покое, будь доброй и терпеливой, а возвращение папы расставит все по своим местам, – отвечала мать.

– Вот записка для тебя, Мег. Запечатана. Как странно! Тедди никогда не запечатывает свои записки ко мне, – сказала Джо на следующий день, раздавая содержимое маленького почтового заведения.

Миссис Марч и Джо были совершенно погружены в собственные дела, когда возглас Мег заставил их поднять глаза. Она сидела, уставившись на полученную записку с испуганным видом.

– Девочка моя, что случилось? – воскликнула мать, подбегая к ней, а Джо попыталась взять бумагу, ставшую причиной беды.

– Это была ошибка – он не посылал письма. О, Джо, как ты могла сделать такое? – И Мег закрыла лицо руками, рыдая так, словно сердце ее было навеки разбито.

– Я? Я ничего не сделала! О чем она говорит? – воскликнула Джо растерянно.

Кроткие глаза Мег зажглись гневом, когда она вынула из кармана помятую записку и бросила ее Джо, сказав с упреком:

– Ты это написала, а этот гадкий мальчишка помогал тебе. Как вы могли оказаться такими грубыми, такими; злыми и жестокими к нам обоим?

Джо почти не слышала ее, так как вместе с матерью читала записку, написанную странным почерком.

Моя дражайшая Маргарет,

Я больше не в силах скрывать мою страсть и должен, узнать мою участь, прежде чем вернусь. Я еще не осмелился поговорить с вашими родителями, но думаю, они согласятся на наш брак, когда узнают, что мы обожаем друг друга. Мистер Лоренс поможет мне получить хорошее место, и тогда, моя милая девочка, вы осчастливите меня. Я умоляю вас пока ничего не говорить вашим родным, но послать через Лори одно словечко надежды

Вашему любящему Джону.

– Ах этот маленький негодяй! Это так он решил ото-мстить мне за то, что я сдержала слово, данное маме. Сейчас я его отругаю как следует и притащу сюда просить прощения! – воскликнула Джо, горя желанием немедленно свершить правосудие. Но мать удержала ее, сказав с видом который принимала очень редко:

– Стой, Джо, сначала ты должна оправдаться сам. За тобой так много шалостей, что боюсь, ты приложила руку и к этой.

– Честное слово, мама, я ничего не знала! Я никогда не видела эту записку прежде и не подозревала о ней, это чистая правда! – сказала Джо так горячо, что они поверили ей. – Уж если бы я участвовала в этом, я справилась бы с делом лучше и написала бы разумную записку. Я думала, ты сразу поняла, что мистер Брук никогда не написал бы такой чепухи, – презрительно добавила она, отбросив бумагу.

– Это похоже на его почерк, – запинаясь, выговорила Мег, сравнивая записку с той, которую держала в руке.

– О, Мег, ты ведь не ответила на нее? – воскликнула миссис Марч торопливо.

– Ответила! – И Мег опять закрыла лицо, подавленная стыдом.

– Ну и положеньице! Дайте мне привести сюда этого скверного мальчишку, чтобы он объяснился и получил нагоняй. Я не успокоюсь, пока не схвачу его. – И Джо опять рванулась к двери.

– Тише! Я сама займусь этим, так как дело хуже, чем я думала. Маргарет, расскажи мне все, – приказала мисс Марч, садясь рядом с Мег, но по-прежнему держа Джо, чтобы та не убежала.

– Я получила первую записку из рук Лори. Он, казалось, ничего не знал о ее содержании, – начала Мег, не поднимая глаз. – Сначала я встревожилась и хотела сказать тебе, но потом вспомнила, как тебе нравится мистер Брук и подумала, что ты не будешь против, если я сохраню все в секрете на несколько дней. Я так глупа – мне было приятно думать, что никто ни о чем не знает, и, пока решала, что ответить, я чувствовала себя как героини романов, которым приходится отвечать на подобные записки. Прости меня, мама. Теперь я наказана за свою глупость, я никогда больше не смогу взглянуть ему в лицо.

– Что ты ответила ему? – спросила миссис Марч.

– Я написала лишь, что я еще слишком молода; что не хочу иметь секретов от тебя и что он должен поговорить с папой. Я написала, что благодарна ему за его доброту и буду ему другом, но пока это все.

Миссис Марч улыбнулась, словно была очень довольна, а Джо, хлопнув в ладоши, воскликнула со смехом:

– Да ты прямо образец благоразумия! Ну и что же дальше, Мег? Что он на это?

– Он написал совершенно другим тоном, сказал, что не посылал мне никакого любовного письма и ему очень жаль, что моя озорная сестра Джо позволяет себе в отно-шении нас такие вольности. Написано очень любезно и почтительно, но подумай, как это ужасно для меня!

Мег склонилась к матери с видом воплощенного отчаяния, а Джо, топая, расхаживала по комнате и ругала Лори на чем свет стоит. Вдруг она остановилась, схватила обе записки и, внимательно посмотрев на них, сказала решительно:

– Я не верю, что Брук видел хоть одно из этих по-сланий. Тедди написал оба и оставил

твою записку у себя, чтобы восторжествовать надо мной, потому что я не хотела раскрыть ему мой секрет.

– Лучше не иметь секретов, Джо. Расскажи все маме и избежишь неприятностей. Так и мне следовало поступить, – сказала Мег предостерегающе.

– Помилуй, детка! От мамы-то я о нем и узнала.

– Довольно, Джо. Я успокою Мег, пока ты сходишь и приведешь Лори. Я разберусь в этом деле до конца и немедленно положу конец подобным шалостям.

Джо убежала, а миссис Марч осторожно рассказала Мег об истинных чувствах мистера Брука.

– А каковы твои чувства к нему, дорогая? Ты любишь его настолько, что готова подождать, пока он сможет устроить дом для тебя, или ты хочешь пока оставаться совсем свободной?

– Я так напугана и встревожена, что долго не захочу иметь никакого дела с влюбленными – быть может, никогда, – отвечала Мег с досадой. – Если Джон ничего не знает об этой глупейшей истории, не говори ему и заставь Джо и Лори придержать языки. Я не хочу, чтобы меня обманывали, и мучили, и делали из меня дуру – это позор!

Видя, что обычно кроткая Мег в гневе, а гордость ее уязвлена этой злой шуткой, миссис Марч постаралась успокоить ее обещанием сохранить все в тайне. В передней послышались шаги Лори, Мег выбежала в кабинет, а миссис Марч, одна, встретила обвиняемого. Джо не сказала ему, зачем его зовут, из опасений, что он не придет, но он догадался об этом в ту же минуту, когда увидел лицо миссис Марч, и стоял перед ней, вертя в руках шляпу, с виноватым видом, сразу обличавшим в нем преступника. Джо была отпущена, но предпочла шагать из угла в угол в передней, как часовой, так как имела некоторые опасения, что арестованный может сбежать. Голоса в гостиной то усиливались, то замирали в течение получаса, но, что произошло во время этой беседы, девочкам осталось неизвестно.

Когда их позвали в гостиную, Лори стоял рядом с их матерью с таким раскаянием в лице, что Джо тут же простила его, хотя и не сочла разумным обнаруживать это обстоятельство. Мег выслушала его смиренные извинения и была очень обрадована уверениями в том, что Брук ничего не знает о шутке.

– Я ни слова не скажу ему до конца дней моих – этого из меня клещами не вытянешь, так что прости меня, Мег; я что угодно сделаю, чтобы показать, как глубоко я об этом жалею, – добавил он с очень пристыженным видом.

– Я постараюсь простить, но это было очень неблагоприятно с твоей стороны. Я не думала, что ты можешь быть таким злым и коварным, Лори, – отвечала Мег, стараясь скрыть девичье смущение под полной упреком серьезно-стью.

– Это было отвратительно, и я заслуживаю, чтобы со мной месяц не разговаривали, но ведь ты не накажешь меня так, не правда ли? – И, говоря это неотразимо убедительным тоном, Лори сложил руки в таком умоляющем жесте, что было невозможно сердиться на него, несмотря на его возмутительный поступок. Мег простила его, и строгое лицо миссис Марч смягчилось вопреки ее усилиям сохранять суровость, когда она услышала его заявление о том, что он примирится с любым наказанием, лишь бы искупить свои грехи, и увидела, как унижается он перед оскорбленной девицей.

Тем временем Джо стояла в стороне, стараясь ожесточиться против него и преуспев лишь в том, что изобразила на лице глубочайшее осуждение. Лори взглянул на нее раз другой, но так как она не проявляла никаких признаков смягчения, он почувствовал себя обиженным и повернулся к ней спиной, пока другие говорили с ним, а затем отвесил ей низкий поклон и вышел, не сказав ни слова.

Как только он ушел, она пожалела, что не оказалась более великодушной, и, когда Мег и мать ушли наверх, ее охватило чувство одиночества и тоска по Тедди. После недолгой борьбы она поддалась своему порыву и, вооружившись книгой, которую должна была вернуть мистеру Лоренсу, направилась к соседскому дому.

- Мистер Лоренс дома? – спросила она у горничной, спускавшейся по лестнице.
- Да, мисс, но не думаю, что его сейчас можно видеть.
- Почему? Он болен?
- Нет, мисс, но у него был крупный разговор с мис-тером Лори. У того обычный приступ раздражения, и это до того рассердило старика, что я не осмелилась бы сейчас даже подойти к нему.
- Где Лори?
- Закрылся у себя в комнате и не отвечает, хотя я стучала. Не знаю, что будет с обедом. Он готов, а есть некому.
- Я пойду и выясню, в чем дело. Я не боюсь ни одного, ни другого.
- Джо поднялась наверх и сильно постучала в дверь маленького кабинета Лори.
- Перестань, или я открою дверь и покажу тебе! – отозвался юный джентльмен угрожающим тоном.
- Джо немедленно постучала снова; дверь распахнулась, и она вскочила в комнату, прежде чем Лори пришел в себя от удивления. Видя, что он действительно взбешен, Джо, не зная, как с ним обходиться, приняла сокрушенный вид и, картинно опустившись на колени, сказала смиренно:
- Пожалуйста, прости, что я была такой злой. Я пришла помириться и не уйду, пока ты меня не простишь.
- Все в порядке. Вставай, Джо, без глупостей, – таков был галантный ответ на ее прошение о помиловании.
- Спасибо, так я и сделаю. Могу я спросить, в чем дело? Ты, кажется, не совсем спокоен.
- Меня встряхнули, и я этого не вынесу! – прорычал Лори в гневе.
- Кто посмел? – спросила Джо.
- Дедушка. Если бы это был кто-нибудь другой, я... – И оскорбленный юноша завершил фразу энергичным жестом правой руки.
- Подумаешь! Я часто встряхиваю тебя, и ничего, – заметила Джо успокаивающе.
- Псс! Ты девочка, и это шутка, но я не позволю ни одному мужчине трясти *меня*.
- Да я думаю, никто и попытаться бы не стал, если бы ты глядел такой тучей, как сейчас. А почему с тобой так обошлись?
- Только потому, что я не сказал, зачем меня звала твоя мама. Я обещал не говорить и, разумеется, не собирался нарушить слово.
- Ты не мог удовлетворить дедушку иным способом?
- Нет, ему нужна правда, вся правда, и ничего, кроме правды. Я рассказал бы о своей проделке, если бы мог сделать это, не впутывая Мег. Но так как я не мог, то молчал и терпел всю его брань, пока старик не схватил меня за воротник. Тогда я разозлился и убежал из страха, что могу забыть.
- Это нехорошо, но он жалеет о случившемся, я знаю, так что пойдй вниз и помирись. Я тебе помогу.
- Будь я проклят, если пойду! Я не желаю, чтобы мне читали поучения и чтобы меня тузил всякий только лишь за небольшую шалость. Мне жаль, что я так поступил с Мег, и я попросил прощения как мужчина, но я не собираюсь делать это сейчас, когда я не виноват.
- Он об этом не знает.
- Ему следует доверять мне и не обращаться со мной как с ребенком. Бесполезно, Джо, ему придется понять, что я способен сам о себе позаботиться и что нечего держать меня на привязи.
- Ну и кипяти же вы оба! – вздохнула Джо. – И как же ты собираешься уладить это дело?
- Он должен извиниться и поверить мне, раз я говорю, что не могу рассказать, из-за чего вышла вся суматоха.
- Помилуй! Он не сделает этого.

- Я не спущусь вниз, пока он не извинится.
- Ну, Тедди, будь благоразумен. Не обращай внимания на это. Ведь ты не можешь всегда сидеть здесь, так зачем устраивать мелодраму?
- Как бы то ни было, а я не собираюсь оставаться здесь долго. Я выскользну и уеду куда-нибудь, а когда дедушка хватится меня, он придет в себя довольно быстро.
- Думаю, что так, но тебе не следует убегать и тем самым огорчать его.
- Нечего меня поучать. Я поеду в Вашингтон пови-даться с Бруком; там интересно, и я смогу развлечься после всех этих неприятностей.
- Как тебе там будет весело! Хорошо бы я тоже могла убежать, – сказала Джо, забыв о своей роли ментора и мысленно представляя яркие картины военной жизни в столице.
- Тогда поехали вместе! А почему нет? Поедешь и удивишь отца, а я расшевелю старину Брука. Это будет великолепная шутка; давай, Джо. Оставим письмо, что все в порядке, и сразу рванем. Денег у меня хватит; и тебе полезно проехаться, и ничего тут нет плохого, раз ты едешь к отцу.
- На мгновение показалось, что Джо согласится, так как каким бы отчаянным ни был этот план, он отвечал ее желаниям. Она устала от ухода за больной и заточения в полутемной комнате, она жаждала перемен, а мысли об отце соблазнительно сливались с мыслями о неизведанном очаровании военных лагерей и госпиталей, о свободе и веселье. Глаза ее загорелись, и она в задумчивости устремила их в окно, но взгляд ее упал на старый дом напротив, и она с печальной решимостью покачала головой.
- Если бы я была мальчиком, мы убежали бы вместе и отлично провели время в Вашингтоне, но я несчастная девочка, я должна блюсти приличия и оставаться дома. Не искушай меня, Тедди, это безумный план.
- В том-то и прелесть, – начал Лори, охваченный приступом безрассудного своеволия и одержимый желанием вырваться за пределы дозволенного.
- Замолчи! – воскликнула Джо, закрывая уши. – «Жеманность и манерность» – мой удел, и я вполне готова примириться с ним. Я пришла сюда читать нравоучения, а не выслушивать предложения, одна мысль о которых за-ставляет меня бежать вприпрыжку.
- Я знаю, что Мег принялась бы нагонять тоску, услышав такое предложение, но я ожидал, что у тебя больше храбрости, – начал Лори вкрадчиво.
- Скверный мальчишка, замолчи! Сядь и подумай о своих собственных грехах и не заставляй меня множить мои. Ну а если я добьюсь того, что твой дедушка извинится, ты бросишь мысль о побеге? – спросила Джо серьезно.
- Да; но у тебя ничего не выйдет, – ответил Лори, который хотел примирения, но чувствовал, что оскорбленное достоинство требует предварительного удовлетворения.
- Если я сумела справиться с молодым, то справлюсь и со старым, – пробормотала Джо, уходя и оставляя Лори склонившимся над железнодорожной картой и с головой, подпертой обеими руками.
- Войдите! – Грубоватый голос мистера Лоренса прозвучал еще резче, чем обычно, когда Джо постучала в дверь.
- Это всего лишь я, сэр. Пришла вернуть книжку, – вежливо сказала она, входя.
- Хочешь еще? – спросил старик; было заметно, что он мрачен и раздражен, но старается не показать этого.
- Да, пожалуйста. Мне так понравился старый Сэм, что я, пожалуй, возьму второй том, – отвечала Джо в надежде, что сможет снискать расположение собеседника, со-гласившись принять вторую дозу босуэлловского «Джонсо-на»³⁵, так как старик очень рекомендовал ей это приятное сочинение.
- Косматые брови немного расправились, когда он подка-тил лесенку к стеллажу, где

³⁵ Сэмюэл Джонсон – английский критик, лексикограф, эссеист, в 1792 году биографическую книгу о нем «Жизнь Сэмюэла Джонсона» издал его друг Джеймс Босуэлл

стояли произведения Джонсона и литература о нем. Джо вскарабкалась и, сидя на верхней ступеньке, притворилась, что ищет книгу, но на самом деле размышляла, как лучше всего подойти к опасной цели своего визита. Мистер Лоренс, видимо, заподозрил, что у нее что-то на уме, так как, энергично пройдясь по комнате несколько раз, он обернулся к ней и заговорил так неожиданно, что «Расселас» полетел на пол вверх тормашками.

– Что натворил этот мальчишка? И не пытайся выгораживать его. Я знаю, что он выкинул какую-то штуку. Это было видно по тому, как он вел себя, когда вернулся домой. Я не добился от него ни слова. А когда я пригрозил, что вытрясу из него правду, он помчался наверх и заперся у себя в комнате.

– Он поступил нехорошо, но мы простили его, и все обещали друг другу не говорить никому ни слова, – начала Джо неохотно.

– Так не пойдет; нечего ему прикрываться обещанием, выуженным у вас, мягкосердечных девочек. Если он поступил плохо, то должен признаться, попросить прощения и быть наказан. Выкладывай, Джо, в чем дело. Я не желаю, чтобы меня держали в неведении.

Вид у мистера Лоренса был такой пугающий и говорил он так резко, что Джо охотно убежала бы, если б могла, но она сидела высоко на лестнице, а он стоял на полу, словно лев на ее пути, так что ей пришлось остаться и принять вызов.

– Право, сэр, я не могу вам сказать. Мама запретила. Лори во всем признался, попросил прощения и был наказан вполне достаточно. Мы сохраняем все в тайне не ради него, но ради другого человека, и будет только хуже, если вы вмешаетесь. Пожалуйста, не делайте этого; в случившемся была отчасти моя вина, но теперь все в порядке; так что давайте забудем об этом и поговорим лучше о «Рамблере»³⁶ или о чем-нибудь приятном.

– Пропади он пропадом, этот «Рамблер»! Слезай и дай мне слово, что этот безалаберный мальчишка не сделал ничего неблагодарного или дерзкого. А если он это сделал после всей вашей доброты к нему, то я отлуплю его собственными руками.

Угроза прозвучала ужасно, но не встревожила Джо, которая знала, что вспыльчивый старик пальцем не тронет внука, как бы ни уверял в обратном. Она послушно спустилась и постаралась пролить свет на случившееся, насколько это было возможно, не упоминая Мег и не отступая от истины.

– Гм, ха, ну, если он молчит из-за того, что обещал, а не из упрямства, я прощу его. Он упрямый малый, и трудно с ним справиться, – сказал мистер Лоренс, приглаживая волосы, пока они не стали выглядеть так, словно он стоял лицом к ветру; суровость на его лице уступила место выражению облегчения.

– Я такая же, но доброе слово может подействовать на меня и тогда, когда всей королевской рати это не под силу, – сказала Джо, в попытке замолвить словечко за своего друга, который, казалось, выбрался из одной переделки лишь для того, чтобы тут же попасть в другую.

– Ты думаешь, что я недостаточно добр к нему, да? – прозвучал резкий ответ.

– О Боже, нет, сэр, вы, пожалуй, слишком добры иногда, но немного запальчивы, особенно когда он испытывает ваше терпение. Вы не согласны?

Джо была намерена приступить к делу; она пыталась казаться совершенно безмятежной, хотя немного дрожала после своего смелого заявления. К ее огромному удивлению и облегчению, старик только бросил со стуком на стол свои очки и искренне воскликнул:

– Ты права, девочка! Я люблю его, но он испытывает мое терпение сверх всякой меры, и я не знаю, чем это кончится, если дело пойдет так и дальше.

– Я скажу вам чем. Он убежит. – Джо пожалела об этих словах, как только они прозвучали.

³⁶ «Рамблер» (Рассеянный) – журнал, издававшийся Джонсоном в 1750-1752 гг.

Она хотела лишь предостеречь его, что Лори не смирится со слишком большими ограничениями своей свободы, и надеялась, что он будет более снисходителен к мальчику. Но красноватое лицо мистера Лоренса вдруг изменилось; он сел, с волнением взглянув на портрет красивого мужчины, висевший над столом. Это был отец Лори, который дейст-вительно убежал из дома в юности и женился против воли деспотичного старика. Джо подумала, что он вспоминает и сожалеет о прошлом, и огорчилась, что не промолчала.

– Он не сделает этого, пока ему не станет неведомо; он только грозит иногда, когда устает от учебы. Я часто и сама не прочь сбежать, особенно с тех пор как у меня короткие волосы; так что, если когда-нибудь хватитесь нас, можете давать объявление о пропаже двух мальчиков и искать на кораблях, отправляющихся в Индию.

При этих словах она засмеялась, и мистер Лоренс, ка-залось, успокоился, очевидно приняв все за шутку.

– Ты, дерзкая девчонка, как ты смеешь так разгова-ривать? Где твое почтение ко мне, где надлежащая благо-воспитанность? Ох уж эти мальчики и девочки! Сущее наказание с ними, и, однако, мы не можем обойтись без них, – сказал он, добродушно ущипнув ее за щеку. – Пойди и приведи этого мальчишку обедать, скажи ему, что все в порядке, и посоветуй не делать трагедии. Я этого не выношу.

– Он не придет, сэр; ему тяжело, так как вы не поверили его словам о том, что он не может рассказать о случившемся. Я думаю, что, встряхнув его, вы очень задели его чувства.

Джо старалась говорить трогательно, но это ей, должно быть, не удалось, так как мистер Лоренс расхохотался, и ей стало ясно, что победа одержана.

– Мне жаль, что так вышло, и, вероятно, следует по-благодарить его за то, что он не встряхнул *меня*. Како-го ж черта этот парень хочет? – И старик взглянул на нее, чуть пристыженный из-за своей вспыльчивости.

– На вашем месте я принесла бы ему извинения в письменном виде. Он твердит, что не спустится вниз, пока перед ним не извинятся, и говорит о Вашингтоне и прочие нелепости. Формальное извинение покажет ему, как он глуп, и он спустится вниз во вполне дружелюбном настро-ении. Попробуйте; он любит шутки, а написать лучше, чем говорить. Я отнесу вашу записку и объясню ему, в чем его долг.

Мистер Лоренс внимательно взглянул на нее, надел очки и медленно сказал:

– Ах ты хитрая девчонка, но я не против, чтобы ты и Бесс водили меня на веревочке. Ладно, давай бумагу и покончим с этой глупостью.

Записка была составлена в выражениях, которые мог бы употребить один джентльмен, нанесший тяжелое оскор-бление другому. Джо запечатлела поцелуй на лысине ми-стера Лоренса и бегом поднялась вверх, чтобы сунуть записку под дверь Лори и посоветовать ему через замочную скважину проявить смирение, благовоспитанность и прочее, уместное, но невозможное. Дверь оставалась закрытой, и она, предоставив записке самой сделать свое дело, тихонько начала спускаться по лестнице, когда юный джентльмен, съехав по перилам, остановился внизу, ожидая ее, и сказал с самым благородным выражением лица:

– Какой ты отличный парень, Джо! Тебе изрядно до-сталось? – добавил он со смехом.

– Нет; в целом, он был вполне кроток.

– Ах! Все-таки я выкрутился. Ведь даже ты отреклась от меня, и я был готов катиться ко всем чертям, – начал он извиняющимся тоном.

– Не говори так. Переверни страницу и начни сначала, Тедди, сын мой.

– Я только и делаю, что переворачиваю и порчу все новые страницы, как прежде портил свои тетрадки; и я делаю так много начал, что у них никогда не будет конца, – ответил он с грустью.

– Иди пообедай – и тебе станет легче. Мужчины всег-да ворчат, когда голодны. – И с этими словами Джо вы-скользнула через парадную дверь.

– Это «дискредитация» моего пола, – отвечал Лори, цитируя Эми, и послушно отправился пообедать с дедушкой, который был совершенно невозмутим и подавляюще вежлив весь остаток дня.

Все думали, что вопрос исчерпан и набежавшее было облачко уплыло, но шалость была, и, хотя остальные забыли о ней, Мег помнила. Она никогда не упоминала некое лицо, но думала о нем очень много и мечтала чаще, чем прежде, а однажды Джо, обшаривая стол сестры в поисках марок, нашла клочок бумаги, на котором было нацарапано: «Миссис Маргарет Брук»; Джо трагически застонала и швырнула бумажку в огонь, чувствуя, что шалость Лори приблизила горький для нее день.

Глава 22

Счастливые дуга

Последовавшие спокойные недели были словно сияние солнца после бури. Больные быстро поправлялись, и миссис Марч начала поговаривать о возвращении отца в начале нового года. Бесс скоро смогла целыми днями лежать на диване в кабинете; сначала она развлекалась со своими нежно любимыми кошками, а со временем занялась и шитьем для кукол, которое было так надолго заброшено. Ее прежде бодрые ножки были такими неподвижными и слабыми, что Джо каждый день выносила ее на своих сильных руках подышать свежим воздухом. Мег охотно пачкала и обжигала свои белые ручки, готовя изысканные кушанья для «нашей любимой», в то время как Эми, добровольная рабыня кольца, ознаменовала свое возвращение тем, что раздала столько своих сокровищ, сколько сестры после ее уговоров согласи-лись принять.

Приближалось Рождество, и в доме завелись обычные предпраздничные секреты. Джо часто потрясала семью предложениями провести совершенно невероятные или ве-ликолепно-нелепые церемонии по случаю этого необычно-венно веселого Рождества. Лори был столь же склонен к невыполнимым проектам и разжег бы костры, устроил фей-ерверки и воздвиг триумфальные арки, если бы ему было позволено действовать в соответствии с его желаниями. После многочисленных стычек и пренебрежительного от-клонения этих планов честолубивая пара бродила с безна-дежностью на лицах и считалась успешно обузданной, что отчасти опровергалось взрывами хохота, раздававшимися, когда эти двое оставались наедине.

Несколько дней необычно мягкой погоды предвещали замечательный рождественский день. Ханна «чувствовала в костях», что он будет необыкновенно хорошим, и показала себя настоящей пророчицей, ибо все и вся, казалось, были намерены обеспечить празднику грандиозный успех. Преж-де всего, мистер Марч написал, что скоро будет с ними; потом Бесс почувствовала себя необыкновенно хорошо в это утро и, одетая в мягкий красный шерстяной капот – по-дарок матери, – была торжественно подведена к окну, чтобы взглянуть на приношение Джо и Лори. «Необузданные» постарались на славу, чтобы быть достойными этого имени; они, как эльфы, трудились под покровом ночи и наколдовали забавный сюрприз. В саду стояла величественная снежная дева, в венке из остролиста, с корзинкой, полной фруктов и цветов, в одной руке и большим свертком новых нот – в другой; великолепная радуга шерстяной шали была на-брошена на ее холодные плечи, а изо рта исходила рожде-ственская песнь, написанная на вымпеле из розовой бумаги:

ЮНГФРАУ К БЕСС

*В день Рождества от гор привет!
И пусть текут рекой –
К тебе, моя Элизабет, –
Здоровье и покой.
Вот ноты – пой, гони печаль,
Вот фрукты и цветы.
А в эту шерстяную шаль
Укутай ножки ты.*

*Портрет Джоанны всех пленит
Правдивостью своей.
Наи новый Рафаэль над ним
Пыхтел немало дней.*

*Тебе мороженое шлет
Прелестнейшая Мег.
Оно искрится словно лед,
Как гор далеких снег.*

*Мадам Мурлыки хвост укрась
Ты лентой голубой.
Она б на шейку ей пришла,
Но выбор за тобой.*

*В моей груди – любви простор,
А имя так свежо.
Прими любовь и деву гор
От Лори и от Джо.*

Как смеялась Бесс, когда увидела ее, как быстро Лори сбегал и принес подарки и какие смешные речи произносила Джо, вручая их!

– Я так полна счастьем, что, если бы только папа был здесь, я не вместила бы ни капли больше, – сказала Бесс, удовлетворенно вздохнув, когда Джо отвела ее в кабинет отдохнуть после волнений и освежиться восхитительным виноградом, который прислала ей «Юнгфрау».

– Я тоже, – кивнула Джо, похлопав себя по карману, где лежала долгожданная «Ундина и Синтрам».

– Я, разумеется, тоже, – эхом отозвалась Эми, сосредоточенно изучая подаренную матерью гравюру в красивой рамке – мадонна с младенцем.

– Конечно же и я! – воскликнула Мег, разглаживая блестящие складки своего первого шелкового платья, так как мистер Лоренс настоял на том, чтобы подарить его ей.

– Может ли у меня быть иное чувство? – сказала с благодарностью миссис Марч, переводя взгляд с письма мужа на улыбающееся лицо Бесс и нежно касаясь рукой брошки из пепельных, золотистых, каштановых и темно-ко-ричневых волос, которую девочки только что прикрепили ей на грудь.

Время от времени в этом скучном, сереньком мире происходят события, напоминающие восхитительную сказку, и какое в этом для нас утешение! Полчаса спустя после того, как каждая из них сказала, что может вынести лишь еще одну каплю счастья, эта капля была им дана. Лори приоткрыл дверь гостиной и очень тихо просунул в нее голову. Но он мог бы точно так же сделать сальто и выкрикнуть индейский боевой клич, потому что лицо его так сияло с трудом сдерживаемым возбуждением, а странный, прерывистый голос был столь предательски радостным, что все вскочили, хотя он сказал только:

– Еще один рождественский подарок для семейства Марч.

Не успели эти слова отзвучать, как Лори куда-то исчез, а на его месте появился высокий мужчина, укутанный до самых глаз и опирающийся на руку другого высокого мужчины, который пытался что-то произнести и не мог. После этого произошло всеобщее движение, и на несколько минут все, вероятно, лишилось рассудка, ибо творились самые странные вещи и никто не говорил ни слова. Мистер Марч был скрыт из вида в объятиях четырех пар любящих рук; Джо осыпалась – она почти лишилась чувств, и Лори пришлось врачевать ее в буфетной; мистер Брук поцеловал Мег, исключительно по ошибке, как он объяснил

довольно несвязно; а Эми, обычно исполненная достоинства Эми, споткнулась о табурет и, не тратя времени на то, чтобы подняться, обнимала отца за ноги и лила слезы над его сапогами самым тогда, но для меня она гораздо красивее теперь – ведь по этим меткам я читаю целую историю. Тщеславие сгорело в огне, вызвавшем этот ожог, эта загрубевшая ладонь за-работала для своей хозяйки нечто лучшее, чем волдыри; и я уверен, что все, сшитое этими исколотыми пальцами, проносится долго – так много усердия вложено в стежки. Мег, дорогая, я ценю полезные женские умения, которые скорее сделают дом счастливым, чем белые ручки или модные рукоделия. Я горжусь тем, что пожимаю эту добрую, трудолюбивую руку, и надеюсь, что меня не скоро попросят; отдать ее. Если бы Мег ожидала награды за долгие часы утомительного труда, она получила бы ее сполна в сердечном пожании отцовской руки и его одобрительной улыбке.

– А Джо? Пожалуйста, скажи что-нибудь хорошее, она так старалась и была очень, очень добра ко мне, – шепнула Бесс на ухо отцу.

– Несмотря на короткую стрижку, я уже не вижу «сына Джо», которого оставил год назад, – сказал мистер Марч. – Я вижу юную леди, которая прямо закаливает свой воротничок, аккуратно зашнуровывает ботинки, не свистит, не употребляет жаргонных словечек, не валяется на ковре, как делала прежде. Сейчас у нее лицо довольно худое и бледное от долгих ночных бдений и тревоги, но мне приятно смотреть на него, потому что оно стало мягче, а голос ее тише, она не скачет, но движется плавно и так по-матерински заботится о некоей маленькой особе, что восхищает меня. Мне, пожалуй, не хватает моей прежней буйной девочки, но, если вместо нее я получаю сильную, полезную, добросердечную женщину, я вполне удовлетворен такой заменой. Не знаю, стрижка ли смирила нашу черную овечку, но знаю, что во всем Вашингтоне не найдется ничего настолько великолепного, чтобы я согласился расстаться с теми двадцатью пятью долларами, которые прислала мне моя добрая девочка.

Глаза Джо затуманились на мгновение, а худое лицо порозовело в свете камина, когда она выслушала похвалы отца, чувствуя, что действительно их заслужила.

– Теперь о Бесс, – сказала Эми, горячо желая, чтобы поскорее наступила ее очередь, но готовая подождать.

– Здесь ее почти совсем не осталось, и я не решаюсь сказать много из опасения, что она совсем исчезнет от смущения, хотя она уже не такая застенчивая, как прежде, – начал отец весело, но, вспомнив, как близки были они к тому, чтобы совсем потерять ее, он обнял дочь крепче и сказал нежно, прижавшись щекой к ее щеке: – Ты спасена, моя Бесс, и мы сохраним тебя, Бог даст.

После минутного молчания он взглянул вниз, на Эми, которая сидела у его ног на низенькой скамеечке, и сказал, глядя ее блестящие волосы:

– Я заметил, что Эми взяла за обедом ножку индейки, весь вечер бегала, исполняя поручения матери, уступила Мег свое место у огня, помогала всем с терпением и добродушием. Я также заметил, что она не дуется, и не глядится в зеркало, и даже не упоминает об очень красивом колечке, которое носит. И я делаю вывод, что она научилась больше думать о других и меньше о себе и решила поstarаться и вылепить свой характер столь же тщательно, как лепит свои маленькие глиняные фигурки. Я рад этому, потому что, хотя я стал бы очень гордиться какой-нибудь прекрасной статуей, сделанной ею, я буду бесконечно более горд, имея достойную любви дочь, обладающую талантом делать жизнь красивее и для себя, и для других.

– О чем ты думаешь, Бесс? – спросила Джо, после того как Эми поблагодарила отца и рассказала ему о своем колечке.

– Я сегодня читала в «Путешествии пилигрима» о том, как после многих испытаний Христиан и Верный пришли на прекрасный зеленый луг, где круглый год цвели лилии, и там они счастливо отдохнули, как мы сейчас, прежде чем продолжить свой путь до конца, – ответила Бесс и добавила, выскользнув из объятий отца и медленно направляясь к своему пианино: – Пора петь, и я хочу занять свое обычное место. Я попробую спеть песню

пастушка, которую слышали пилигримы. Я сочинила музыку для этих стихов, потому что они нравятся папе.

И, присев к своему любимому маленькому пианино, Бесс нежно коснулась клавиш и сладким голосом, который они так боялись никогда не услышать вновь, запела под собственный аккомпанемент необычный гимн, который был единственно подходящей для нее песней:

Кто низко стоит, не страшится паденья;
Чей скромн удел, тому гордость чужда;
Тому, кто смирен, не знакомы сомненья;
Господь проводник ему будет всегда.
Господь мой, доволен я тем, что имею,
И, много иль мало дано мне судьбой,
Я в мире земном ни о чем не жалею,
Лишь те, кто доволен, пребудут с тобой.
Для них, бескорыстных, простых пилигримов
Богатство лишь бремя, что их тяготит,
Не может пленить их вся роскошь, что зрима,
Их Царство Господне блаженством манит.

Глава 23

Тетя Марч решает вопрос

Как пчелы, роящиеся вокруг своей матки, кружились на следующий день миссис Марч и ее дочери вокруг мистера Марча, забывая обо всем, лишь бы смотреть на дорогого больного, ухаживать за ним, слушать его, так что несчастный был на верном пути к тому, чтобы оказаться погубленным чрезмерной добротой. И когда он сидел, обложенный подушками, в кресле возле дивана Бесс, в окружении трех остальных дочерей, а Ханна то и дело просовывала голову в дверь, чтобы «взглянуть на дорогого хозяина», ничего больше, казалось, не требовалось для полноты их счастья. Но что-то все же было необходимо, и старшие чувствовали это, хотя никто в этом не признавался. Мистер и миссис Марч часто следили взглядом за Мег и переглядывались с беспокойством. У Джо случались неожиданные приступы угрюмости, и даже видели, как она потрясала кулаком перед зонтиком мистера Брука, забытым в передней. Мег была рассеянной, робкой, молчаливой, вздрагивала, когда звонил колокольчик, и краснела при каждом упоминании имени Джона; Эми говорила: «Все, кажется, чего-то ждут и не могут успокоиться, и это странно, так как папа дома и поправляется», а Бесс простодушно удивлялась, почему это их соседи не заходят к ним так часто, как прежде.

Лори, проходивший мимо их дома после обеда, увидел Мег у окна и, вероятно, решил разыграть мелодраму: он упал на одно колено в снег, ударял себя в грудь, рвал волосы на голове, сплетал руки, словно умоляя о каком-то благодеянии, а когда Мег велела ему перестать кривляться и уходить, он смахнул носовым платком воображаемые слезы и, шатаясь, словно в полнейшем отчаянии, удалился за угол.

— Что этот глупец хотел изобразить? — спросила Мег со смехом, пытаясь сделать вид, что не догадывается.

— Он показывает тебе, как будет вести себя твой Джон. Трогательно, не правда ли? — сказала Джо презрительно.

— Не говори «мой Джон», это неприлично и неправда, — но Мег задержалась на словах «мой Джон», словно они были ей приятны. — Пожалуйста, не докучай мне, Джо, я сказала тебе, что он не *очень* мне нравится, и больше тут сказать нечего, кроме того, что мы все друзья и так оно и останется.

– Быть по-прежнему уже не может, слова прозвучали, и после выходки Лори ты совсем иначе держишься со мной. Я это вижу, и мама тоже; ты совсем другая и кажешься такой далекой от меня. Я не собираюсь докучать тебе и перенесу все, как мужчина, но я хочу, чтобы все было ясно и четко. Терпеть не могу ждать, так что, если ты собираешься что-то делать, поспеши, и кончим с этим быстро, – сказала Джо раздраженно.

– Я не могу ничего сказать или сделать, пока он не заговорит, а он не сделает этого, потому что папа сказал ему, что я слишком молода, – начала Мег, склоняясь над шитьем со странной легкой улыбкой, свидетельствующей, что в этом отношении она не совсем согласна со своим отцом.

– А если он заговорит, ты не будешь знать, что ответить, и заплачешь, или покраснеешь, или дашь ему делать что он хочет, вместо того чтобы сказать твердое, решительное «нет».

– Я не так глупа и безвольна, как ты полагаешь. Я знаю, что я должна сказать, так как уже все обдумала и ничто не застанет меня врасплох. Неизвестно, что может случиться, и я хотела бы быть готовой ко всему.

Джо не смогла удержаться от улыбки, увидев важную мину Мег, которая была ей очень к лицу, так же как и прелестный румянец, игравший на ее щеках.

– Может быть, ты скажешь мне, что ты ему ответишь? – спросила Джо более почтительно.

– Охотно. Тебе уже шестнадцать, ты достаточно взрослая, чтобы быть моей наперсницей, и мой опыт со временем, возможно, пригодится тебе в твоих собственных делах такого рода.

– Не собираюсь иметь никаких таких дел. Забавно глядеть, как другие флиртуют, но я чувствовала бы себя дурой, если б взялась за это сама, – сказала Джо, испуганная этой мыслью.

– Думаю, что нет, если кто-то тебе очень понравился бы, а ты понравилась бы ему. – Мег сказала это словно про себя и взглянула на дорожку, где прежде, в летние сумерки, она часто видела прогуливающиеся влюбленные парочки.

– Кажется, ты собиралась сказать, что ты ответишь этому человеку, – сказала Джо, резко прерывая задумчивость сестры.

– О, я просто скажу, совершенно спокойно и решительно: «Благодарю вас, мистер Брук, вы очень добры, но я согласна с отцом – я слишком молода, чтобы связывать себя каким-либо обязательством, так что, пожалуйста, оставим этот разговор и будем, как прежде, друзьями».

– Хм, да, это достаточно сдержанно и холодно! Но я не верю, что ты так скажешь, и знаю, что он не успокоится, даже если ты так ответишь. А если он начнет настаивать, как это делают отвергнутые поклонники в книжках, ты уступишь, чтобы его не обидеть.

– Нет, не уступлю. Я скажу ему, что мое решение неизменно, и с достоинством выйду в другую комнату.

С этими словами Мег поднялась и собралась прорепетировать этот величественный выход, когда шаги, послышавшиеся в передней, заставили ее броситься на место и начать шить так быстро, словно жизнь ее зависела от того, кончит ли Она этот шов в заданный срок. Джо подавила смех, вызванный этим неожиданным превращением, и, когда кто-то сдержанно постучал, открыла дверь с мрачным, отнюдь не гостеприимным видом.

– Добрый день. Я пришел за своим зонтиком... то есть узнать, как себя чувствует сегодня ваш папа, – сказал мистер Брук смущенно, переводя взгляд с одного выразительного лица на другое.

– Очень хорошо, он на вешалке, я его принесу и скажу ему, что вы здесь. – И, смешав отца и зонтик в своем ответе, Джо выскользнула из комнаты, чтобы дать Мег возможность произнести ее обдуманную речь и продемонстрировать свое достоинство.

Но как только сестра исчезла, Мег бочком начала продвигаться к двери, бормоча:

– Мама будет рада вас видеть. Садитесь, пожалуйста, я ее позову.

– Не уходите. Вы боитесь меня, Маргарет? – И мистер Брук взглянул на нее так огорченно, что Мег подумала, что, должно быть, сделала что-то очень невежливое. Она покраснела до маленьких кудряшек надо лбом. Прежде он никогда не называл ее Маргарет, и она была удивлена тем, как естественно и приятно прозвучало это имя из его уст. Желая казаться дружелюбной и непринужденной, она доверчиво протянула ему руку и сказала с признательностью:

– Могу ли я бояться, когда вы были так добры к папе? Я очень хотела бы отблагодарить вас за это.

– Можно я скажу вам, как это сделать? – спросил мистер Брук, крепко держа маленькую руку в обеих руках и глядя на Мег сверху вниз с такой любовью в карих глазах, что сердце ее затрепетало и ей одновременно захо-телось и убежать, и остаться, чтобы выслушать.

– О, нет, пожалуйста, не надо... лучше не надо, – пробормотала она, пытаясь отобрать свою руку, с испуганным видом, противоречившим ее уверениям, что она не боится.

– Я не беспокою вас, я только хочу знать, нравлюсь ли я вам хоть немножко, Мег. Я так люблю вас, дорогая, – сказал мистер Брук нежно.

Это был тот самый момент, когда следовало произнести спокойное и достойное заявление, но Мег не произнесла его; она забыла все заготовленные слова и, опустив голову, ответила: «Не знаю» – так тихо, что Джону пришлось на-клониться, чтобы уловить этот короткий ответ.

Но он, казалось, нашел, что потрудиться стоило, так как чуть заметно улыбнулся, словно был очень доволен, с благодарностью пожал пухлую ручку и сказал самым убе-дительным тоном:

– Постарайтесь, пожалуйста, и выясните. Я так хочу знать! Я не могу работать с душой, пока не узнаю, ждет меня в конце моих трудов награда или нет.

– Я слишком молода, – запинаясь, выговорила Мег, удивляясь, почему все в ней так трепещет, и, пожалуй, радуясь этому ощущению.

– Я подожду, а пока вы могли бы научиться любить меня. Это будет очень трудный урок, дорогая?

– Нет, если бы я хотела его выучить, но...

– Пожалуйста, захотите, Мег. Я люблю учить, а это легче, чем немецкий, – прервал ее Джон, завладевая второй рукой, чтобы она не могла скрыть лица, когда он склонился, чтобы заглянуть в него.

Тон его был, как и следует, просительным, но, украдкой бросив на него робкий взгляд, Мег увидела, что глаза у него не только нежные, но и веселые, а на лице удовлет-воренная улыбка человека, уверенного в успехе. Это уязвило ее. Глупые наставления Энни Моффат, касающиеся кокет-ства, пришли ей в голову, и желание властвовать, которое спит в груди даже самой лучшей из маленьких женщин, внезапно пробудилось и овладело ею. Она чувствовала себя непривычно, была взволнована и, не зная, что делать, под-далась этому беспричинному порыву. Отняв руки, она сказала нетерпеливо:

– Я не хочу. Прошу вас, уйдите и оставьте меня в покое!

Бедный мистер Брук выглядел так, словно его любимый воздушный замок обрушился ему на голову, так как он никогда прежде не видел Мег в таком расположении духа, и был весьма озадачен.

– Вы говорите серьезно? – спросил он с беспокойством, последовав за ней, когда она отошла.

– Да. Я не хочу, чтобы меня тревожили такими раз-говорами. Папа говорит, что не нужно, слишком рано, и, пожалуй, не стоит.

– Но не могу ли я надеяться, что со временем вы передумаете? Я подожду и не буду ничего говорить, пока вы все не обдумаете. Не играйте со мною, Мег. Я думал, что вы не такая.

– Не думайте обо мне совсем. Я не хочу, чтобы вы думали, – сказала Мег, черпая

жестокое удовлетворение в том, что испытывает терпение своего возлюбленного и свою собственную власть над ним.

Он был теперь серьезен и бледен и гораздо более по-хож на героев тех романов, которыми она восхищалась, но он не ударял себя по лбу и не бегал по комнате, как они. Он просто стоял, глядя на нее так печально, так нежно, что сердце ее смягчилось вопреки ее желанию. И я не могу сказать, что произошло бы дальше, если бы в эту интересную минуту в комнату, прихрамывая, не вошла тетя Марч.

Старая леди не могла противиться желанию увидеть племянника; выехав на прогулку, она встретила Лори, от которого узнала о возвращении мистера Марча, и решила заехать, чтобы повидаться с ним. Все семейство было занято делами в задней части дома, и она вошла без шума, желая удивить их. Двоих из них она удивила так сильно, что Мег вздрогнула, словно узрев привидение, а мистер Брук исчез в соседней комнате.

– Спаси и помилуй, да что ж это такое? – воскликнула старая леди, стукнув об пол своей палкой, когда перевела взгляд с бледного молодого джентльмена на красную мо-лодую леди.

– Это друг папы. Я так удивлена, что вижу вас! – с трудом вымолвила Мег, чувствуя, что нотации не избе-жать.

– Видно, что ты удивлена, – отвечала тетя Марч, уса-живаясь. – Но что же такое может сказать друг отца, чтобы ты сделалась красная как пион? Здесь что-то затевается, и я настаиваю, чтобы ты все мне рассказала. – И снова раздался стук.

– Мы просто разговаривали. Мистер Брук пришел, чтобы забрать свой зонтик, – начала Мег, жалея, что мистер Брук и его зонтик еще не покинули благополучно стен этого дома.

– Брук? Учитель этого мальчишки? А! Теперь ясно. Я все знаю. Джо как-то раз прочитала мне не тот абзац в одном из писем твоего отца домой, и я заставила ее все рассказать мне. Но ты ведь не приняла его предло-жения, детка? – воскликнула тетя Марч с возмущенным видом.

– Тише! Он слышит. Может быть, я лучше позову маму? – сказала Мег, очень обеспокоенная.

– Подожди. Я хочу кое-что сказать тебе и облегчить душу сразу. Скажи мне, ты собираешься выйти за этого Кука? Если ты это сделаешь, ни гроша из моих денег не получишь. Помни это и будь благоразумна, – сказала старая леди выразительно.

Надо сказать, что тетя Марч в совершенстве владела искусством возбуждать дух противоречия даже в самых кротких людях и с удовольствием делала это. В лучшем из нас есть примесь своенравия, особенно когда мы молоды и влюблены. Если бы тетя Марч принялась умолять Мег согласиться на предложение Джона Брука, та, скорее все-го, объявила бы, что не желает и думать об этом, но, так как ей не допускающим возражений тоном было приказано не любить его, она немедленно решила, что полюбит. Сер-дечное влечение наряду с упрямством сделало легким при-нятие этого решения; и, без того уже очень взволнованная, Мег оказала сопротивление старой леди с необычной энер-гией.

– Я выйду за того, кто мне нравится, тетя, а вы можете оставить ваши деньги кому угодно, – сказала она, с реши-тельным видом вскинув голову.

– Скажите пожалуйста! Так-то вы принимаете мой со-вет, мисс! Ты пожалеешь об этом, когда попытаешься найти рай в шалаше и потерпишь полную неудачу.

– Такая неудача будет не больше тех, что ожидают некоторых людей и в больших домах, – возразила Мег.

Тетя Марч надела очки и внимательно посмотрела на девушку, так как никогда не видела ее прежде в таком расположении духа. Мег и сама едва ли узнавала себя: она чувствовала себя такой смелой и независимой, с такой ра-достью защищала Джона и утверждала свое полное право любить его, если хочет! Тетя Марч увидела, что не так приступила к делу, и после небольшой паузы предприняла новую попытку, сказав как можно мягче:

– Мег, дорогая, будь благоразумна и прислушайся к моему совету. Я ведь добра желаю

и не хочу, чтобы ты испортила себе жизнь, сделав в самом ее начале серьезную ошибку. Ты должна удачно выйти замуж и помочь семье; твой долг найти богатого человека, и тебе следует это осознать.

– Папа и мама так не думают, им нравится Джон, хоть он и беден.

– У твоих родителей, дорогая, житейского разума не больше, чем у двух младенцев.

– Я этому рада! – воскликнула Мег с твердостью. Тетя Марч не обратила на это внимания и продолжила свои наставления:

– Этот Рук беден и у него нет богатых родственников, ведь так?

– Да, так, но у него много близких друзей.

– Нельзя жить за счет близких друзей; попробуй – и увидишь, как они отдалятся. У него нет хорошего места или должности, не так ли?

– Пока нет. Мистер Лоренс намерен помочь ему.

– Его дружеское расположение долго не протянется. Джеймс Лоренс – взбалмошный старик, и на него нельзя положиться. И значит, ты собираешься замуж за человека без денег, положения в обществе или доходного занятия и будешь трудиться еще больше, чем сейчас, когда вполне могла бы прекрасно устроиться и жить без забот до конца своих дней, послушавшись меня? Я думала, Мег, что ты умнее.

– Я не смогла бы устроиться лучше, даже если бы ждала еще полжизни! Джон добр и умен, у него множе-ство талантов, он готов трудиться и, конечно же, добьется успеха – ведь он такой энергичный и смелый. Все любят и уважают его, и я горжусь тем, что он любит меня, хотя я так бедна, молода и глупа, – сказала Мег; в своей горячности выглядела она красивее, чем когда бы то ни было.

– Он знает, что у *тебя* есть богатые родственники, детка; вот секрет его любви, как я подозреваю.

– Тетя, как вы смеете это говорить? Джон выше такой мелочности, и я не стану слушать вас ни минуты, если вы будете так говорить! – вскричала Мег негодуя, забыв обо всем, кроме несправедливых подозрений старой леди. – Мой Джон не стал бы жениться из-за денег, так же как и я. Я не боюсь бедности, так как, хоть и бедная, я была счастлива до сих пор и знаю, что буду счастлива с ним, потому что он любит меня и я...

Здесь Мег остановилась, совершенно неожиданно вспомнив, что она еще ничего не решила, что она велела «своему Джону» оставить ее в покое и что он, вероятно, не может не слышать ее совершенно нелогичные заявления.

Тетя Марч была очень разгневана; она горячо желала, чтобы ее красивая племянница сделала прекрасную партию, и почему-то счастливое юное лицо девушки заставляло одинокую пожилую женщину испытывать одновременно и со-жаление и озлобление.

– Ну, я умываю руки – больше меня это не касается! Ты своевольная девчонка и не понимаешь, что ты теряешь из-за своей прихоти. Нет, я здесь не останусь. Ты обманула мои надежды, и у меня пропало желание видаться с твоим отцом. Не жди ничего от меня, когда выйдешь замуж. Пусть о тебе заботятся друзья твоего мистера Брука. Я отступаю от тебя навсегда.

И, хлопнув дверью, тетя Марч уехала, уязвленная до глубины души. Казалось, что она увезла с собой и всю смелость Мег, так как, оставшись одна, та на мгновение замерла в нерешительности, не зная, плакать ей или сме-яться. Не успела она решить для себя этот вопрос, как ею уже завладел мистер Брук, выпаливший не переводя ды-хания:

– Я не мог не слышать, Мег. Спасибо вам за ваше заступничество, а тете Марч за то, что она доказала, что вы немножко меня любите.

– Я и сама не знала, как глубоко, пока она не оскорбила вас, – начала Мег.

– И мне не нужно уходить, я могу остаться и быть счастлив, могу, дорогая?

Представился новый прекрасный случай для произне-сения уничтожающего ответа и торжественного выхода из комнаты, но Мег даже не подумала сделать ни то, ни другое и навеки опозорила себя в глазах Джо, кротко шепнув: «Да, Джон» – и спрятав лицо в жилет мистера Брука.

Пятнадцать минут спустя после отъезда тети Марч Джо тихонько спустилась вниз, на мгновение замерла у двери гостиной и, не услышав ни звука, кивнула и улыбнулась с довольным выражением, сказав себе: «Она его выпроводила, как мы и собирались. Дело сделано. Пойду послушаю; вот посмеемся».

Но посмеяться бедной Джо не пришлось, ибо она оце-пенела на пороге при виде зрелища, заставившего ее рас-крыть рот почти так же широко, как и глаза. Войти, чтобы ликовать над поверженным врагом и похвалить решительную сестру за изгнание нежеланного поклонника, и получить такой удар – увидеть вышеупомянутого врага, безмятежно расположившегося на диване, с решительной сестрой, вос-седающей у него на коленях с выражением малодушной покорности на лице. Джо судорожно втянула ртом воздух, словно ее внезапно окатили холодной водой, – противник до того неожиданно поменялся с ней ролями, что у нее захватило дух. При этом странном звуке влюбленные обер-нулись и увидели ее. Мег вскочила с видом одновременно и гордым и смущенным, но «этот человек», как называла его Джо, даже засмеялся и сказал спокойно, целуя изум-ленную вновь прибывшую:

– Сестра Джо, поздравьте нас!

Это было новым оскорблением, а все вместе оказалось просто невыносимо, и, обнаружив свои чувства в истступ-ленном жесте рук, Джо исчезла без слов. Бросившись на-верх, она влетела в комнату, где были больные, и перепугала всех, трагически воскликнув:

– О, скорее! Кто-нибудь пойдите вниз! Джон Брук ведет себя безобразно, а Мег это нравится!

Мистер и миссис Марч торопливо покинули комнату, а Джо, упав на кровать, плакала и неистово ругалась, рассказывая ужасную новость Бесс и Эми. Младшие де-вочки, однако, сочли, что это приятное и интересное со-бытие, и Джо не получила от них никакой поддержки. Поэтому она скрылась в своем убежище на чердаке и по-ведала все горести крысам.

Девочки не знали, что происходило в гостиной в тот вечер, но говорилось там немало, и обычно тихий мистер Брук поразил своих друзей красноречием и энергией, с которыми добивался их благосклонности; он рассказывал о своих планах и убеждал их сделать все так, как он хо-чет.

Звонок позвал всех к чаю, прежде чем мистер Брук завершил описание рая, который он намеревался создать для Мег, и он с гордостью повел ее к столу. Оба каза-лись такими счастливыми, что у Джо не хватило совести ревновать или смотреть угрюмо. Эми была под большим впечатлением от самозабвенной любви Джона и величест-венного вида Мег. Бесс издали улыбалась влюбленным, а мистер и миссис Марч наблюдали за юной парой с та-ким удовлетворением на лицах, что было совершенно оче-видно, насколько права была тетя Марч, заявившая, что «житейского разума у них не больше, чем у двух младен-цев». Все ели мало, но каждый казался очень счастли-вым, и старая темная комната удивительно преобразилась и засияла, когда здесь началась первая в семье любовная история.

– Теперь ты не скажешь, что в нашем семействе ни-когда не происходит ничего приятного, правда, Мег? – сказала Эми, обдумывая одновременно, как лучше распо-ложить влюбленных на рисунке, который собиралась на-чать.

– Нет, конечно, не скажу. Сколько всего измени-лось с тех пор, как я это сказала! Кажется, что было это год назад, – отвечала Мег, возносившаяся в бла-женных мечтах куда выше таких банальных вещей, как хлеб и масло.

– На этот раз радости быстро идут на смену горестям, и я склонна думать, что перемены уже начались, – сказала миссис Марч. – В большинстве семей выпадает порой время, полное событий, и таким был для нас этот год, но кончился он хорошо, несмотря ни на что.

– Надеюсь, следующий кончится лучше, – пробормо-тала Джо, которой тяжело было видеть Мег, столь увле-ченную кем-то «чужим»; Джо всем сердцем любила лишь немногих

людей и очень боялась утратить их любовь, полностью или частично.

– А я надеюсь, что самый счастливый год наступит через три года. Я уверен, это так и будет, если я доживу, чтобы осуществить мои планы, – сказал мистер Брук, улыбаясь Мег с таким видом, словно теперь для него не было невозможного.

– Но не слишком ли долго ждать? – спросила Эми, которой хотелось поскорее увидеть свадьбу.

– Мне еще многому нужно научиться, прежде чем я буду готова вести свое хозяйство, и этот срок не кажется мне долгим, – ответила Мег с пленительно серьезным выражением, какого еще никогда не видели на ее лице.

– Тебе нужно только ждать, я все сделаю сам, – сказал Джон, начиная свои труды с того, что поднял упавшую салфетку Мег с таким выражением лица, увидев которое Джо покачала головой, а затем, когда хлопнула парадная дверь, с облегчением сказала себе: «Вот идет Лори. Теперь-то мы услышим что-нибудь разумное».

Но Джо ошиблась, ибо Лори вбежал в комнату преисполненный энтузиазма, с великолепным букетом для «миссис Маргарет Брук» и в счастливом заблуждении, что все закончилось благополучно исключительно благодаря его замечательному руководству.

– Я знал, что Брук сделает все, как задумал; если уж он решился на что-нибудь, можно считать, что дело сделано, пусть хоть небеса упадут на землю, – сказал Лори после того, как вручил подарок и принес искренние поздравления.

– Весьма признателен за такую рекомендацию. Я принимаю ее как счастливое предсказание и сразу же приглашаю тебя на свадьбу, – отвечал мистер Брук, который чувствовал себя примирившимся со всем человечеством, включая даже своего озорного ученика.

– Я приеду, даже если буду на краю земли; один вид лица Джо, какое будет у нее по случаю этого события, вполне будет стоить долгого путешествия. У вас не праздничный вид, мэм; в чем дело? – спросил Лори, следуя за ней в другой угол гостиной, куда все перешли, чтобы приветствовать старого мистера Лоренса.

– Я не одобряю этот брак, но решила примириться с ним и больше не скажу ни слова возражения, – заявила Джо торжественно. – Ты не знаешь, как для меня тяжело уступить ему Мег, – продолжила она с легкой дрожью в голосе.

– Ты не уступаешь ее, вы делите ее пополам, – сказал Лори в утешение.

– Теперь уж никогда не быть тому, что было. Я потеряла самого дорогого друга, – вздохнула Джо.

– Ну что ж, во всяком случае у тебя есть я. Не на многое гожусь, знаю, но я останусь с тобой, Джо, до конца моих дней. Честное слово! – И Лори был при этом совершенно искренен.

– Я знаю и очень благодарна. Ты всегда приносишь мне утешение, Тедди, – отвечала Джо, с чувством пожимая ему руку.

– Ну а теперь не грусти, будь молодцом. Все в порядке, ты же видишь. Мег счастлива, Брук сразу закрутится и быстро где-нибудь устроится, дедушка ему поможет, и будет очень весело, когда мы увидим Мег в ее собственном маленьком домике. И мы отлично будем жить, так как пройдет лишь немного времени после ее отъезда – и я окончу университет, и тогда мы поедем куда-нибудь за границу. Разве это не утешит тебя?

– Пожалуй, да, но кто знает, что может случиться за три года? – сказала Джо задумчиво.

– Это правда. Ты не хотела бы заглянуть в будущее и увидеть, где мы все окажемся тогда? Я хотел бы, – ответил Лори.

– Думаю, что нет, ведь там я могла бы увидеть что-нибудь печальное, а сейчас все так счастливы. Я не верю, что им может быть лучше. – И Джо обвела комнату медленным взглядом; лицо ее прояснилось, так как зрелище было приятным.

Папа и мама сидели рядом, переживая заново первую главу романа, начавшегося для них двадцать лет назад. Эми рисовала юных влюбленных; они сидели в сторонке,

погрузившись в собственный счастливый мир; свет его оза-рял их лица с чарующей прелестью, которую маленькая художница не могла передать в своем рисунке. Бесс лежала на диване, оживленно беседуя со своим старым другом мистером Лоренсом; он держал ее маленькую руку так, словно чувствовал, что она обладает силой вести его тем мирным путем, которым идет его кроткая подруга. Джо, с серьезным, спокойным выражением, которое шло ей больше всего, сидела откинувшись в своем любимом низком кресле. Облокотясь о его спинку, стоял Лори, с подбородком на уровне ее кудрявой головы, улыбался с самым дружеским выражением и кивал ей, глядя в высокое зеркало, отражав-шее их обоих.

И здесь опускается занавес, скрывая от нас Мег, Джо, Бесс и Эми. Поднимется ли он вновь, зависит от того, какой прием будет оказан первому акту семейной драмы под на-званием «Маленькие женщины».